Аннстис. Клан возрожденных (Новая жизнь. Клан возрожденных)

Алексей Владимирович Чтец

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Черновик закончен, от чего он не перестал быть черновиком.

ГГ, после смерти, попадает в другой мир, там обучается магии, антинаучным способом получает навыки владения мечом, луком и прочей убойной продукцией оружейной средневековой промышленности, обретает друзей, и побеждает злодея. Далее начинается 2 книга:-D

Жду комментариев по теме и без оной. НЕ РЕДАКТИРОВАНО.

от 28.01.14

-
- Чтец Алексей Владимирович
- Аннстис. Клан возрожденных (Новая жизнь. Клан возрожденных)
- Пролог
- Глава 1. Новое начало
- Глава 2. На пути в город
- Глава 3. Город — порт
- Глава 4. Наконец-то цивилизация
- Глава 5 Новая жизнь, новые планы
- Глава 6. Работа и призвание
- Глава 7. Жизнь и… прочие неурядицы
- Глава 8. Будни
- Глава 9. Смена декораций
- Глава 10. Паранойя
- Глава 11. Пересекая море
- Глава 12. Некромант на пиратском острове
- Глава 13. Дорога домой
- Глава 14. От суши до края рассудка
- Глава 15. Между ангелом и бесом
- Глава 16. В родных стенах
- Глава 17. Решая проблемы
- Глава 18. В логове врага
- Глава 19. Клан возрожденных
- Глава 20. Подбивая итоги
- Глава 21. Последняя точка
- Эпилог
- Часть 1

- Часть 2

Чтец Алексей Владимирович

Аннстис. Клан возрожденных (Новая жизнь. Клан возрожденных)

Журнал "Самиздат"

Пролог

Жизнь — это попытка обмануть смерть,
а смерть — это расплата за обман.
/Безымянный философ/

По закону всех времен и миров, когда заканчивается одно, всегда начинается нечто другое, новое, а исчезающее никогда не пропадает бесследно. Я попал под статью именно этого кодекса и оказался в незнакомом месте в качестве бесплотной сущности, от безысходности и ради выживания сжавшейся до состояния камня. С тех пор я успел побывать кем угодно: причудливого камня, поднятого почти случайным прохожим, провел несколько месяцев в кармане студента академии в качестве магической безделушки и стал ходячим мертвецом после его трагической смерти. В тот момент самое сильное мое желание было вновь стать живым в полном смысле этого слова: дышать, смотреть на мир привычным взглядом, чувствовать ласковое прикосновение солнечного света, вновь ощутить голод и насыщение, а главное, ни от кого не зависеть.

И я ожил, волей случая добыл нужные знания, нашел подходящее тело и вновь вздохнул полной грудью, став человеком, воином. Вместе с возможностью смотреть на мир его глазами я унаследовал и внешний облик, определенные навыки, друзей, врагов…, и не моя вина, что неприятности следовали вслед за мной. Я жил как умел, знакомился и расставался, был охотником и загнанной дичью, мстил…, сменив при этом не только свои убеждения, но и ценности. Не знаю, как так выходит, но чем дольше топчу земли этого мира, тем большую ценность для меня приобретают мои собственные интересы, жизнь и здоровье. Хотя, вру, знаю — это называется инстинктом, инстинктом выживания, и причиной тому — сама жизнь.

Еще вчера, помогая себе и раздавая долги за убитых друзей, я невольно оказался втянут в интриги между окончательно спятившим магом и имперской службой дознания и оказал некую поддержку определенным людям. Да что скромничать? Скажу прямо, я оказался в нужное время в нужном месте и отправил в преисподнюю тирана, шагающего по головам людей к достижению своих туманных, но непременно "благих" целей. Ради себя он собирался развязать войну между двумя державами и устроить маленькую революцию в дворце правителя, но вот незадача, я могу убивать даже став мертвецом с пробитым

сердцем…, умертвие вообще очень сложно убить, особенно, если оно обладает силой и разумом.

Не ожидавший этого маг отступил, скрываясь в мареве стационарного портала, будучи уже трупом, безвозвратно и окончательно. Признаться, никто не ожидал превращение человека в сильнейшую нежить, с которой им когда-либо приходилось сталкиваться, и которая способна забирать души и магию у убитых ею одаренных, от этого становясь только сильней. После увиденного, на лицах одних выживших читался страх, в чувствах других царило смятение и обреченность, у третьих — желание бежать, но не покорится судьбе, не разделить судьбу мертвецов. Боялись все без исключений, хоть мы и были на одной стороне. Люди вообще склонны бояться неизвестного и постоянно стремятся уничтожить источник своего страха. Уйти стало проще, чем сделать что-то иное, начать сначала казалось разумным решением.

Я сделал все, чтобы порвать прежние связи и вонзил клинок прямо в стационарный портал, замыкая токи силы, и шагнул в неизвестность. Чем я тогда думал, и как меня не размазало тонким слоем по целому континенту, объясняется, видимо, только удачей, но факт остается фактом, я выжил и убрался подальше от всех этих интриг, заговоров и суеверного ужаса в глазах друзей и союзников. Но бывшие в то время рядом имперские маги оказались упорны. Зрелище того, как неизвестное существо запросто пожирает души и заедает магическим даром точно таких же, как они сами, магов, не испугало их до дрожи в коленях. Напротив, расшевелило осиное гнездо, заставило задуматься об иерархии силы, о своем месте в пищевой цепи, и им показалось противно, что их собственное звено болтается чуть ниже того места, откуда обычно вырастают ноги. Не иначе как подпорченное самолюбие заставило их натравить на меня демона инферно, который лишил меня не только тела, но и практически всех вещей, за исключением разве что стальных и совсем непригодных в пищу, за что и подавился, смертельно так подавился, сам став жертвой уже моей прожорливости. Полностью поглотив демона, я стал им, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Демоны…, хм, кто говорит, что они не способны на созидание, лжет вам прямо в лицо. Они способны. Но за одним лишь маленьким исключением, чтобы что-то создать, им нужна возможность, а именно сила, которую эти существа добывают, отбирая у других, отбирают вместе с жизнью. Вот и выходит, что чтобы сделать нечто хорошее или просто продолжить существовать, они убивают, обманывают, заключают контракты и

в итоге все равно забирают чужую силу и бессмертные души. И какое после этого отношение к демонам? Точно не любовь и прощение, максимум на что они могут рассчитывать в населенных землях — попытка изгнания или бой с паладином. В худшем случае за него возьмутся демонологии, и тогда смерть станет желанным исходом.

К счастью, я не отношу себя к краснокожим рогатым парнокопытным пожирателям слабых, сеющим вокруг хаос и разрушение. Напротив, прошло несколько дней, а каких-то значительных изменений я не заметил, ну разве что в истинном зрении как две капли воды стал похож на вышеупомянутых убийц, разрушителей и ненавистников всего живого. В основном же, все как было, так все и осталось. Ну, может, чуть прибавилось возможностей да появился целый воз новых проблем в отношениях с разумными всех мастей и расцветок. Но поверьте, я точно никогда не буду убивать всех направо и налево из удовольствия, не настолько я выжил из ума, а потому вполне способен отличить хорошее от плохого и добро от зла. Следовательно, скоро я надежно скрою свою суть, найду себе новое тело и лицо, и с чистого листа начнется следующая жизнь, без старых врагов, друзей и союзников.

Глава 1. Новое начало

Шок — это по-нашему.
/Из рекламы/

Огромный девственно-чистый мир, наверняка в нем еще много мест, куда не ступала вездесущая немытая ступня человечества. Я бы даже сказал, излишне много таких мест, а еще больше невероятно обширных территорий, где по каким-то причинам люди не спешат строить свои города. Тут одно из двух: либо это я пошел не в ту сторону от ближайшего поселения, либо это ближайшее поселение не в той стороне. Конечно, в этом есть и свои несомненные плюсы, пальцем на меня никто не показывает, хищные звери от меня закономерно шарахаются, эх…

Вот у Робинзона был верный помощник Пятница, у сумасшедшего отшельника был воображаемый друг, у одинокой пенсионерки котик, а кто есть у меня? Конечно, у меня тоже много чего есть, например, притихшая живая татуировка змеи на плече, а также приятная глазу любого мужчины наемная убийца-вампир, где-то далеко за горизонтом исполняющая мою волю. Стоп, стоп, это снова возвращает меня к началу дилеммы про демона, его верных слуг, всеобщей к ним любви и так далее и тому подобное, мне оно надо? Поживу-ка я лучше привычной, тихой и размеренной жизнью! К тому же, с недавних пор на горизонте я заметил телегу, и наконец-то будет у кого выяснить куда меня, к чертям собачьим, занесло.

Но, самое важное, чтобы у возницы было чего пожрать! Шутка ли, с того самого момента как я сказочным образом преобразился, у меня и росинки маковой во рту не было, все корешки да ягодки разные… Я соскучился по нормальной еде! Ну, будем надеяться, будем надеяться… Хотя чего тут надеяться, топать надо! И спустя где-то час, я встретился лицом к лицу с пегой лошадкой, которой тихонечко правил немолодой уже бородатый крестьянин.

— Тпрууу, родная, — сказал он, и лошадь сама, без каких-либо усилий остановилась. — Здоров будь, молодец, с добром к нам али как? — Без тени сомнения в правдивости ответа спросил он.

— С добром, дед, с добром. Куда ж сейчас без него родимого. Ты подскажи, в какой стороне ближайший город. — В ответ старик неопределенно махнул рукой, из чего я сделал вполне очевидный вывод — он сам не особенно-то и в курсе.

— Постой дед, не торопись, — я постарался добыть хоть

каплю так необходимой сейчас информации. — Где людей искать или других разумных?

— Дык, там вон деревенька моя, — простоватый крестьянин снова не слишком понятно взмахнул рукой, — часа два пути всего. — Там быть город должен, далече только, — узловатый палец указывает мне за спину, в сторону, откуда я шел. Складывается такое ощущение, будто неразумному, но вполне безобидному чужаку объясняют всем известные истины, — а там эльфы, стало быть, — небрежный взмах ладонью чуть за спину, в сторону леса.

— Не густо, прямо скажем, но и на том спасибо, дед, — пробурчал я, наблюдая, как из воза с сеном вылезает заспанное и порядком помятое тело, разбуженное нашим разговором.

— Демон!!! — услышал я враз охрипший от страха голос.

— Хде?! — ехидным, заинтересованным тоном поинтересовался я, разглядывая новое действующее лицо, между прочим, очень правильное лицо. Если бы не взлохмаченный вид, заостренные уши, и застрявшая в волосах солома был бы вылитый юный аристократ, а так обычных эльф — полукровка, чувствуется, что лопоухие где-то рядом.

— Вот… — демон, — обвиняюще ткнул в меня трясущейся рукой перепуганный паренек.

— Ааа… — протянул я, — и забыл совсем! Да ты не бойся, я вроде как добрый… Но голодный… Дед, покушать чего не найдется, а?

— Взаправду, демон? — Вмешался не поверивший ни единому слову старик, но, тем не менее, порывшись у края телеги, протянул мне краюху хлеба и бурдюк с водой.

— Ох, не поверишь, дед, — я горестно вздохнул, да и было от чего, — жил в свое удовольствие, людям помогал, целительское дело изучал. Другие-то демоны меня, поди, за безобидного дурачка считали. Но вот когда я свои истинные возможности ненароком раскрыл, меня убить попытались, (вернее натравили кое-кого) еле живым ноги унес. Вот с тех пор и приходится скитаться, избегая демонов от греха подальше, а с магами так вообще лучше не сталкиваться, с такой-то черной душой как у меня. — Проехался я по ушам столь благодарным слушателям. — Вот он должен меня понять, — кивнул на полуэльфеныша, забившегося в угол телеги в обнимку со своей лютней, — лопоухие разбавленную кровь за своего никогда не признают, и люди за красоту и долголетие будут ненавидеть всегда и везде. Но, слава Пресветлой, мир не без добрых сердец, — поблагодарил я кивающего каким-то своим мыслям старика. Посмотрел на бледного полукровку, вот уж кто подобно своему ушастому

родителю умеет чуять ложь, ишь как напрягся, глазища с блюдца, взгляд дикий. Бедняга, ты моргать-то не забывай. Ладно, хоть над молодым поколением улыбнулся, все не так скучно жить, прорвемся!

— Бывайте, смертные. Быстрой вам дороги, — сказал я, и чтобы не заржать в голос над трясущимся от страха полуэльфом, развернулся и потопал напрямую по направлению к деревне. Там хоть была надежда прошерстить ближайшее кладбище на предмет свежих могил, я же не привередливый, мне бы труп не старше пары дней и черта с два меня кто-то раскусит.

— Ступай, милок, пусть не обделит тебя Пресветлая богиня своей милостью, — уже со спины благословил меня крестьянин, наверное, больше по привычке, нежели от большой любви. Но я был рад даже такому "дежурному" доброму слову.

***

Юная, изящная Девушка склонилась над выложенной камнями могилой.

— Сколько времени уже прошло, а мне его все так же не хватает, — грустно произнесла она, роняя слезу. Высокий статный юноша положил ей на плечо руку, желая утешить плачущую сестру.

— Он был хорошим отцом для нас обоих, — это было сказано настолько уверенным тоном, что нельзя не проникнуться сыновним уважением к родителю. — Мы сделаем, как было завещано. Ты поступишь в академию и станешь сильным магом, а я, не имея дара, пойду по пути меча, и буду прикрывать твою спину, чтобы не случилось. Не бойся, мы будем рядом, и я всегда буду заботиться о тебе.

— Спасибо, Герд, — с искренней благодарностью в сердце ответила девушка своему брату и, вытерев заплаканное лицо, плотнее прижалась к единственному родному человеку в этом огромном мире.

— Завтра мы покинем деревню. Отец, можешь быть спокоен за нашу судьбу, мы не опозорим твою память. — Уверенности юноши и твердости его характера можно только завидовать. Но оно и понятно, если не он, то кто позаботится о сестре? После смерти отца от тяжелой долгой болезни в деревне у них не осталось родственников, здесь они пришлые. Нет, их никто не прогонял, и, безусловно, селяне помогли бы сиротам, но отец видел в своей дочери сильного мага, а в деревне развить такой талант невозможно. Для сына же он пророчил путь умелого мечника, верного заступника своей младшей сестры и пока были силы, пытался передать ему эту непростую науку.

— Ты должен стать сильным, чтобы заботиться о сестре, —

постоянно повторял отец, — а для этого нужно отправиться в город. — Конечно, поступить в академию меча и магии не просто, к тому же придется постоянно много работать, чтобы свести концы с концами, но они справятся. Уже почти год справлялись. С того самого времени, как в горячке слег отец, Герд сам вел хозяйство и понемногу откладывал на обучение. У нас все получится, обязано получиться.

Неожиданно со стороны кустов раздался громкий треск и на небольшое деревенское кладбище, вышли три обтрепанных неопрятных мужика в дрянных, поношенных доспехах.

— О! Ты посмотри, какая девка! — Обрадовался идущий первым и стал потирать грязные руки, — поди не порченная еще, чур я первый. — И быстрым шагом пошел в сторону детей.

— Гыы, — ответил второй, раздвинув губы в глуповатом подобии улыбки, при этом демонстрируя всем желающим почерневшие от дурной пищи и должного ухода зубы. — Удачно мы, это, зашли.

— Эй! Ты токо не убивай сразу, чтоб еще живая была. Вот парня прирежь, пока шума не поднял, а я девке рот заткну, не хватало чтоб вся деревня на крики сбежалась, — посоветовал последний, самый многословный, и все трое двинулись в сторону выложенной камнем могилы, рядом с которой стояли подростки.

***

Анст

Что-то сегодня звезды выстроились не в той последовательности, гороскоп невнятный попался или еще что, черт знает. Понятия не имею, как объяснить тот факт, что пока плутал в поисках этой захудалой деревеньки, прошло три часа, хреновый из старика навигатор, потом пока по широкой дуге обошел ее кругом в поисках кладбища, еще не меньше часа ушло. Так вот, прихожу, размышляю, костюмчик себе не слишком разложившийся выкопать собираюсь, и лопату подходящую из сарайчика по пути прихватил (конечно бесхозную), а тут нате вам — занято место. В смысле, живых многовато, могут ведь и неправильно понять честного демона, разрывающего могилы в поисках тел, а тогда все по старому сценарию: вилы — факелы, хватай, лови, руби… Ладно, до ночи не так долго осталось, потерпит костюмчик, не сбежит, а живые пусть пока такими и остаются.

Но дальше больше, к двум дружным подросткам лет шестнадцати-восемнадцати из ближайших кустов присоединилось еще трое крестьян. Или не совсем крестьян…, но совершенно точно началось какое-то нездоровое движение, девчонку, которая начала убегать, повалили на землю и заткнули рот. Парень, не

желающий терпеть подобное оскорбление на месте, где покоятся предки, получил в грудь нож, но, кажется, тоже успел кого-то серьезно подрезать.

Они что, с ума посходили?! Она же совсем ребенок! Уж насколько я беспринципная сволочь, собираюсь украсть из могилы покойника, но это! Готовьтесь, твари, когда кругом столько свежего материала, по назначению лопату я использовать не собираюсь, (я предвкушающее улыбнулся) никого откапывать не придется, скорее наоборот… Я вышел из скрывавшего мое присутствие подлеска и легкой хищной походкой смертельно опасного зверя направился в сторону людей, направился на охоту, чтобы убивать. К первой жертве я подошел со спины, из этих отбросов никто и не догадался периодически смотреть по сторонам, настолько все были заняты созерцанием бедной девчонки, на которой успели разодрать платье.

— Скоты…, - тихо, сквозь зубы прорычал я, приблизившись к ближайшей жертве на расстояние удара. Не понимаю, почему этот вонючий мужик выглядел таким удивленным, но его голова словно мяч покатилась с холма с настолько дебильно-недоуменным выражением лица, что стало смешно, смешно и грустно одновременно. Итого — минус один дефект в человеческом роде. Второй успел среагировать и вытащить длинный стилет, но запутался в собственных спущенных штанах и с посильной помощью силы тяжести отлично на него же и напоролся, не без моего минимального вмешательства, конечно. Пока свой земной путь закончили двое, оставляя в моих загребущих руках свои похотливые, пропахшие насилием и смертью души, третий оправился от внезапного нападения и успел приготовиться к бою. Да только чем ему это поможет?

Попал ты, "боец", твое тело мне нужно максимально целым, зачем же портить будущее имущество? Брошенный в лицо рукояткой вперед клинок, что от вменяемого мечника никто и никогда ждет, и свинцовый противовес угодил точно в лоб. Дальше просто — придушить это дезориентированное мечущееся тело и новое вместилище готово, а я стал богаче уже на целых три прогнившие душонки и содержимое карманов этих подонков.

— Слышь, малая, прикройся, не на море, — мимоходом бросил я через плечо в попытке привести в себя бедную девчушку, попутно осматривая ее брата. Дела у него скверные, очень скверные, кровь толчками покидает тело, в такт биения сердца. Зажал рану, кровотечение немного остановилась, но душа парня все равно рвется проведать небеса. Врешь, зараза, от меня еще никто так просто не уходил!

Так, бог с ней с девчонкой, как-нибудь и без меня очнется от

шока. Малое исцеление, еще и еще…, что за?! Почему такой слабый эффект?! Рана уже должна затянуться, так почему…, повторяю еще раз и в истинном зрении вижу, как белое свечение заклинания поглощается моей темной сутью, а до пациента доходит едва ли треть. Блин, сплошные минусы от такого существования, значит нужный эффект будет достигнут не за счет качества, а за счет количества, я не жадный. Примерно после пятнадцатого по счету заклинания, до меня, наконец, доходит, что все можно сделать куда проще! Два высушенных до состояния мумии тела и юноше перепадает немного заимствованной жизненной силы, догадайся я об этом раньше и польза возросла бы многократно, но увы, все мы сильны задним умом. Да и не важно, жить будет, и это главное. Незаслуженно обиженные дети спасены, злые взрослые наказаны, добро торжествует, зло нервно ощупывает поврежденные его же верным демоническим слугой места.

— Чем благодарить будешь, красна девица? — Спросил я уже прикрывшую наготу и с ужасом наблюдавшую за мной довольно привлекательную девушку, пытаясь отвлечь от событий, свидетелем которых она стала. На вид ей не дашь и шестнадцати, ну и перепугалась бедняжка. Но все закончилось, пора бы уже и прийти в себя.

Ох! Вот оно в чем дело! Теперь понятно, по какой причине столько страха и паники, у нее есть магический дар… Она все видела…, видела, как минуту назад перед ней сама Тьма преисподней завалила трех здоровых мужчин, поглотила души и из двоих до капли выпила все жизненные соки, а теперь склонилась над ее братом и защитником… То еще зрелище, чтоб его! Ладно, мир не без добрых людей, верно?

— Я…, я не знаю… — через силу выдавила бедняжка на вопрос о расплате.

— Тогда помоги другому. — С ноткой грусти ответил я. Уже и так ясно, что дать ей мне попросту нечего, хотя я особо ни на что и не рассчитывал. Спасибо оно, конечно, не звенит и не булькает, да только откуда в деревне взяться золоту? Н-да, жаль, конечно…, пока не доберусь до гномьего банка каждый медяк ценен как никогда.

— Что? — Еще больше расширенными, теперь еще и от удивления глазами переспросила девушка, услышав от демона доброе слово.

— Помоги другому, говорю, передай добро по цепочке… Кстати, а золота у тебя точно нет? — Смотрю в идеально круглые глазки девушки, — ну тогда остается добро и только добро…, - и не выдержав, не смотря на совершенно не подобающую ситуацию,

засмеялся, попутно занявшись делами мирскими.

Не стоит терять время, найденные монеты в карман, кинжал поприличнее за пояс, тело последнего бандита на плечо и ходу, ходу, ходу. Если натерпевшаяся за сегодня девчушка в довесок увидит как Тьма впитывается в труп ее не состоявшегося убийцы, и тот спокойно встает и отряхивается, это будет последним шагом к безумию. Хватит ей уже на сегодня событий, да и мне, кстати, тоже. Просто удивительно, как за последний год изменилось мое мировоззрение. Еще недавно, застав такую картину, рвал бы горло, зазывая стражу (считай полицию), то сегодня бегу с поля боя в лес с человеком на плечах, которого пять минут назад сам же и прикончил. Эх, что же ты с нами делаешь, жизнь?

Глава 2. На пути в город

Перед тем как ударить, знай кого,
Только собираясь бить, знай как,
Ударяя, будь готов как победить,
так и отступать.
/Житейская мудрость/

— До чего неправильный мир! — Подумал я после полудня второго дня беспрерывного блуждания по лесу, в который по неосторожности углубился несколько глубже, чем следовало.

Угу, а еще неправильные пчелы, дающие неправильный мед, — вспомнился нагловатый, но, несомненно обаятельный герой мультфильма, что любил ходить в гости по утрам и считал, что поступает мудро, ведь на то оно и утро. Не совсем правильная жизненная позиция, но имеет право на существование, лишь бы найти к кому можно сходить и бессовестно обожрать…

К сожалению, поблизости таких друзей у меня нет, зато жизнь насыщенная и удивительная, пусть и не всегда в хорошую сторону. Определенно, события сменяют друг друга с такой невероятной быстротой, что невозможно сказать, что из всего этого к лучшему, а что не очень. С одной стороны отправил на тот свет троих взрослых мужчин, с другой спас двоих детей, с одной — запугал девчонку до чертиков, с другой — получил ценное имущество и спас ее брата. Но черт меня дернул отбежать подальше от деревеньки и дороги, а только потом обзаводиться живым, дышащим и излучающим сплошной позитив телом? Зачем я забрел в эту глушь? Сделал бы все дела в ближайшей канаве, или за любой елкой у дороги, так ведь нет! Подстраховался. Испугался возможных проблем и случайных свидетелей, тогда-то все обосновано казалось. Вдруг кто заметит? Вдруг догадается?

Доигрался в шпионов-конспираторов, а теперь мучаюсь. Ни добрых егерей, ни заметных табличек-указателей в какую сторону топать, ничего этого нет и в помине. А в качестве добивающего фактора в лесной навигации, на одном дереве мох рос не с севера, а вокруг ствола! И тело это… зубы плоховаты, но эту мелочь я быстро исправил, убрал шрамы, поправил форму носа, прежний — скошенный на бок — мне совершенно не нравился. Времени и сил потратил солидно, но после всех этих манипуляций я наконец-то почувствовал себя настоящим, живым человеком, но не учел только одного маленького нюанса, запаха…

Ей богу, лучше не чувствовал бы ничего, чем такую вонь от

неделями не мытого тела, теперь уже моего немытого тела, будь оно неладно! Ни дать ни взять, романтик с большой дороги, все девки будут мои, без вариантов. Какая ни подойдет — сразу в обморок от такой неотразимости и крепчайших ароматов, останется самая малость — хватай и беги, пока не спохватились. Вот же… Хотя, что толку жаловаться, грязь и пот это не навсегда, а до ближайшей речки, а вот удовольствие от простого прикосновения к древесной коре, от осознания себя полноценным, живым — поистине бесценно! Чувствовать кожей тепло солнечного света, пробивающегося сквозь кроны деревьев, слушать мелодично выводящих свои причудливые трели птиц — непередаваемые, почти забытые ощущения. Конечно, неплохо было бы еще и пожевать что-нибудь, малины там, или еще какой лесной ягоды, но не попадается пока ничего, жаль. Не иначе неправильный лес с неправильны… ми…, А!

Вашу ж мать! У звезд точно особая комбинация! Вы помните того зайца из анекдота… Да-да, того самого, что сначала осмотрел со всех сторон, потом обнюхал, на вкус каку попробовал, прежде чем испугаться куда только что лапкой не наступил? Так вот, я решил эту сложную дилемму с рекордной скоростью для разумного, но невнимательного существа и присущей только мне оригинальностью — прям сразу, взял и ка-ак… вляпался. От меня и так-то не розами пахло, а уж теперь… Баня, только настоящая русская баня — вот что спасет мою изможденную плоть и поднимет настроение, а то что-то не задался день, ой как не задался, — подумал я, оттирая сапог об сухую хвою и редкую лесную растительность.

Однако во всем не слишком хорошем можно найти и светлые стороны, не стоит сгущать тучи раньше времени там, где их и нет вовсе. Если смотреть на все непредвзято, все просто отлично, я жив, здоров и у меня довольно хорошее тело. Да, выгляжу я неприглядно, пусть пахнет плохо, но ведь работает, не это ли главное? А чтобы и впредь работало, его нужно кормить, поить, холить и лелеять. Что касается пищи… По-моему, выход очевиден, судя по свежести "боеприпаса" на котором я подорвался и глубоким следам в округе, подлый минер далеко уйти не успел и мяса в нем мно-ого! Как говорится, кто нам сейчас мешает, тот нам потом и поможет, так что держись, диверсант, я голодный, и я иду искать!

И я пошел искать, кружил вдоль деревьев, разглядывал подрытые корни, один раз даже попробовал на вкус нечто, похожее на крупный желудь. К сожалению, было не слишком вкусно, но зато очень питательно…, по крайней мере, хочется в это верить, кабан-то ого-го на такой пище раздобрел. При

попытке съесть второй плод могучего раскидистого дерева, норовящий ускользнуть от противной пищи взгляд выхватил вдалеке намек на хороших размеров малинник, и все на свете, что еще имело для меня какое-то значение сиротливо отошло на второй план. Не знаю, чего забыл здесь этот поросенок-переросток, но я безумно рад, что его тропа проходила через это чудесное место. Тут же поблизости я нашел и несколько грибов, как на мой вкус, в сыром виде это еще та гадость, соответственно, глотать незнакомую, сомнительную дрянь я не решился, но все, что росли поблизости и были мало-мальски знакомы, заботливо срезал и забирал с собой до лучших времен.

Вскоре стали попадаться следы других крупных животных, кое-где мелькали их силуэты, спасаясь от вторгшегося к ним на территорию чужака. Обилие таких вкусных мясных тушек поблизости и отчетливое понимание того факта, что раз уж набрел на звериную тропу, значит, где-то там, совсем рядом, возможно, даже во-он за тем деревом притаился ручей или небольшая речка — все это кружило мутную от голода голову. В то же время, множество то и дело высовывающихся любопытных мордочек и возможная близость чистой ключевой воды, порождали в желудке нешуточную надежду на сытое будущее и прибавляли энтузиазма. Нет, скорее даже давали твердую уверенность, что где вода — там рыба и спелые ягоды, а где вода, ягоды и рыба — там беспечно бродит свежее, нежное парное мясо. Всего-то и нужно, что подкараулить, поставить силки, вырыть волчью яму, или поставить иную хитро-мудрую ловушку, ну или что там еще охотники делают. И, что немаловажно, в воде можно смыть грязь, пот и засохшую кровь со всяким лесным сором, прополоскать намертво прилипшую к телу одежду.

Чистота — залог здоровья! Можно еще аккуратно воспользоваться огненной стихией, подогреть водичку, дабы не схватить простуду, да так, чтобы пар пошел, а грязь сама смывалась проточной водичкой. Там, глядишь, и рыбка кверху брюхом сама на обед пожалует… Нет-нет, не от грязной мутной воды ниже по течению! Исключительно от закипающей чистой ее части немного выше. Так и ушицы будет из чего сделать, вот только котелка нет… Что ж, тогда можно поджарить над костром, закоптить или запечь в речном песке. Ммм, опять слюнки текут от предвкушения, поскорее бы мечты стали явью, а живительные белки, жиры и углеводы в хорошо пережеванном виде добрались до желудка. Откуда только силы берутся второй день бродить по лесу после суток вынужденного поста? Но стоит только подумать о такой близкой пище, как шаг сам собой ускоряется и ускоряется, парадокс!

А лесок-то в целом ничего так — чистенький, не чета нашим, вот что значит настоящая природа: ни тебе мусора, ни пеньков, ни гнилья, ни валежника, только зелень, птички и зверье, прям санаторий! Столовой, правда, не предвидится, но и мы не лыком шиты, кое-какие мысли уже имеем, сейчас такой банкет организую, повара от зависти попадают. Скажете, нет соли? Пф…, я что зря мозги сушил над разделом лекарственные травы в местной медицинской энциклопедии? Все полезные свойства каждого корешка и все варианты приготовления, включая способы добавления в традиционные отвары и пищу мне давно уже известны. Нет, при наличии образца подманивающего добычу плетения, арбалета с запасом стрел, капкана с приманкой, мешочка со специями, а лучше сразу компании бывалого охотника — все было бы куда проще, но чего нет, того нет.

Так вот, как я говорил, при наличии свежего мяса, да в старом добром лесу, да обложить его листьями кислицы (она же заячья соль), благо ее в округе уже встречал, да сдобрить все ягодой и еще кое-чем из даров леса. Ммм…, от столь навязчивых мыслей о еде слюной захлебнуть можно! А еще мясо можно запечь с грибным бульоном, причем и грибочки и листочки, и даже ягоды у меня есть, жаль только, самого мяса пока что нет. И капкана нет, и арбалета нет, лука тоже нет, опыта охоты…, в общем, не трудно догадаться, что пока он ограничивается банальным походом в магазин (да еще и в прошлой жизни…). Но теория-то есть!

Выкопаю яму с полметра глубиной, для того же кабана вполне подходящий размерчик, можно и поглубже, но не суть, принцип ясен. Главное — не тупить и, воспользовавшись опытом предков, грамотно вбить заостренные колья, причем сначала вбить, а уже потом заточить второй конец. Думаете столь подробная инструкция излишняя трата слов? Как бы не так, всегда найдется оригинал, который сначала заточит обе стороны и только потом начнет чесать репу на предмет других таких же интересных решений по заглублению и забиванию. Лопаты, у меня, естественно, в кармане не спрятано, и крестьянской деревни в окрестностях днем с огнем не сыскать, но выкопать саму яму можно и мечом. Колья вполне реально заколотить рукояткой, не шибко целевое использование холодного оружия, но кого мне стесняться?

Повторюсь, важен результат, а не общественное мнение, которое еще и найти-то постараться нужно. Значит так, на тропе будет яма, сверху веток и листиков всяких набросаю для конспирации, и вперед готовить место для ночлега, глядишь, утречком уже и будет свежее мясо. А на апперетив — горячая

ванна и жаренная на костре рыбка, ммм… А жизнь-то налаживается! Даже более того, найденный несколько минут назад ныряющий под землю ручеек, через десять минут ходьбы превратился в настоящее чудо! Кто-то не поленился и выложил камнем бьющий маленьким фонтанчиком ключ аккуратной башенкой, высотой примерно по колено, вода с которой стекала в огромных размеров бассейн, вернее пруд, густо поросший цветущими лилиями. Между их стеблями и корнями и другой подводной растительностью, в прозрачной воде плавало множество мелкой, но чрезвычайно упитанной рыбы наподобие наших бычков. Эх…, может где-то я и повторяюсь, но мечты все-таки сбываются!

Опостылевшую одежду с тела долой, в угол водоема ее, пускай отмокает. Водичка? Ну, водичка прохладная, вроде как ключевая, проточная… Не проблема, поправим! Выбрав местечко подальше от ключа, кувшинки оттуда долой вместе с корнями, чтоб не мешались. Пускай на берегу поваляются, потом разберусь что за цветочки такие. Не скажу точно, но вроде что-то редкое, в любом случае в хозяйстве всегда пригодиться. Так, теперь водичку до приемлемой температуры догоним, маг я или не маг? Как оказалось позже — маг, но какой-то хреновый.

С классической магией вышел небольшой облом. При жизни у моего тельца магического дара не наблюдалось, иначе не стало бы оно простым разбойником. Так уж исторически сложилось, что одаренных стараются отдавать на обучение в академию, в крайнем случае, к частному учителю, тут уж зависит от возможности. Не обученный же маг, если он достаточно силен, со временем становится опасен для самого себя и окружающих, потому как выбросы его силы все сильнее начинают зависеть от испытываемых эмоций и без определенных умений контролировать их зачастую не удается.

Впрочем, такие или сбегают от родных после первой случайной смерти кого-то из близких или впоследствии становятся съехавшими с ума отшельниками, как вариант — силой попадают в обучение, а оттуда так просто уже не уйти. Если ты неблагороден или недостаточно богат, чтобы заплатить за науку, то будь готов в принудительном порядке отрабатывать оказанную тебе "честь" считаться студиозусом. Раз тебя угораздило родиться в небогатой семье, придется десять лет выполнять исключительно заказы академии, а потом следующие десять отдавать ей половину своих доходов. Обучаться же у частного мастера одновременно и проще и сложнее, тут решающую роль играет случай. Какой человек попадется, так дальнейшая жизнь и сложится. Если хороший, то и обучит

нормально и в свою магическую лавку подмастерьем устроит, а если нет… То ученик на собственном опыте узнает, насколько мир неидеален, свалив куда подальше от такого наставника, конечно, если раньше не угодит на опыты или в магическое рабство.

Такие, нахватавшиеся по верхам знаний маги и составляют больше половины магического контингента простого разбойного люда. Во вторую успешно вливаются по глупости нарушившие закон и бежавшие от наказания студиозусы, здесь в обмен на службу им помогают ускользнуть от вездесущей стражи. Каждый из этих недоучек, должно быть, остается доволен своей судьбой, не смотря на высокую смертность среди товарищей. Еще бы, в криминальной среде даже самый никчемный маг-отступник ценится на вес золота, потому как там даже такие — не слишком частые гости. А уж мастеров и магистров и вовсе единицы, и то, им хватает мозгов работать "полулегально". Вот и вышло, что из-за такого пустячка, как отсутствие дара, у меня и маскировка не ахти, и ману я не выпускаю, а только впитываю.

Попробовав как раньше сотворить заклинание из огненной стихии, не имея дара, я получил лишь хилый ручеек силы, который с небывалым упорством пытался вернуться обратно. Всех моих потуг только и хватило на то, чтобы зажечь на руке мало на что годный огонек, таким только чайник кипятить, и то сдохнешь от старости. Жаль, но в пруду далеко не те объемы, и десяток литров кипятка в час погоды сделать не смогут. Но если кипятильник бесполезен, почему не попробовать что-то глобальное, демоническое? А что, мы теперь если и не близкие родственники, то заклятые друзья точно, поэтому не вижу препятствий для очередного эксперимента.

Примешиваю к обычному заклинанию ниточку тьмы от своей сути и получаю завораживающий своими багрово-черными всполохами шар, моментально выросший до размеров головы взрослого быка. И это при таких малых затратах! Пожалуй, при желании я бы смог испарить весь этот пруд целиком, даже не вспотев от натуги, в то время как парочка средних огневиков свалилась бы в обморок от истощения. До чего же приятно осознавать, что, утратив нечто для тебя важное, взамен приобрел кое-что еще более ценное! Осталось повторить свой успех с "огоньком", но уже где-нибудь на глубине и чуть в стороне, иначе, чего доброго, полетят горячие брызги и из меня получится очень пикантный на вкус бульончик.

Пораскинув мозгами, я решил вернуться ближе к бьющему глубоко из-под земли холодному ключу, точно так же, как и в предыдущий раз проредил лишнюю растительность и вместо

одного большого шара, разжег на глубине сразу шесть маленьких. Через секунду на поверхности в обилии появились задорно лопающиеся пузырьки, и вскоре температура замерла в районе 50–60 градусов. Поводив немного рукой по поверхности пруда, я признал неожиданную отдачу от всей затеи, и с радостным гиканьем запрыгнул в самый центр бурлящего потока.

Кайф! Можно, конечно, и попрохладнее чуть-чуть…, не вопрос, подрегулируем. Я подвинулся немного ближе к ключу и облокотился на край "джакузи", продолжая нежиться в расслабляющих пузырьках и наблюдать, как по поляне расползается туман. Лепота! Даже лень вылезать из этого рая и опускаться до презренной необходимости прополоскать собственные шмотки. К тому же неплохо бы придумать, как их поскорей просушить… Эх, не хочется ступать по грешной земле еще и без сланцев, но видно придется. А что касается экосистемы и живности в пруду, так и хрен бы с ними, человек — венец природы, что хочет, то и портит.

Однако не успел я вылезти и по пояс, как из тумана вышел молодой юноша или девушка…, так сразу и не разберешь, но исключительно во избежание конфуза пришлось окунуться обратно. Не скажу, что снова оказаться в воде мне неприятно, но все равно, хотелось бы определенности.

— Кхм, кхм, — негромко кашлянул я, чтобы привлечь внимание гостя. И по тому, как быстро в мою сторону повернулась голова, а за ней волной колыхнулся шлейф шелковистых светлых волос, я мгновенно догадался, не гость — гостья.

— Миледи, вижу, вы попали в такое же безысходное положение, как и я, заблудившись в этом необъятном, прекрасном лесу. Уверяю, что не причиню вам ни малейшего вреда и помогу выбраться к людям в целости и сохранности. — Произнес я, как можно более учтивым, галантным голосом, чтобы завязать разговор, а внутри сгорал от сомнений. Вообще странная ситуация: женщина, скорее даже девушка, точнее не разглядеть, одна, в лесу, молча идет в самый туман и совершенно ничего не боится. Как-то настораживает…

Тут девушка делает резкий взмах, от которого за рукой остаются туманные завихрения, а на поляну в мою сторону дует слабенький ветерок, сносящий весь пар в сторону. Картина становится следующей: я, облокотившись локтями о берег, с чисто мужским намеком рассматриваю гостью, которая, судя по отсутствию характерных выпуклостей и покрою одежды, к моему величайшему сожалению, оказывается длинноволосым юношей лет двадцати, которого я только что совершенно искренне назвал

бабой. Учитывая принадлежность к изначальной расе, их пресловутое долголетие… — в переводе на наш это значит… за сотню, ближе к двум, примерно… Причем, судя по побелевшим костяшкам пальцев рук, сжимающих уже натянутый лук, увиденное ему явно пришлось не по вкусу…

Я мгновенно прикинул, что же могло его так взбесить… И, как оказалось — многое. Скорее всего, вся поляна вместе с источником и водоемом — это тщательно ухоженный и скрытый от взгляда чужаков сад — место отдыха или молитвы Матери всего живого. А если вспомнить, как я его проредил от какой-то растительности, потом закинул грязные шмотки, вскипятил, да еще и помылся… Мне писец! Без вариантов…

Дряхлый старик, который неправдоподобно долго задержался среди живых по меркам обыкновенного человека и все еще юнец по оценке любого своего старшего сородича, пропел какую-то длинную фразу, злобно глядя мне прямо в глаза. На удивление, смысл этих совершенно не дружественных слов, произнесенных на красивом мелодичном языке, дошел до моей думалки. Видно, сказались способности лингвиста, унаследованные от так удачно переваренного демона, вовремя так прорезались, минут за пять перед безвременной кончиной.

В принципе, если задуматься, то демон как-то же должен был заключать сделки с разными существами, так что понимание языка вполне объяснимо. Вдобавок, все нормальные демонологи держат призванных существ под прицелом чего-то намного более серьезного, нежели обычный лук, так что, может, и обойдется… Так вот, дословный перевод той фразы сводился к тому, что в его любимый целебный прудик на обласканной нежными лучами дневного светила полянке для отдыха и медитации с грязными пятками залез невежественный представитель никчемного короткоживущего обезьяньего рода. Далее шла команда: из пруда на выход и что-то про страшную неотвратимую кару, точно я не запомнил.

М-да, не обойдется… В общем, все претензии вполне ясны и понятны, случись что-то подобное со мной, и чей-то нос окрасился бы кровью. Есть вероятность, что я даже обшарил бы карманы этого кого-то на предмет моральной компенсации, перед тем как пинком под зад отправить на все четыре стороны. А может правда, дело обойдется компенсацией? Чем черт не шутит, объясню, что не знал, не ведал, каюсь! Понимаю, звучит по-детски, но а вдруг?!

— Парень, ты только спокойно, не стреляй, — как можно спокойнее сказал я. Но тут, словно мстя за свою кончину, кверху брюхом предательски всплыла одна из рыбок, и я неловким

жестом попытался отправить ее тельце подальше за спину, с глаз долой от нервного и злого лучника.

На отпущенную тетиву я немыслимым образом успел среагировать, вскинув руку в рефлекторном защитном движении. А эльф, тем временем, прокомментировал свой поступок фразой, которую мой проснувшийся лингвист-переводчик распознал не иначе как "низшее звено эволюции" и "не достойное возвышенной смерти существо". Стрела прочертила на моей щеке глубокую борозду и в воду стали одна за другой падать капли моей алой крови. Но, учитывая хваленую эльфийскую меткость, я все же делаю вывод — сразу убивать меня не собираются, к сожалению, ласковое обращение такой подход не предусматривает — это реально больно, когда острый металл наконечника разрезает кожу лица.

Вдобавок, вместо ожидаемого после моего жеста стандартного защитного купола, вышел непонятный мыльный пузырь, который потихонечку мной же и поглощался. Еще один выстрел и защитный купол лопается. Прекрасное лицо эльфа искривила маска гнева. За прошедшую секунду я так и не понял, что его окончательно доконало: то, что я по незнанию сотворил с его садом или то, что имею наглость сопротивляться — трудно быть магом без дара и при этом сохранить свою жизнь.

"Господи! Если ты есть, — взмолился я, вылезая из воды, — только и прошу, чтобы меня сейчас пристрелили по-быстрому и пошли плакаться старейшинам про испорченный сад. Пусть хоть весь колчан расстреляет, только бы оставили меня одного на пару часов, большего ведь и не нужно…"

— Кто ты? — Задали мне вопрос на чистейшем общем языке.

— Путник, случайный путник, заплутавший в дивном лесу. Клянусь, знай я кому принадлежит это место, ни за какие деньги не полез бы в воду! Нижайше прошу лишь о быстрой безболезненной смерти… — зачастил я, но был в резкой форме прерван.

— Смерти? — Мне в колено мстительно вонзилась стрела, — для варвара легкая смерть — это слишком просто, сегодня я хочу позабавиться, — и все это было произнесено таким самоуверенным и надменным тоном, будто ничего необычного не происходит.

Такое ощущение, что сегодня вечер вторника и перед тем как идти домой он всегда выпускает пару-тройку стрел в случайно проходящего мимо человечишку, и я отнюдь не первый представитель короткоживущего народа, за свои проступки ставший живой игрушкой для мстительных перворожденных. Несколько секунд спустя вторая стрела пробила другое колено,

заставляя упасть на четвереньки. Было больно, чертовски больно, но я терпел, все еще надеясь остаться на поляне бездыханным и не сильно покалеченным трупом, дабы потом по-тихому смыться и устроить себе реинкарнацию (или реанимацию, кому как больше нравится). Следующая стрела вонзилась в локоть и, чтобы немного ослабить боль, пришлось завалиться на бок, скорчившись в выступившей росе и собственной крови.

Предпринять что-то большее я откровенно опасался, длинноухий расист в последней стадии этого заболевания с уклоном в садизм мог оказаться тут не один, начинать рвать связь тела и души пока рановато, он может заметить. Четвертая стрела пробила мою последнюю здоровую конечность, заставляя завыть от причиненных страданий, а проклятый эльф на это лишь улыбался!

— За свое преступление ты будешь страдать неделю! Не беспокойся, я отлично умею поддерживать жизнь, магия природы дается мне лучше всего. Потом, так и быть, я милостиво перережу твою глотку. За каждый сорванный цветок ты будешь получать по стреле, — мою ладонь прибило к земле, когда я сделал попытку немного отползти от чокнутого садиста. Неужели эльф реально забавляется от того факта, что я валяюсь перед ним в чем мать родила с простреленными руками-ногами и подвываю от боли? Казалось, в глубине души он просто жуть как рад, и если бы не этот чертов испорченный сад, сегодня у него был бы лучший в жизни день. Отношения разных рас трудно назвать любовью, но не до такой же степени! Нельзя же ТАК сильно ненавидеть рубящих деревья на дрова и материалы короткоживущих? Ну, сорвал пару цветков, но не неделю же за это пытать?! И только потом до меня дошел смысл его последней фразы.

— Что?! Неделю?! Ах ты, мать твою, Гудвин вислоухий, плод любви осла и дебила, либо ты меня сейчас же прикончишь, скажешь в какой стороне ближайший человеческий город и свалишь вдаль, либо я тебя прям здесь и зарою! — А далее я стал таким обалденным демоном-лингвистом, что успешно богохульствовал и крыл эльфа отборным русским матом прямо на неведомом мне прежде певучем наречии, поминая всех его сородичей разом и этого в частности.

По большому счету, все надежды рухнули и терять было нечего, так что оторвался я по полной, но долгожданной стрелой в глаз эльф так и не разродился. Зато пятнадцать ее товарок нашли в моей плоти свое второе пристанище, все больше стимулируя непрерывный словесный поток, и хоть бы одна рана была не совместима с жизнью, но нет! Меткая длинноухая сволочь!

Этот представитель гордого народа аж покраснел от гнева и натуги в попытке в полной мере понять и осознать все тонкости переведенных в песню загибов трехэтажного великого и могучего, которые после каждой стрелы становились все экспрессивнее. Крыша у неподготовленного разума "мирного" лесного жителя после моего сольного выступления потекла основательно, решето с позором нервно курит в сторонке. Что отнюдь не мешало ему тренироваться в меткости с пятнадцати шагов, посылая стрелу за стрелой. Почему я до сих пор жив?!

— Тварь, тварь, ТВАРЬ! — У эльфа задергалось левое веко, а пластинку заело на одном единственном слове, — ты будешь подыхать десятилетиями, крича и корчась в ужасной агонии! За то, что ты смеешь позорить речь перворожденных, я вырву тебе язык! За ту мерзость, что ты сказал — я отрежу все выступающие части тела и заставлю сожрать! Ты уже труп, слышишь, гниющий ТРУП, поганый мертвец, слышишь! Но сбежать от боли и раствориться во тьме ты сможешь только через столетие!

Я лежал и молча охреневал от возможных перспектив, по праву начиная завидовать ежам — этим везунчикам сотни колючек не причиняют боли, а тут всего два десятка и такой эффект… А тем временем эльф решил подойти поближе, не иначе боялся промазать по последнему, не украшенному стрелой сантиметру квадратному моего несчастного тела. Или может наоборот, захотел подлатать изможденный организм, мне же обещана сотня лет адских мучений — будет неловко, если я прямо здесь возьму и сдохну в первый же день от кровопотери и шока. После такого облома какие из эльфов будут маги жизни и природы? Никакие! Как и их манеры. Он подошел ближе. Идиот, мне лишь это и нужно, чтобы наконец закончить этот спектакль "умирающий лебедь" с полным погружением в несчастную жертву.

— Падаль, — будто выплюнул ругательство эльф, вытягивая надо мной руку. Я же схватил его за лодыжку и сделал то единственное, на что сейчас был способен.

— От падали слышу! — Закончил я его же собственным голосом и опустил распростертую над умирающим человеческим телом руку.

Глава 3. Город — порт

Путь в тысячу ли начинается с первого шага.
/Древняя китайская мудрость, Лао Цзы/

Вот и закончен "дружеский" диалог с представителем гордого лесного народа. Прям так и подмывает врезать самому себе по смазливому лицу, только чтобы причинить этому самому представителю боль, даже жаль, что его с нами больше нет, и больно от такого поступка будет одному только мне, а так бы я расстарался… Нет, ну это надо же быть такими уродами, чтобы неделями казнить нарушителей каких-то паршивых, нигде не обозначенных границ! А как же пресловутое уважение к живому? Громкие слова? Нарисованный на проточной воде образ?! Как по мне, так после такого гостеприимства все эльфы высокомерные, беспринципные сволочи, способные лишь на ненависть и презрение, поголовно, и слава среди других рас у них соответствующая.

Причем на пустом месте репутация долгоживущих неторопливых снобов с манией величия не возникает. Не может такого быть, чтобы без всякого основания расползлась подобная байка сразу по территории нескольких не самых маленьких государств и империй — нереально это. А самое интересное, что длинноухих этот факт абсолютно устраивает, ни малейших потуг что-то исправить никто не заметил. Я еще могу понять их дурную привычку до последнего мстить за своих, вроде как народ малочисленный, рождаемость — с людьми не сравнить, и каждый эльф на счету, но методы… Свои убеждения они всячески подчеркивают, вот только далеко не всегда гуманными способами.

А именно, периодически повторяющимися показательными рейдами, примерно раз-два в десять-двадцать лет, как раз для каждого поколения, не познавшего всю полноту гнева старшей расы. После такого нормальный человек трижды задумается, прежде чем перережет глотку вечноживущему. И от большинства как-то ускользает общедоступный факт, что из Леса выпускают *только* взрослых и опытных представителей "дивного" народа. Это не беспомощный молодняк, который не в состоянии за себя постоять, а настоящие матерые волчары, мастера меча и магии. Стоит заметить, что никто из этих машин смерти поодиночке никогда не появляется в людных местах, берегут, мать их, свою невысокую численность от всяких случайностей.

А теперь прикиньте, сколько нужно хорошо обученных магов

и солдат, чтобы уничтожить профессиональную боевую эльфийскую тройку из обученного мага и двух мастеров меча, обвешанных дорогущими амулетами? А какой надо иметь на них зуб, чтобы наплевать на возможные последствия? У меня сразу закрадываются сомнения, а так ли эти поборники света, природы и справедливости невинны как хотят показаться? Учитывая, насколько сильно длинноухие страдают снобизмом, насколько считают себя выше короткоживущих рас, а главное, как сильно любят поразвлечься интригами — сомневаюсь в их светлости и пушистости.

Возможно, не все так однозначно и просто так может показаться на первый взгляд, но не стоит забывать, что всего несколько минут назад на одного эльфа в лесу стало меньше. И разумно было бы поскорее передвигать штанины в сторону, противоположную от местной столицы, а то факты и домыслы запросто могут превратиться в мечи и стрелы. Кстати, о стрелах, я скосил взгляд на колчан — осталось всего три. Не то чтобы во мне взыграла жадность, просто в голову закралась мысль, раз уж никто не сбежался на мои крики и стоны, значит, немного времени в запасе все же есть. Да и где я еще смогу разжиться первоклассными стрелами, как не вырезать их из бывшего недавно собственным тела? Свежих идей не возникло, поэтому, чтобы через три выстрела лук не стал бесполезной обузой, я аккуратно положил его на траву, взял свой старый нож и принялся за дело.

Буквально за какую то минуту я вырезал из все еще кровоточащего тела искусно изготовленные стрелы, вытер о первую попавшуюся тряпицу грязные наконечники и убрал в колчан. Точные, отработанные движения, ни секунды потраченного зря времени, все четко и быстро, а ведь моему новому вместилищу такое действо не впервой… А точно зная, что все эльфы вегетарианцы и почитатели природы и всего живого, боюсь предположить, скольких человек за свою жизнь отправил на тот свет этот конкретный их представитель. За неделю таких рефлексов не выработать, тут нужны месяцы и годы усиленных тренировок, а главное, практики, вот и делайте после этого выводы. По мне, так этот "юнец" вполне может оказаться кем угодно, вплоть до трехсотлетнего стража границ, хрен этих вечных разберешь.

Не особо мудрствуя, я схватил все ценное, что у меня было, присоединил все это к новому имуществу, засунув в трофейную заплечную сумку, которая так и продолжала висеть на целехоньком новеньком теле. Не забыв за компанию прихватить выдранные с корнем кувшинки, за которые пережил несколько

жутковатых моментов, и споро потрусил в сторону противоположную той, из которой пришел эльф.

Вначале я двинулся неторопливым шагом, всячески стараясь не выдавать себя внутри нового вместилища. По слухам, у детей леса в их собственном ареале обитания на каждом шагу сплошные глаза и уши, а потому сейчас именно конспирация — залог здоровья. А если уж процесс моей импровизированной казни не вызвал никаких вопросов, то и вид спокойно прогуливающегося собрата и подавно не должен привлекать внимание. Мало ли куда мог направиться мирный эльф после неприятной встречи и столь грязного дела как умерщвление человека? Да может, у моего нового тела сейчас самый настоящий стресс, а свежий вечерний воздух — единственное лекарство, которое спасет от тех самых тараканов, которые ползают в мозгах всей придурочной эльфийской расы?

Против воли мои собственные ноги несли меня сквозь столь опасный для чужаков лес все быстрее и быстрее, не давая толком обернуться в поисках погони. Когда я уже перешел на такой быстрый бег, что и не снился самому лучшему спринтеру, деревья стали мелькать настолько часто, что все вокруг сливалось в один сплошной коридор из деревьев и кустарника, в центре которого я бежал. Может, это и есть пресловутые лесные тропы? А может, и нет… Но стоило мне как следует задуматься над тем, что я в настоящий момент делаю и с какой скоростью двигаюсь, как в попытке немного затормозить я споткнулся и, словно крестьянская соха, носом пропахал борозду в пару метров длиной.

— В жерло вулкана всю длинноухую расу! — Выразил я все оттенки своего настроения, выплевывая попавшую в рот хвою и лесную растительность. — Чтоб вас, пресловутые рефлексы и чужие привычки! Стоит задуматься, что и как делаешь, как тут же все идет к черту под хвост!

Отведя душу при помощи все того же великого и могучего, попутно отряхнулся, вытер кровь с расцарапанной щеки и продолжил путь в том же направлении. Но через пару часов быстрого шага я снова неминуемо сорвался на легкий бег, тем не менее, наученный горьким опытом, уже внимательно отслеживая все, что происходит с моим новым телом. Старался запомнить и тщательно прочувствовать каждое движение, каждую напрягающуюся, а затем расслабляющуюся мышцу, чтобы после повторить все это уже не на голых инстинктах, а осознанно. Это не какая-то прихоть — нет, это скорее суровая необходимость, ведь понимание самого себя — это ключ к стабильной, здоровой жизни. В противном случае произойдет точно такой же казус,

только обычным падением дело не обойдется.

К примеру, у дятла есть дурная привычка биться головой о древесину, нет, я понимаю, у каждого свои недостатки, но сколько их может быть у этого конкретного эльфа? Какие "паразиты" устроились в его агрессивных мозгах? Может, вместо того чтобы как все нормальные люди отдергивать руку от огня, ему нравилось чувствовать запах собственной паленой плоти? Бред, конечно, ну а вдруг? Кто разберет этих вечноживущих с их не менее вечными предрассудками? По сути-то, единственное, что про них доподлинно известно, это то, что лучники и маги жизни из них выходят непревзойденные и живут они непозволительно долго. Не так уж и густо, чтобы составить мнение о целом народе, не правда ли? Остальное же — это просто слухи и домыслы.

Пока мозги или то, что их с успехом заменяет, со всех сторон рассматривали мое нынешнее положение, ноги бодро двигались вперед. Бродить по лесу — одно удовольствие, особенно для эльфа, да оно и понятно. Каждый шаг абсолютно тих и бесшумен: ни одна веточка, ни один сучок не хрустнет под ногой, тело будто чувствует лес, сама земля подсказывает, куда поставить ногу, в грубой людской пародии на обувь такое вряд ли возможно.

Мне настолько понравились ощущения нового тела, то, как оно двигалось, его выносливость и грация, что занятый мыслями и наблюдениями я и не заметил, как вышел к самому краю леса, сквозь который уже можно было увидеть лучи заходящего солнца на фоне предзакатного неба. Кажется, впереди большая вода, ну или море, если выражаться точнее, а от солнечного дня остались считанные минуты и скоро в свои законные права вступит ночь.

Секунду поразмыслив, заночевал прямо в лесу, справедливо отметив, что второго такого непуганого "человека" как я, решившего сунуть нос в гиблые для простых смертных эльфийские леса этот мир не вытерпит. Следовательно, отыскать место безопаснее не получится, да и какой в этом смысл? Лучше потратить жалкие остатки светлого дня на что-то более полезное, например, обшарить с недавних пор уже собственную сумку на предмет ценностей и чего-нибудь съедобного. Голод он, знаете ли, не тетка, если не нашел чего-нибудь, чтобы набить желудок — будь готов к последствиям, и потеря веса в компании с неприятными ощущениями не самое страшное, что может подарить нехватка банальной пищи.

Так-с, поглядим, что у нас тут в сумочке завалялось… Куча помятых водных цветов, выдранных по самые клубни, за которые меня едва не убили в особо изощренной манере, вернее, все же убили…, но не суть. Пара каких-то простеньких на вид

сладковатых лепешек, литровая фляга приятного на вкус бодрящего напитка, два десятка различных наконечников для стрел, запасная тетива и мое старое барахло.

Не понял… А как так получилось, что у эльфа при себе не оказалось денег? Они же все поголовно славятся своим достатком! Да я с бомжеватых на вид бродяг и то снял на горсть медяков больше, чем с этого высокородного! Черт побери, да в настоящий момент всех моих финансов только и хватит что на один скудный ужин! Понятое дело, что в этом отсталом мире в лесу магазинами и не пахнет, но хоть для статуса прихватить пару золотых-то можно было, а?

Ну, и на чем можно заработать в такой глуши, чтобы в будущем не пухнуть с голоду под дверьми ближайшей захудалой харчевни? Загнать бородатым недалеким селянам эльфийское снаряжение из лука и короткого меча? Сомнительно, что меня поймут, все-таки перворожденный, продающий свое оружие это…, это еще удивительнее, чем император, загоняющий символы собственной власти с аукциона за треть цены. Короче, отпадает, тогда что же еще можно продать? Наручи? Ну, есть у меня такие самодельные артефактные вещички, на одном несколько защитных заклинаний, на другом атакующих. Ничего сверхординарного, все заклинания я могу воспроизвести и без этих подпорок, на это, правда, нужно время, а пара секунд в бою — это маленькая жизнь.

Легально такое продать вряд ли удастся, больно уж крепкая монополия у магических гильдий, а продать "втемную"… Ну, тут есть варианты, назначение таких игрушек понятно и пьяному ежику, соответственно, когда кого-то с их помощью убьют, а это рано или поздно случится, причем, скорее всего не раз, начнутся расследования: кто, кого, чем и с какой целью. Дальше справедливый вопрос, а какого черта некто снабжает всякое бандитское отребье боевыми амулетами (благородные все же предпочитают заплатить больше за гарантию качества)? Что произойдет дальше можно даже не гадать, ищейки тут работают четко, успел убедиться, повторной встречи не требуется. Дальнейшие варианты событий попроще: либо сядут на шею "ночные господа" до поры до времени гарантируя защиту за "маленькие" услуги, либо наедут гильдейские мастера, да еще и при поддержке служб дознания.

Жизнь — странная штука, где-то далеко у тебя есть отличная сумма, чтобы начать все с начала, а здесь и сейчас — пустые карманы, куда хватает взгляда — море и лес, провиант не резиновый, до старости не растянется, куда идти — одному богу известно, но он, зараза, как всегда не подсказывает. Но хватит о

грустном, вечер был тяжелый, а жизнь в который раз подкинула очередной день рождения, пора уже устроить привал.

***

Утро выдалось в меру прохладным и в меру теплым, самое то, чтобы сделать небольшую зарядку и оценить гибкость нового тела. Из положения стоя в наклоне, руки ладонями касаются земли, потом прогиб назад, распрямиться, поворот корпуса влево-вправо… А ничего так, до гимнаста может немного не дотягиваю, но и не задохлик. Пожалуй, ловкость и скорость станут моим оружием и неплохим козырем в сложных ситуациях.

Единственное, жаль, что телосложение слишком субтильное, никак вековая травоядная диета сказывается — откровенная беда у лесных эльфов с шириной плеч и мышечной массой. Ну, это мы, пожалуй, поправим, определенный опыт в модификации своего организма имеется, без ложной скромности замечу — успешный. Дайте время, возможность немного освоиться и найти местечко потише, тогда с эльфийскими задатками к магии жизни и природы процесс займет считанные дни. Но это дело будущего, сейчас позарез как нужны припасы. Думаю, подстрелить пару птичек или иную животину на день-другой пути будет достаточно. Естественно, отыскать людские поселения будет несколько затруднительно, но ведь не попробуешь — не узнаешь.

Не стоит слишком долго испытывать судьбу и продолжать безмятежно сопеть в две дырки под самым носом неординарной длинноухой расы. Один я такой особенный и рисковый, и то больше суток дразнить судьбу смысла не вижу. Если на то пошло, с ними даже торговать предпочитают на расстоянии дневного перехода от границ владений эльфов, лишь бы не соваться на их территорию. Наверное, я самый первый почти человек, который зашел в чащу леса без приглашения, и вышел оттуда почти живым. А несколькими часами спустя повторно изготовился наступить на старые добрые грабли. Прикинувшись добрым местным жителем, я задумал кощунственное дело для любого сторонника движения зеленых. А именно — взялся за еще вчера уложенное по правую руку орудие браконьерства и, заученным за десятки лет движением, убрал лук за спину.

Удивленно поморгал пару секунд, хмыкнул, достал снова, задумчиво покрутил в руках, а затем все так же сноровисто убрал лук обратно, при этом сделав нехитрые выводы. Все-таки абсолютно все лесные эльфы — отличные лучники, практикуясь в стрельбе с раннего детства, к своему совершеннолетию они достигают небывалого мастерства. За такой совсем не малый срок тело само, практически без участия разума, посылает в свой

смертельный полет стрелу за стрелой.

К чему сложные вычисления, зачем рассчитывать движение цели? Все происходит естественно, легкое дуновение ветерка и зоркий глаз подмечает шевеление каждого листочка, каждый наклон травинки рядом с мишенью. Всё, больше не нужно никаких поправок и нудных расчетов, остается лишь отпустить тетиву и стрела сама найдет свою жертву. В чем-то это похоже на простейшие движение, например, как поднести ложку ко рту, не больше и не меньше. Вот скажите, как часто вы умудряетесь в здравом уме и трезвой памяти промахнуться мимо столь легкой мишени? А за годы практики и благодаря прекрасному зрению, для эльфа попасть стрелой в подвижную цель с ноготь величиной за полсотни шагов стало так же естественно и просто, как нам дотронуться пальцем до кончика носа.

Во всем этом я убедился лично, всадив за пять секунд три стрелы в дерево, расположенное достаточно далеко, чтобы быть уверенным, будь я на людских соревнованиях по стрельбе — первый приз был бы моим. Довольно приятное чувство и очень полезное приобретение, вы не находите? Попробовав выдернуть из импровизированной мишени метко пущенную стрелу (а раньше я такой роскошной точностью похвастаться не мог), пришлось немного обломаться, их осталось на одну меньше, плюс один выковырянный из ствола наконечник.

Да и хрен бы с ней, остальные я спас при помощи ножа и такой-то матери, и будь у этого дерева уши, за эти красочные перлы мне простили бы все издевательства. Итак, первое святотатство по меркам моей новой родни я совершил, дело за малым, не сильно углубляясь в чащу, совершить преступление второе и, судя по не пуганной здешней дичи, это дело пары минут. Первой жертвой стала любопытная пичуга непонятного рода-племени и вкусовых качеств, но это отнюдь мне не помешало расправиться еще и с двумя ее подружками, совсем не ждавшими от меня такой подставы.

Ну а пока я занимался разведением костра и приготовлением походного пайка, глотая набегающие слюни и сберегая драгоценные лепешки в качестве неприкосновенного запаса, в голову пришла очередная занятная мысль. Как-то вот неожиданно стало интересно, откуда осло… длинноухие берут перья на свои стрелы? Птиц они вроде как не убивают… Выдергивать у каждой по перышку — это вроде как насилие над драгоценной природой… Неужели эти зеленые носятся по всему лесу в поисках каждого выпавшего пера? Вот и еще одна загадка из жизни дивного народа, и ведь не спросишь у новой родни, сразу же просекут — что-то с этим сородичем не то…

Видимо, некоторым маленьким тайнам так и суждено остаться нераскрытыми, но и пусть, невелика потеря, себе запас я обеспечил. Плюс, экспериментальным путем установлено, мясо птицы не наносит мне никакого вреда, кроме, разве что, дискомфорта в желудке, но это уж скорее с непривычки к подобной пище, нежели её отторжение. Так что питаться мясом эльфы вполне способны, просто по каким-то причинам этого избегают, скорее всего, кому-то неприятно убивать тех, с кем легко могут найти общий язык. Люди в это число почему-то не входят.

Впрочем, ко мне это утверждение относится в меньшей мере, и подзакусить старым-добрым мясном я очень даже не прочь, только вот жаль, что жара и готовое мясо — две вещи несовместимые, и уже через сутки сойдут на нет мои "домашние заготовки". Но тогда-то в ход и вступят те самые лепешки! Итого два-три дня сытой жизни, а потом либо отыщется какое-нибудь поселение и получится добыть еще немного пищи, либо придется возвращаться обратно к лесу и попытать счастье в другой стороне. Но для начала неплохо бы прибрать следы своей варварской деятельности, чтобы, не приведи боги, у кого возникли вопросы кто тут так похозяйничал.

В обязательном порядке вернуть срезанные куски дерна на свое изначальное место, чтобы прикрыть главную, свойственную преимущественно людям, улику — наспех затушенный костер. Вот уж что точно не придет в голову нормальному эльфу, так это разводить огонь посреди леса, а тем более запекать на углях мясо, стало быть, и узнать об этом не должен никто. Затем прикопать потроха, пух и мелкие перья, присыпать землей следы крови, и издалека больше ничего не говорит о недавнем присутствии здесь неправильного плотоядного эльфа.

Осталось решить в какую сторону по побережью направиться, а поскольку выражение "пойти налево" вызвало не вполне однозначные чувства, я как нормальный герой пошел направо, в обход небольшой бухточки со спокойной водой. Идти было легко и приятно, свежий морской воздух щекотал ноздри, а великолепные пейзажи завораживали загрубевшую душу. Кругом, куда хватало взора, была одна только природа не тронутая грязными руками прогресса, чистый воздух, солнце и вода. Я даже позволил себе такую роскошь как небольшой привал и немного искупался.

Ощущения просто волшебные! Вода, словно любящая мать, нежно баюкающая свое любимое дитя, аккуратно поддерживала меня на поверхности, покачивала на теплых волнах. Могущественная морская стихия, бывающая столь суровой и

своенравной для остальных разумных, с улыбкой и радостью приняла меня в свои объятья, давая ощутить всю свою силу и расположение. Абсолютно непередаваемые чувства, их настолько трудно описать, что куда проще один раз испытать ту доброту водной глади, что коснулась меня, чем десятки раз о ней услышать.

Сама природа признала во мне свое продолжение и дарила несмышленому ребенку всю ласку, на какую только способна. Кажется, я начинаю понимать столь ревностное отношение вечноживущих к своим лесам, но никогда не приму те методы, которыми эльфы их оберегают. Сегодня на многие вещи мне пришлось взглянуть с совершенно другой стороны, под иным, отличным от прежнего, углом зрения.

А накрыло меня капитально, когда абсолютно все к чему ты относился с пренебрежением, открывается для тебя с совершенно другой стороны, в мировоззрении меняется многое… Два народа…, оба не хорошие и не плохие, просто разные. С одной стороны — эльфы, тысячелетиями в гармонии живущие в своих лесах, с трепетом относящиеся к своему дому, поддерживающие его магией и заботой. И природа отвечает им полной взаимностью, в ответ заботясь о своих детях, всячески помогая и оберегая. А с другой стороны — люди, для которых слиток золота подчас дороже жизни друзей и знакомых, не говоря уже о полях и деревьях. Выгода застилает глаза, погоня за минутным удовольствием заставляет забыть про последствия, которые настанут через годы и поколения…

Вот и делайте выводы, почему один народ опасается и недолюбливает другой, пусть и малочисленный, но от этого не менее великий. И почему второй презирает первый за их слепоту и неспособность заглянуть вперед дальше, чем на десяток лет. Не буду ни с кем спорить и ничего доказывать, скажу одно: место, которое станет мне домом, я устрою, как подобает истинному сыну природы. Быть может, сделаю маленькую скидку на извечную людскую неуемную тягу к саморазрушению, но не более того, да и с этим недостатком постараюсь что-нибудь сделать. В любом случае, скоро будет видно, что произойдет и как, а до тех пор стоит найти новое место ночлега. Обдумывание такого количества новых впечатлений — дело небыстрое, я и не заметил, как лес остался далеко позади, а перед глазами открывалось завораживающее зрелище уходящего за горизонт светила.

Но только сон все не идет, а в голову назойливо лезут мысли и планы на ближайшее будущее, сомнения и тревоги с ним связанные. Допустим, мне удастся добраться до какой-нибудь отдаленной деревеньки, в которой и слыхом не слыхивали, что

такое богатство и благополучие. Предположим, что мне хватит горсти медяков, чтобы закупить провиант на несколько дней вперед, может, даже получится узнать в какой стороне достаточно крупный город с представительством гномьего банка.

Все это конечно хорошо, но далеко не идеально, ведь до него нужно будет дойти, не доехать на телеге, не доскакать на лошади, не долететь, а именно дойти. А различное отребье — это верный спутник всех дорог, ведущих к богатому городу, и из-за отсутствия даже легкого намека на доспехи, я остаюсь слишком уязвимым для дальнобойного оружия. Что поделать, не любят эльфы заключать себя в металл, не любят и все тут. Для этого нужно гораздо более значимое событие, нежели мелкий нарушитель границ, каким недавно мне довелось побывать.

Но вопрос снаряжения пока что терпит, ведь в моем распоряжении есть еще магия, она и убережет, и обогреет, да много что еще, но и всецело на нее полагаться не стоит. А пока я буду пользоваться только магическим даром погибшего эльфа, отставив в сторону все свойственное демонам, чтобы даже "сородичи" не распознали подмены, конечно, если держать язык за зубами и не встревать в неприятности. Впредь нужно вести себя осмотрительно и соответствовать образу. Настоящие проблемы начнутся, если я так и не найду никаких следов разумной жизни, бескрайнее синее море и прибрежный песок — вот и все, что видно вокруг.

Второй день моих скитаний подтвердил опасения. Доспехи, оружие, счет в банке — все это ерунда, когда будет нечего жрать! За два дня я тихой сапой отмахал с сотню километров от злосчастного леса и садистов эльфов, основательно подточил неприкосновенный запас провизии и ничего…, кроме неприятного навязчивого запаха.

Хм…, а у эльфов, оказывается, не только прекрасный слух, но и отлично развитое обоняние. Этот, несомненно, приятный факт на цветущей поляне, своеобразно подтвердил несмелый морской бриз. Почему-то, когда ветер дул с востока, к чистейшему прибрежному воздуху примешалась едва уловимая нотка не совсем уместного на природе душка, а если честно, то совсем не уместного, так мог пахнуть только гниющий мусор.

Конечно, все не так плохо, просто чуйка у лесного народа будь здоров и выхватывает любые незначительные отголоски запахов. И, вспомнив старую народную мудрость, "если чуешь запах канализации, значит где-то рядом бродит призрак цивилизации", я, не спеша, ориентируясь по характерному амбре, потопал к родному человечеству. Логика здесь проста, если есть

запах, то откуда-то же он должен появиться? Точнее, где отходы, там и люди их производящие (считай та же цивилизация), закон жизни, мать его, и город этот я найду… по запаху.

Провизия закончилась вечером третьего дня, как раз хватило чтобы немного перекусить, да оставить пару крошек на утро. Знаю, не густо, но чтобы разжиться чем-то еще, нужно либо начать рыбачить, либо уходить вглубь материка, теряя время и уповая на капризную леди Удачу. Куда как проще будет не искушать судьбу в поисках всяких травок, корешков и добычи, а взять себя в руки, забыть про голод и лечь спать. Ну…, может, такой поступок продиктован больше патологической ленью и близостью крупного поселения, нежели тонким расчетом… Но я и вправду устал, а потому лег прямо на прогретый за день песок, подложил под голову отощавшую сумку и забылся тревожным чутким сном. Это все же лучше, чем допускать возможность вернуться назад…, к эльфам.

Глава 4. Наконец-то цивилизация

Халява и быстрая прибыль — это святое,
от них нельзя отказываться!
/Слова богатого оптимиста/
Бесплатный сыр бывает только в мышеловке…
/Мысли нищего пессимиста/

Вечер. Воздух. Такой близкий, манящий берег моря. Приятный освежающий морской бриз, и редкое, голодное урчание живота… Думаете откуда чистый воздух, если я иду по усеянному рыбацкими хижинами откосу мимо целых гор ждущих своей утилизации гор рыбьих потрохов и плавников? Да все просто. Когда запашок стал слишком уж резким, я дернут за серьгу, торчащую в правом ухе, и все мгновенно пришло в норму! Ох уж эти эльфы, хитрожопые любители комфорта и удобств, за века и тысячелетия они предусмотрели если не все, то очень и очень многое. И прежний хозяин моего тела, похоже, не чурался ни родовой предусмотрительности, ни людского общества, а еще он ценил свое обоняние, за что ему отдельная благодарность. Всего пара нехитрых манипуляций и стало понятно для чего у брутального эльфийского меня столь непривычное украшение.

Неожиданное, но приятное приобретение, раньше мне в голову как-то не приходила мысль о том, что амулеты можно носить еще и в ушах. Я все больше грешил на массивные браслеты с кучей накопителей, кольца, ожерелья, посох, а тут небольшая серебряная серьга с маленьким ограненным рубином в центре, ювелирка в чистом виде. Удобно, функционально, никогда не потеряется, активируется вручную, если немного сжать кроваво красный драгоценный камень. Сделать что-то совсем уж многоцелевое и энергозатратное на такой маленькой основе практически невозможно, ни площадь заготовки, ни объем камня накопителя такой роскоши не позволят, но на такие бытовые мелочи хватает с избытком. И если судить по длине эльфийских ушей, при желании укомплектоваться я смогу на все случаи жизни…

Хотя…, носить такие дорогие игрушки у всех на виду могут позволить только те, кто действительно уверен в своей безопасности. Поверьте, ограбить могут и за пару десятков засвеченных серебряных монет, а не то, что за вещицу ценой в два-три десятка золотом. Стоит свернуть не туда и неудачника прирежут за милую душу, пусть с опаской и осторожностью, но прирежут, уговорами отдать добровольно никто рисковать не станет, нож в спину куда быстрее и действенней, а главное

прекрасно улаживает возникшие разногласия.

Так что не ходите, дети, безлунной ночью гулять по незнакомому городу, мало ли в какое гетто приведет вас кривая извилистая дорожка и каким кровавым жизненным тупиком она закончится. Вывод наклевывается вполне логичный и, судя по запертым на ночь воротам, единственно верный. Не вижу смысла рвать горло и ломиться в закрытые двери, проще точно так же как и раньше переночевать на морском берегу, дождаться рассвета и спокойно войти в этот достаточно большой (конечно же по местным меркам) портовый городок при свете дня. Побродив немного среди рыбацких халуп и времянок, чуть на отшибе наткнулся на вполне бесхозный, ни кем не занятый вариант, да еще и без вездесущего мусора и растянутых повсюду сетей.

Видимо, хозяин этого милого местечка когда-то был весьма оригинальным субъектом, любящим простоту и совершенно презревший физический труд. Посудите сами, конструкция его жилища представляла собой высокую прямоугольную коробку, по недоразумению забытую на берегу, причем фундаментом здесь и не пахло. В отличие от ближайших конкурентов, которые старались ставить жилище подальше от моря и на всякого рода подпорках, чтобы по возможности продлить жизнь своему строению, тут все как было сколочено, так и стояло на влажном прибрежном песке. Соответственно все это дело прекрасно мокло и гнило от дождей и постоянно влажного песка, и, судя по обилию трухи вокруг плоский потолок год от года становился на несколько сантиметров ниже… В довершение всего шатался и скрипел на ветру этот зародыш нездоровой инженерной мысли от самого слабенького ветерка, и спасало его от разрушения тонкое бревно, припертое с подветренной стороны. Как это сооружение, до сих пор не завалилось, угадать невозможно…, магия, не иначе.

Хорошенько пошатав во все стороны эту ночлежку, успешно воюющую с законами физики, с удивлением констатировал, что вдобавок к своим годам еще одну ночь она продержится точно. Но чтобы спать совсем спокойно, все же решил немного укрепить конструкцию, на береженого оно, знаете ли, потолки по ночам не падают. Конечно, было не просто заново привыкать магичить в новом теле, но начинать когда-то нужно, к тому же я убедился, что мой дар перекошен в сторону природы, и не удивительно. Но молодые побеги на сто лет назад сгнившей деревяшке я обдирать не стал, ну их, стало прочнее и ладно, нефиг нарушать состояние и без того хрупкого равновесия, испытывая на прочность саму судьбу.

Ночь прошла хоть и не идеально, но вполне приемлемо для спартанских условий и, морщась от яркого рассветного солнца,

бьющего в глаза сквозь вездесущие щели, я под крики чаек и брань рыбаков снова направился к городским воротам. Пристроившись в хвост небольшой очереди, стал свидетелем, как стража совершает ставший уже привычным утренний ритуал в отношении приезжего населения. Наглеть, правда, никто особо не наглел, с каждого брали по маленькой медной монете, считай, всего-то детский леденец из жженого сахара на городской ярмарке, не более. Приготовив традиционную мзду, я морально уже расстался с частью своего не густого капитала.

— Пять медяков! — монотонным голосом пробубнил стражник, и я на автомате сунул ему одну монету и сделал первый шаг в направлении городских улиц, но уперся взглядом в преградившего мне путь солдата.

Сразу до меня даже не дошло, что происходит элементарный развод меня любимого, как самого богатого из здесь присутствующих! (жаль, что только с виду) Признаю, немного задумался о мире во всем мире и пропустил мимо ушей последние слова стражника, но, как для слабослышащего, мне все любезно повторили.

— Пять медяков! — Заявил тем же без эмоциональным голосом мужик с алебардой.

— Почему не один? — Чисто для проформы поинтересовался я, прекрасно понимая бесполезность споров и отсчитывая недостающие четыре монеты. Нет, вы не подумайте, запроси он пять монет серебром и получил бы по наглой роже, но ссориться со стражей в первый же день из-за четырех жалких детских леденцов…

— Проход гражданам королевства медяк. — Коротко ответил стражник. И ведь не подкопаешься, буква закона и одновременно статья дохода городу для содержания стражи и городских стен в надлежащем состоянии. Есть только подозрение, что для остальных цена за вход варьируется в меру наглости и совести привратника (причем последняя в неравной борьбе с жадностью всегда проигрывает). Что-то мне подсказывает, что стоящего позади полукровку размотают монет на десять-пятнадцать, с чистокровным-то высокородным сильно не понаглеешь, мало ли, вдруг гордость взыграет, проблем потом не оберешься, а на остальных можно и приподняться. Эх…, какая нынче пошла стража, подметки с сапог готовы срезать прям при входе, аж ностальгией повеяло, что, впрочем, не спасло от расставания с доброй пятой частью всего моего капитала.

— Не было в кармане золотой жилы и не предвидится, — без особого энтузиазма отметил я, — так что эта мелочь мне погоды не сделает. — Просто обалдеть какая хорошая мина при

посредственной игре, но статус обязывает, все ж первородный, мать его. Буду считать это вкладом в безопасность добропорядочных граждан этого славного города, или же, если снять розовые очки, кружкой доброго вина в бездонный бурдюк отдельно взятого стражника, по недоразумению названный желудком.

Ну и бог с ним, мне главное поскорей прикупить простенькую обувь, а то мягкие эльфийские сапоги это конечно круто, особенно если надо передвигаться по лесу, но вот почти неделю по песку, по морской гальке, потом по выщербленной каменной мостовой, где то и дело попадается мелкий гравий… Ясное дело еще понадобится сменная одежда, потом неплохо бы снять просторную комнату в достаточно престижном постоялом дворе.

По местным меркам, заведение считается неплохим, если в нем отсутствуют хотя бы клопы и тараканы, а если там еще и вкусно готовят из хороших свежих продуктов, то все, место достойно дворянина. Но берите выше, меньше чем на пять звезд я не согласен, а это уже подразумевает водопровод и красивых сговорчивых служанок, если вы понимаете о чем я… Дайте только дойти до гномов за своими кровными и одним богатым эльфом в городе станет больше!

Понятное дело, список покупок такими мелочами ограничиться не мог, если задуматься, чтобы в людном портовом городе да не было рыночной площади? А чтобы на рыночной площади, где регулярно полно народу и не было товаров со всего мира, различных диковинок, редких книг и растений? Да ни в жизнь! Спрос рождает предложение и никак иначе, и, имея на руках с сотню золотых можно очень неплохо закупиться в плане уникальных вещиц и редких ингредиентов.

Кто знает, может даже удастся кое-что изготовить и продать, отбив таким не хитрым образом затраты. Ни за что не поверю, что здесь нет черного рынка артефактов и зелий, было бы желание, а лазейка всегда найдется, главное не забыть и вовремя смыться! Ну, и конечно же, куда без культурной программы? За отсутствием журналов, газет и телевидения будем компенсировать зрелища за счет балаганных артистов, фокусников, акробатов и шутов. А, вспомнив про зрелища, снова страсть как захотелось хлеба, до банка-то еще идти и идти аж до самого верхнего города, где б ему еще быть как не поближе к самым состоятельным своим клиентам?

Более-менее приличная харчевня на моем пути попалась куда как раньше, пусть выглядит она и простовато, зато основательно и надежно. За зданием определенно хорошо следят, регулярно ремонтируют и подновляют, в нижнем городе, где днем с огнем

не сыщешь толстосумов, такое встречается не часто. Не иначе как заведение недавно сменило своего владельца, и рачительный хозяин старается привлечь к себе как можно больше горожан свежей и чистой обстановкой, а чем черт не шутит, может и низкими ценами! Название только немного смущает, "Лихой удар", к чему бы это…? А, пофиг, сначала еда!

— Эй, трактирщик! Еды мне, и много, — усаживаясь за ближайший свежевыскобленный стол, обозначил я свое присутствие и желание плотно перекусить. Отсчитав всю имеющуюся у меня наличность за вычетом пары монет (на всякий случай), положил на стойку скромную стопочку меди, и от широт души заявил, — любой еды, НО, как можно больше.

— Мирка! Мирка, беспутная ты девка! — Крикнул разочарованный моим финансовым состоянием коренастый пузатый мужик в заляпаном фартуке. Если немного постараться, на его лице можно прочесть все, что он обо мне сейчас подумал, и это не самые лестные выражения для случайного посетителя. А на деле единственное, в чем я виноват, так это в том, что кто-то поднял свою пятую точку и оторвался от своих, без сомнения, важных дел, торопясь к перспективному клиенту. Поправочка, потенциально перспективному и богатому клиенту, которым к его сожалению оказался я. Ладно хоть вслух промолчал, все таки мой длинноухий статус дает кое-какие привилегии.

— Мирка, принесешь вчерашний хлеб, весь, что остался, и кувшин вина из крайней бочки, крайней, поняла? — Потом пересчитал скудную горсточку моей мелочи и внес поправку, — большую кружку вина и кувшин воды.

— Конечно, папа, уже несу! — Звонким задорным голоском сказала девчонка и упорхнула в недра кухни.

А тем временем меня изнутри раздирал совсем не веселый смех. Получается, что я, великий и ужасный демон, владеющий сокрушительной магией, похищающий тела и пожирающий на завтрак бессмертные души разумных смиренно терпел издевательства длинноухой сволочи, почти пять дней не доедал, сбивал ноги в этих лесных макасинах в поисках города и людей, а теперь питаюсь одним хлебом и водой? Поистине, так высоко я еще никогда не поднимался и так низко давно не падал! Наверное, на моем лице все-таки что-то отразилось, раз трактирщик извинился и сказал, что на десяток медяков ничего большего купить поблизости невозможно. Нет, можно, конечно, выбрать, либо одна порция тушеного мяса с гарниром без вина и закусок, либо хлеб, но много. А поскольку эльфы мяса не едят… Короче, ко мне в голову, уже в который раз закралась одна и та же мысль, надо что-то менять, срочно!

И по мере того, как я менял состояние своего желудка от присохшего к позвоночнику в сторону близкую к насыщению, таверна или скорее все таки трактир продолжила потихоньку наполняться народом. Довольно необычный феномен, учитывая ранее время суток и не самое удачное расположение относительно порта. Хм… Да какая, в общем-то, разница? Мне не мешают и хрен бы с ними. Не мешали, правда, не долго…

***

— Эй, слуга! Ленивая ты скотина, принеси мне самого лучшего пойла, какое есть в этом клоповнике! — Надрывался накушавшийся сверх всякой меры помятый субъект с претензией на благородство. Если его одежда и была когда-то чистой, опрятной и сшитой из дорогой ткани, то сейчас превратилась в грязные замасленные тряпки, к которым и прикасаться-то противно. Но его это совершенно не смущало, здесь и сейчас сидел "благородный", что бы это для него не значило, и продолжал распаляться и качать права, размахивая руками и покрикивая на слугу. — Слышишь?! Лучшего, Ирийского!

На вежливое заверения находчивого верткого парня, что такие дорогие вина с роду не водились в этом заведении почитай с самого его основания, вызвали только ярость в затуманенных алкоголем глазах.

— Ах ты, щенок! Совсем ослеп и не видишь кто перед тобой?! Мне все равно, что есть в этих подвалах, и чего нет! Иди и немедленно принеси мне самого лучшего ирийского вина! Тебе все ясно?! — не на шутку разошелся обнищавший дворянчик.

— Нет. — Абсолютно спокойно ответил трактирный слуга, находчивый парень лет восемнадцати, — но если пожелаете, могу сделать вид, что все понял, господин, — уважительно склонив голову сказал он. Положительно, этот юноша мне нравится все больше и больше, однако, надо что-то делать, иначе скоро будет драка… И тут до меня наконец *дошло*, и почему на фасадах следы постоянного ремонта и почему то тут, то там по всему залу встречается новенькая простенькая и грубо сколоченная мебель. Трактир "Лихой удар", этим же сказано все, о чем я только думал! Это вам не потасканный привокзальный ларек с гордой надписью "Ресторан быстрого, изысканного, элитного питания у какого-нибудь Ашотика", нет, это долбанное средневековье, где название весьма точно соотносится с действительностью…

Занесенный для удара кулак за кисть перехватил только что вошедший гном и небрежным движением руки освободил себе проход до ближайшего свободного столика, бережно усадив на место вставшего было человека. Всем его соседям такой широкий жест уборки практически бессознательного мусора с пути к

свободному месту, да еще со стороны нелюдя показался в высшей степени оскорбительным, и пошло поехало! Я искал зрелищ? И они меня нашли. Сами! А поскольку коротышек в зале в данный момент больше не оказалось, то гном один отбивался от восьми порядком подвыпивших мужиков, при этом умудряясь не только получать, но и частенько делиться с ними сдачей.

Новичками в деле махания руками не был никто, у каждого человека были следы былых баталий, у кого не хватало зуба, кто не стал заморачиваться вправляя сломанный нос. Гном же был просто гномом, после молота и наковальни с раннего детства любой бородач по удару переплюнет любого боксера. Картина столкновения трезвости и неплохой выносливости с количественным превосходством, немалым опытом и знанием подлых приемов, впору делать ставки, господа!

Но наглядный пример старого доброго мордобоя закончился, когда какая-то гнида, не рискуя участвовать открыто, в тихую подставила одиночному бойцу подножку, когда тот отступал по проходу мимо столов. В тот момент драка прекратилась, и свое начало взяло беспринципное избиение лежачего, уничтожающее сам дух кабацких потасовок, о которых я до сих пор только слышал да смотрел в кино. Ну и как тут было не вмешаться? Один против восьми…, не упади он так неудачно, и о победителе можно гадать, а теперь только мое присутствие уравняет шансы. Короче, гном за парня, я за гнома, и да продолжится веселье! Не спорю, в зрителях было поспокойнее, но какого черта? Участвовать веселее! И развлекаются тут "цивилизовано", по неписанным законам, за оружие никто не хватается. А, была не была! В крайнем случае, немного ослаблю маскировку и накостыляю всем вместе взятым и быстренько свалю в туман… Да я такой, предпочитаю ввязываться в чужой мордобой только тогда, когда имею хорошие шансы на положительный исход и никак иначе.

По бессмертной традиции всех пьяных потасовок, первым делом мое лицо попытались познакомить с чужим кулаком, но знакомство не состоялось ввиду отсутствия оного на выбранной траектории. Без особого труда я успел вовремя среагировать и немного пригнуться, а мой подвыпивший противник, не ожидая такой незапланированной подлости, по инерции сделал полшага вперед, чтобы сохранить утраченное равновесие. Для нормального удара он стоял уже слишком близко, и мне ничего не оставалось, как со всей возможной силой двинуть ему коленом под дых, сместив корпус чуть налево. И вот, когда я уже собираюсь завершающим ударом в темя вырубить согнувшегося пополам неудачника, мне об голову разбивается увесистая

глиняная посудина.

— Млять! Какая сволочь?! Я же высоко… — И мое несвоевременное напоминание, что кидать пол-литровые глиняные кружки в голову перворожденным нехороший поступок, заткнули на корню забористым хуком справа.

От такой задвоенной оплеухи и все в голову перед глазами сразу же поплыло, и челюсть пришлось спасать уже на чужих рефлексах, спасибо новому телу. Но после пары ударов по торсу обнаглевший сверх меры мужик приуныл и, подрастеряв весь былой пыл, завалился в сторону, зажимая пострадавшие ребра и судорожно пытаясь сделать вдох. А я тем временем решил отомстить ловкому метателю кружек и запустил по обратному адресу свой полупустой кувшин с водой, но эта скотина настолько ловко сместилась в сторону, что он разлетелся на черепки об затылок сидящего за его спиной верзилы, обдав брызгами всех кого не попадя. Нужно рассказывать, что было дальше?

***

Спустя примерно тридцать минут.

— Эй, ты как? — Немного отойдя от общего веселья всех против всех, поинтересовался гном, глядя на мою кислую физиономию.

— Да все в норме, — кряхтя от боли и поднимаясь с колен, простонал я. — Серьезно пострадала только моя гордость и в меньшей степени внутренние органы…

— Пф, оух…, - бородач скривил рот в подобии улыбки, но сразу же охнув, схватился за разбитые губы и аккуратно продолжил, — а ты вроде бы нормальный эльф, не обижайся, но твои соплеменники еще те… эльфы…

— Да уж…, не без этого… — вынужденно согласился я с неоспоримым фактом, продолжая спешно собираться на выход. Закинул за спину лук. — В общем, ты как хочешь, но мой лимит приключений на сегодня выбран, идея платить за разбитую посуду и мебель мне не нравится. Бывай, гном, неплохо поразмялись. — И, потирая ушибленные места, быстрым шагом двинулся было от возможных проблем к выходу.

— Тогда можешь не торопиться, — повторно осклабился гном. — Ты, наверное, не в курсе, но ближайший час вся выпивка за чужой счет. Вернее за победителей драки обычно платят проигравшие, таков закон заведения, конечно же, негласный…

Мельком обернувшись, я обратил внимание, что острый на язык парнишка уже начал обшаривать карманы бессознательных любителей острых ощущений, и вполне уверился в правдивости этого заявления. А учитывая, что до этого момента я ел

вчерашний хлеб и запивал молодым кислым вином, а после и вовсе водой, желание пропустить стаканчик за чужой счет не стало такой уж неожиданностью. И потом, какой разумный отказался бы выпить на халяву в доброй компании и после хорошей драки? Да кто угодно, кроме меня!

— Я Торревальд, сын Керда из клана чернобородых, — почему-то слегка угрюмо и с вызовом представился мой невольный союзник по кулачным баталиям.

— А…? — Заикнулся было я, глядя на его огненно рыжую густую бороду, но вовремя заткнулся, поймав на себе многообещающий тяжелый гномий взгляд. Тут и дураку станет ясно, наболело у мужика, да что там, наверное, капитально задолбали вопросом на тему родовой принадлежности, а вспоминая гномью щепетильность в этом вопросе, да ростовую двуручную секиру прислоненную у стены… Мдя, спору нет, я маг, я крут, но крыша еще не настолько прохудилась.

— Сат…, - на автомате начал отвечать я, но оборвал себя на полуслове. Видимо по старой привычке тело или загадочные химические процессы в моем прихватизированном мозгу попытались озвучить имя Сатаэль, но как бы то ни было, я ни на секунду не усомнился, что когда-то эльфа, чье тело я занимаю, звали именно так. А вот мое, и только мое воспаленное воображение быстренько отредактировало незнамо откуда всплывшую информацию на более адаптированную.

— Сатаниэль…, - представился я, в конце-то концов, с этим персонажем у нас уже есть кое-что общее.

— …? — вопросительно приподнял бровь гном, видимо ожидая продолжения.

— Прошу, называй меня просто Сат, так будет проще.

— Как скажешь, — покладисто согласился гном с моим нежеланием выкладывать всю свою подноготную первому встречному, — спасибо, что помог. Не часто эльфы поступают так по отношению к гномам, слишком не часто…

— Выпьем? — Предложил я, чтобы разрядить обстановку, но что он молча согласился.

Через некоторое время все более-менее уцелевшие посетители разбилась на две группы по интересам, трое людей, все еще достаточно крепко стоявших на ногах после окончания всеобщей веселухи, и пары не людей. За считанные минуты сломанная мебель исчезла в подсобных помещениях, а ее место заняла относительно новая, не иначе как собранная из обломков прошлых дней. Вскоре на двух столах появилось пиво, вино и простенькие закуски, а предприимчивый трактирщик начал пересчитывать прибыль, стараясь не проставляться "героям" сверх

разумной меры.

Как бы то ни было, по уму вроде как надо быстренько перекусить за пол часика и убираться подальше от столь примечательного места. Конечно, с такими-то порядками, моими талантами и реакцией можно навечно подписаться на льготное питание, но уж больно хлопотное это дело, причем в прямом смысле, именно больно и хлопотно. Да и не хочется продолжать обращать на себя внимание не типичным для гордецов и снобов поведением. Вообще неплохо было бы затеряться на фоне новых родственничков, хоть и не особенно нравится мне перспектива становиться на них похожим.

***

— А они поступили не слишком-то разумно, связавшись с гномом, — после первого опустевшего кувшина заметил Торревальд, нарушая неспешный ход моих мыслей и кивая на бессознательные тела.

— Вообще, я склонен считать, что разум и прилежание приходит к нам еще в детские годы, в основном через соприкосновение родительского ремня и задницы. Но тут этот, бесспорно важный этап взросления, был опрометчиво пропущен. — Попивая прохладное вино, на автомате философски заметил я, а гном хрюкнул, едва не подавившись пивом.

— Кокой-то ты неправильный эльф, — все еще улыбаясь, заметил он, — так воспитывают только люди, иногда и гномы, но люди чаще, впервые слышу, чтобы и эльфы ТАК вразумляли свой молодняк.

— Всякое случается…, - уклончиво ответил я.

— И я даже догадываюсь с кем! — заржал гном. — Выпьем!

— Выпьем…, - угрюмо согласился я, сделав вид, что не понял столь прозрачный намек.

Могу отметить, что сегодня первый раз, когда мне довелось воспользоваться нормальной трезубой вилкой с момента моих самостоятельных странствий. До этого все было больше по походному, в лучшем случае удавалось достать ложку, а чаще и вовсе приходилось есть по старинке, с ножа. Сейчас же меня порадовали настоящими, сверкающими на солнце столовыми приборами в количестве двух штук из уже упомянутой мной вилки и наточенного ножа. Между прочим, я единственный кто удостоился такой чести, не иначе попался набор для высокородных. А что, мне начинает нравиться быть эльфом, статус, однако!

Начав наворачивать постное жаркое из одних только овощей, вкусненький салатик с добавлением каких-то фруктов и ягод, мне так захотелось что-нибудь мясное под старое доброе вино, что-то

вроде жареного кабанчика или птицы, что я не удержался и взял кусочек отварного нечта с блюда по центру стола. Взял мастерски, расположив вилку вдоль руки зубьями к себе, чтобы люди с боку ничего не видели, но от сидящего напротив рыжебородого с грозным именем Торревальд спрятаться не удалось. Да и хрен бы с ним, за эти двадцать минут он успел выпить столько, будто заливал пожар в родном бездонном брюхе, не экономя на спиртном и средствах.

— Какой-то ты не правильный… эльф… — Блин, опять начинается! Задолбал уже…

— За это надо выпить! — Быстренько вклинился я, вроде гном еще хотел что-то сказать, но на тост и поднятую кружку сработал отточенный годами рефлекс, и он залил в себя очередную порцию хмельного напитка.

Дальше некстати очнулось одно из тел, тщательно обобранных и заботливо уложенных в сторонке. Понятное дело, что оно было в курсе всех законов заведения, не важно, писанных или негласных, мужик пошарил у себя за поясом, и на его лице отразилось некоторое… разочарование. А виновником, естественно, был выбран рыжий, вернее гном, кажется, именно его лицо тот видел последним, перед тем как отключиться. Мгновенно растолкав пару своих друзей, припомнив свое высокое положение, родовитых предков и что-то там еще, глупец устремился навстречу новым приключениям.

В мою голову тогда еще забрела мысль, что мои-то предки должны быть еще родовитее, род древнее, богаче и прочее и прочее, я же певоре…, перворе…, перврожденный, вот! Да мне море по колено и горы по пупок, пока я в том море пятки мою, а ты мне про свое величие?! Пшел вон щщенок! Ох, кажется, я малость перебрал на пустой желудок, но пока градус был не настолько высок, потому остатки мозга пока работали, и вслух я выразился куда как мягче. Мол, мы с тобой вроде и одного поля ягоды, но мой арбуз гораздо больше твоей смородины, и не пошел бы ты, приключенец, по далекому адресу…

Само собой мой сосед тоже промолчать не смог, несколько пришедших к тому времени на огонек коротышек, подивившись нашему красноречию, полностью с нами согласились, парочка на угловом столе радостно потерла руки и поинтересовалась, кто тут такой умный… Вечер обещал быть насыщенным.

Происходящее дальше вспоминается с трудом, кажется я кого-то усиленно бил, в ответ кто-то не менее вдохновенно и сильно бил меня, потом мы отмечали победу во второй за сегодня драке. Кажется, подсознательно я еще надеялся что она окажется последней, но на душе становилось неспокойно по мере того как

в зале появлялись новые лица. Потому ближе к концу дня, скрипя сердцем, пришлось закруглять беседы на тему обоюдного уважения.

— … понимаешь? — самозабвенно втирал гном.

— Хватит жрать! — Волевым усилием подавив в себе желание выпить еще стаканчик, прервал я пускающего пьяные слюни собутыльника.

— …ты не понимаешь… Она не замечает меня! — Не то чтобы я вообще помнил, о чем до сего момента шла речь, но довольно быстро сориентировался.

— И ты захотел нарастить массу, чтобы тебя уж точно нельзя было пропустить?! Возьми себя в руки размазня, вытри сопли и проспись.

— Дружище! — Нашел во мне сочувствие и понимание гном. — Бээеее… — передал он мне заверения в добрых намерениях из самой глубины… души…

— Мерзость! — воскликнул я, отскакивая как можно дальше от разом позеленевшего Торревальда. — Золотой тому, кто привяжет его к седлу и поможет доставить до постоялого двора! — Кинул я клич по всему залу, но желающих подзаработать оказалось не много… Пришлось мучиться самому. (а тот факт, что не то что золота, даже завалящего серебра при себе не было, почему-то меня тогда не волновал, все обещания казались такими естественными, такими выполнимыми…, только бы не мараться самому!). Самое интересное, что лошади ни у меня, ни у гнома до сегодняшнего дня тоже не было, но об этом я вспомнил много позже.

История, как закинуть бесчувственного тяжеленого гнома на лошадь это вообще отдельная песня, в которой бедняга получил немало повреждений, пришлось даже немного воспользоваться магией. Но ничего, недомерки народ крепкий, после третьего по счету падения с полутораметровой высоты гном пришел в себя и понял, что лучше начать цепляться за все что можно, во избежание нового падения… с полутораметровой высоты. Как утром оказалось, на лошадях мы проскакали просто немыслимое для всех путешественников расстояние, аж целых пять метров! Как раз до другой стороны улицы, где аккурат напротив трактира располагалась низкосортная ночлежка для всех желающих снять недорогое жилье. Кто и чем расплачивался, я ума не приложу, но ключ от комнаты мне дали сразу на целых две недели, кажется…

Да и платили ли мы вообще?

Глава 5 Новая жизнь, новые планы

Плох тот план, который в случае чего нельзя изменить.
/Осторожность/

Десятник Гарт на докладе у сотника городской стражи в конце дня и дежурства.

— Господин сотник, — браво, как на параде начал десятник, — на вверенном мне участке преступлений и серьезных происшествий не произошло! Только…, - продолжил он менее уверенно, — сегодня утром в город прибыл эльф…

— Как всегда, проводить группу до посольства, растолковать основные законы, держать всех на виду, — махнул рукой сотник и уткнулся в бумаги.

— Сэр, он пришел один, через западные ворота и сразу же направился в центр города, но…

— Что за черт, — встрепенулся сотник и перелистал последние страницы увесистой книги, — ближайший месяц не было и не будет никаких эльфийских судов. Представительство западного леса не предупреждало о визитах…

— Господин сотник, по пути он зашел в ближайший трактир. Сэр, это был "Лихой удар". — Продолжил доклад дежурный, и лицо сотника тут же изменилось, с него словно слетела маска рутинной скуки и обыденности, уступив место беспокойству и осторожности (уж кому как не страже города знать, чем известно это местечко!).

— Он здоров? — Мгновенно выпалил он самый важный сейчас вопрос, — надеюсь посольство еще не в курсе… Ладно, делаем так, наших переодетых людей туда, пускай ненавязчиво его выведут, уладят дела с трактирщиком и доставят эльфа к сородичам. Попробуем решить все тихо и без скандала.

— Сэр, мы так и поступили, я лично следил за положением дел, но мы опоздали…

— …! Там хотя бы гномов не было? — Заерзало на стуле ответственное за порядок и спокойствие в нижних кварталах лицо, предчувствуя проблемы на свою… пятую точку. Единственное, что ему сейчас не хватало в дополнение к обычной преступности, так это последствия конфликта между представителями разных рас и разборки с посольствами, так же и в должности просесть не долго!

— Был гном, господин сотник, но не какой вражды они друг к другу не проявляли, более того, когда гном затеял драку, эльф по непонятным причинам за него вступился. Неслыханное дело! И это после того как коротышки щелкнули по носу всех вечно

живущих, расторгнув старые договоры и прекратив поставки лунного серебра! Когда я уходил эти двое уже в третий раз заканчивали громить трактир и как лучшие друзья, в обнимку собирались до ближайшей ночлежки. Невероятно! Но на всякий случай я оставил там пару людей, в том состоянии, котором они вышли, помощь с комнатой точно не помешает…

— Писец, — не удержался сотник, — тронувшийся разумом, больной на голову долгоживущий. Чертова раса, вечно от них одни проблемы. То рыщут по всем трущобам из-за какого-то драного, пропавшего кошелька, заставляя всю стражу бегать у них на побегушках. Кичатся своей исключительностью и неприкосновенностью, а потом с разбега добровольно суются в этот гадюшник! Нет, пускай его сородичи с ним сами разбираются, я умываю руки! — Излишне нервно, но уже более спокойно закончил сотник, а секунду спустя добавил. — Какой-то долбанутый эльф…

Непонятная комната… Анст, вернее теперь уже Сат

Утро для меня началось где-то в половине четвертого ночи по зову перенасыщенного жидкостью организма. В свое оправдание могу сказать, что терпел я до последнего, но все-таки подчинился настойчивым намекам матушки природы и с кряхтеньем поднял свое тело с жесткого, вонючего лежака. Слава богам хоть одежда цела и, кажется, даже чистая. Из всех внешних последствий только на голове царит жутко творческий причесон… Еще бы мокрыми волосами длинной до середины спины, да поворочаться на слежавшейся подушке…, иначе говоря, полнейший шухер. Почему голова мокрая? Так я после всеобщего замирения пытался освежиться чистой водой, где я ее достал лучше не думать, но, помнится, у коновязи стояла неплохая поилка…

Ууу… (обхватил я голову руками, когда пришли первые четкие воспоминания), не привлекать внимание (для поправки здоровья произнес малое исцеляющее заклинание). Влиться в общество (второе исцеляющее, так как после первого мало что изменилось). Затеряться в массах (третье, чтобы по максимуму убрать последствия), наслаждаться жизнью (четвертое). Уф, наконец-то полегчало. Великие планы трещат по швам, кроме пункта о новых впечатлениях, вот их хоть отбавляй, здравствуй запоздалый рецидив студенческой молодости. Опять же новые лица, новые знакомые, что-то мне подсказывает, сегодня лучше уйти по-английски, не прощаясь, пока на дворе еще толком не рассвело. Чем меньше свидетелей, тем потом будет проще потеряться, вот он был вчера беззаботный веселый эльф, хвать, а его уже и след простыл.

Еще нужен плащ с глубоким капюшоном, чтобы до поры до времени не светить длинные уши, есть у меня подозрения, что они создают вокруг меня устойчивую ауру крохоборства и жадности, особенно со стороны стражи у ворот и некую отчужденность у остального населения. Идея не лишенная смысла и требующая задуматься над реализацией. Пока я немного не оботрусь на новом месте, лучше побыть обычным странником, нежели "богатым" снобом. Пожалуй, что так и поступлю. Тихонечко приоткрыв дверь, я вышел в коридор и спустился по скрипучей лестнице вниз, к стойке, где по логике вещей должен обитать хозяин этого убогого местечка, по-другому не скажешь. Если все комнаты размером три на три метра, то заведение больше напоминает тюрьму, по той простой причине, что кроме сундука и кровати в такую камеру, то есть в комнату, ничего и не влезет.

Ну, хватит об этой, пора и честь знать. Но напоследок я не удержался и заглянул за стойку, где в нижнем шкафчике позаимствовал чистую наволочку, которую и разодрал на старую добрую бандану, чтобы спрятать уши. Головной убор получился хоть и не из модных, но свои функции выполнял исправно, потому, положив в ящик медяк за испорченную тряпку, я посчитал за лучшее удалиться, по пути заскочив в маленькую пристройку на узком заднем дворе. После небольшой задержки, поленившись идти к воротам и снова обходить трактир, я с легкостью перемахнул через ограду и продолжил недавно прерванный путь в богатые кварталы.

Передвигаясь по городу, я старался держаться безлюдных мест, вернее двигался там, где на ночной караул наткнуться ну никак невозможно. К сожалению, вероятность наткнуться на кого-то другого возрастала многократно, но я смотрел на эту возможность философски. Кто может ночью шастать по самым темным улицам города? Правильно, тот, кто не хочет, чтобы его заметили или те, кто хотят кого-то незаметно встретить. Первые обойдут меня стороной сами, а вторые…, что же, со вторыми у меня разговор будет короткий, они знали, на что идут и чем рискуют.

В один прекрасный момент, повернув за угол очередной узкой улочки, я увидел как раз то, чего немного опасался. Троица ночных работников ножа и топора обирала неподвижное тело в каких-то двадцати метрах от меня, причем обирала мертвое тело. Мгновенно сообразив, что собственно произошло, я прижался к стене, чтобы не попасть на глаза увлеченным мародерством людям, и бочком, по стеночке, не делая резких движений и не привлекая внимания, медленно двинулся обратно. По здравому

размышлению, зачем мешать тем, кто ни в грош не ставит чужую жизнь, тем более что помогать-то уже и некому? Сейчас они заняты своим делом, я своим, наши интересы не пересекаются ну совершенно! Вот если вздумают напасть, тогда да…

Но чувство меры на пару с интуицией у этих ребят атрофировались напрочь, и не успев сделать и пары шагов, я почувствовал приближение четвертого. Черт, черт, Черт! Хрен его знает, откуда он взялся, спрыгнул с крыши, вышел из дома или, что больше похоже на правду, просто в сторонке стоял на шухере и не стал поднимать тревогу, чтобы не спугнуть одинокого путника и приумножить добычу. Не важно. Плох тот факт, что он, не приближаясь ко мне, каким-то особым свистом привлек внимание своих друзей, и тихо его снимать уже не имеет ни малейшего смысла, умные сволочи. Что называется, приплыли. Стоит пригреть их огнем или охладить пыл ледяной стрелой и сюда на вечеринку сбежится вся стража, а этого мне не надо! Нужно думать. Один сзади, трое быстро приближаются спереди, я вытащил меч и приготовился броситься на одиночку, чтобы после прижаться к стене и разобраться с напавшими по старинке.

— А кто это у нас такой смелый? — Издевательски осведомилась моя цель, даже не снимая глубокого капюшона плаща.

— Сат, но вы можете звать меня Сатаниэль, — повернувшись боком, ответил я, и сдернул бандану, выставляя на всеобщее обозрение свои длинные уши, мое небольшое психологическое оружие (спасибо лесным родственничкам, смогли воспитать в людях страх и уважение). Ох, и побледнели же ихние рожи от такого зрелища! Похоже, понимают, что одна лишь только попытка нападения на меня потенциально может стать поводом для зачистки всего местного дна от паразитов, и весь город скажет только спасибо за столь доброе дело.

— Что, не ожидали встретить в этой помойке одиноко гуляющего эльфа? Довольно не типичный для чистюль поступок, признаю, но ничем помочь уже не могу. Похоже, вляпались вы, ребята. — Довольно миролюбиво заметил я.

— Сомневаюсь, что ты об этом кому-то успеешь рассказать, — зло пробурчал один из разбойников, отступивший за своих товарищей и сейчас взводящий арбалет.

— Да я и не собирался… — Наставительно отметил я, и начал действовать. Без их присутствия мир по любому станет чуточку лучше, ведь хотя бы часть отбросов и подонков, без стыда и совести заплатит по своим кровавым счетам.

Один из нападавших стол тихонько шевелить губами. Ничего себе, он что молится? Вряд ли для него это частое и привычное

занятие, стало быть, только что я привнес в его душу частичку светлого бога и чуточку веры! Тогда стоит поторопиться, эдак он все свои грехи отмолит и будет гадить честным людям уже на небесах. Нет, хрен тебе, а не белые тапочки! А чтобы ненароком не пораниться самому параллельно пришлось озаботиться о надлежащей защите от стрелка и постараться не наследить при этом магией.

— Ну что, разбойнички, пора… — Я улыбнулся сбледнувшим ночным рабочим и без малейших колебаний стал избавлять эти улочки от первого безрассудного душегуба, того самого, что стоял в гордом одиночестве.

Хм, вот ведь ирония, я чувствую на нем больше двух десятков смертей, два десятка загубленных жизней стариков, женщин, детей… И вот его душа становится частью меня, пожалуй, более отвратительной личности я еще не встречал. Ей богу, если бы не дурная привычка хватать бесхозные сущности, пока никто не видит, плюнул бы и не стал мараться об такую падаль. Ну а так…, не пропадать же добру? Счет один — ноль в мою пользу, ваш ход, господа!

Трое людей вполне предсказуемо отреагировала на смерть своего товарища от моего меча, и не успел я еще повернуться, как мне в спину уже вылетел арбалетный болт. Впрочем, беспомощно упавший, столкнувшись с моей защитой. Дальше все просто, такой удобный при ударе в спину стилет, плохой противник короткому мечу, слишком плохой, чтобы выжить. Двое умерли быстро с интервалом в пару секунд, возможно, они даже не успели ничего почувствовать (ну почти), ведь кто знает, что происходит в голове, когда острие пронзает сердце или разваливает глазницу? Эти уже не ответят… Последний оставшийся в живых умело продлил свою агонию, мастерски метая ножи прямо на бегу, но бес толку, лук и магическая защита очень удачное сочетание… для меня. Все их души стали продолжением моей добычи, и я словно на вкус распознал каждое их убийство.

Казалось бы, как это получилось? Да черт его знает! Раньше такого не было и в помине, сейчас же я смотрю на душу человека магическим зрением и вижу в ней черные метки, и чем их больше, тем ужаснее поступки на ней отразились, а когда начинаю поглощать подобную душу, могу уже точно сказать, сколько невинных на совести ублюдка. Убийства в честном бою ощущаются совершенно иначе, на вкус они более приторные, что ли. В этих поступках нет подлости, нет страха и ужаса жертвы, нет экстаза от безнаказанной жестокости, нет той приятной остроты. Такие поступки бледные, нечеткие, я могу лишь с

некоторой долей вероятности сказать, что они имели место быть, не более.

С первыми же все иначе. Отчаяние матери, на глазах у которой на части режут дочь, боль и проклятия ремесленника, медленно умирающего от ножа в животе, это ярче, слаще, вкуснее… Вкуснее?! Я аж застыл на месте, словно истукан и затряс головой. Что за хрень! Откуда это наваждение?! Бррр…, я прогнал не нужные мысли и забрал последнюю ускользающую душу уже без лишних эмоций. Удовольствие от чужой смерти это слишком плохая тенденция, чтобы ей потакать, ничего хорошего из этого никогда не выходит. Подобные чувства необходимо давить на корню, что я и не преминул сделать, попутно освобождая мертвецов от лишнего груза.

Деньги и украшения на тот свет все равно контрабандой не протащишь, а мне это добро еще пригодятся. Итого, сегодня ночью я стал счастливым обладателем плотного матерчатого черного балахона с глубоким капюшоном, а моя заплечная сумка приятно оттягивала плечо тяжестью трех стилетов, пяти метательных ножей и солидной горсти меди и серебра. Чувствуется, что сегодня я далеко не первый кого повстречали эти ребята. Жаль, что не первый, — подумал я, перешагивая через тело обобранного и убитого человека.

— Отныне можешь спать спокойно, незнакомец, как минимум, ты отомщен.

Говорят, будто все, что с нами не происходит, к лучшему, и кто-то даже в этот бред верит, может они знают, как объяснить это мертвецам? Не знают, или слишком много треплют языком про вещи, о которых ничерта не понимают. Ладно, поздно пить боржоми, когда за спиной пять трупов. Плюсы в этой ситуации тоже есть, с теми деньгами, что у меня сейчас появились, уже можно на недельку поселиться в гостинице средней руки или хотя бы просто перекантоваться до утра в уютном теплом месте с хорошей обслугой. Конечно, чисто теоретически, можно еще немного погулять по ночному городу в поисках еще пары плюшек, но врожденное человеколюбие вставляет палки в колеса. Хотя кого я обманываю? Не было среди той падали разумных людей, только ошалевшие от удачной охоты звери, но все-таки избыточный мор среди ночных крыс может вызвать лишние вопросы, и не только у городской стражи.

Стоит быть чуть более дальновидным и, наконец, перестать вклиниваться в чужие разборки между молотом и наковальней из-за сомнительной выгоды, пусть свой хлеб отрабатывают ночные патрули, за это им и платят. Думаю, если на то пошло, я смогу найти себе сразу несколько путей для хорошего приработка на то

время, что буду оставаться внутри этих стен. Между прочим, у меня есть кое-какое образование и весьма востребованная профессия в обоих мирах, как ни крути, но люди болеют везде и хорошие лекари всегда в цене. Кто-то же должен лечить тех же бедняков и делать для них лекарства, верно? Никогда не поверю, что этим занимаются дипломированные выпускники академий и обученные знахари, так, нахватавшиеся по верхам самоучки.

Я с легкостью составлю им конкуренцию, тем более есть ведь и те, кто не может пойти к магу отнюдь не из-за отсутствия звонкой монеты, а из-за ряда причин, которые помогли эти монеты достать. Небольшие вложения, немного терпения и удачи, и у меня будет своя, крайне узкая клиентура из бедняков и авантюристов, которая не отнимет много времени, но отобьет любые затраты и даже принесет прибыль. А длинные уши станут хорошей индульгенцией и отличным аналогом любого диплома магической академии. Основная задача не делать ничего глобального и за месяц-другой я спокойно улажу все дела, подготовлю гардероб подобающий нормальному путешественнику, немного похимичу с собственным телом, облажу все стоящие городские лавки в поисках по-настоящему редких, уникальных вещей и, прикупив скакуна и снарягу, двинусь дальше на восток.

А у вас есть план, мистер Фикс? — Иронично подумал я, пародируя известного персонажа, и сам себе ответил, — Конечно, мистер Фикс, у меня чудесный план! Только перед этим нужно дождаться рассвета… — На этой ностальгической ноте, я забарабанил в толстые дубовые двери вполне приличного постоялого двора и, наученный горьким опытом, не забыл внимательно прочитать его название: "Жаренный боров", весьма аппетитно, должен признать.

***

— Какого лешего там принесло посреди ночи?! Проваливай к чертовой матери, пока я не спустил собаку и не кликнул стражу! — Стал мне ответом грубый мужской голос порядком приглушенный стоящей между нами преградой.

— Странно, — заметил я, — а мне казалось для тех, в чьих карманах позвякивают монеты, двери твоего заведения открыты всегда. Неужели я мог так ошибиться, и негде будет провести ближайшие сутки? — Вот если и после этого прозрачного намека владелец не сменит гнев на милость, то я уже и не знаю, что и делать. Однако он продолжал молчать, вероятно, принимая решение.

— Шесть серебряных в день и лучшая комната в вашем распоряжении. Выпивка, еда и все остальное за счет заведения, —

наконец донеслось из-за двери. Однако! С места в карьер! Лучшая комната, не дешево, очень даже не дешево, считай четвертая часть золотого в сутки! Но с другой-то стороны деньги мне достались не тяжким утомительным трудом, да и до рассвета еще далеко, чтобы вот так шататься по темным улицам в поисках альтернативы.

— Согласен, — небрежно бросил я, и в ответ на это поистине волшебное слово, массивная дверь мгновенно распахнулась без единого скрипа, кошель полегчал на названную сумму, а статус претерпел изменения от придурка, мешающего спать, до почетного гостя.

— Ваша комната на втором этаже, первая дверь справа, — вместе с ключом я получил подробное описание предстоящего маршрута.

— Благодарю… — я сделал многозначительную паузу после первого слова, неужели он думает, что так просто меня спровадит? Размечтался!

— Борджи, господин, — понял намек владелец.

— Борджи, можешь звать меня Сат. Вначале я бы хотел немного перекусить, а после помыться, ты можешь это организовать? Воду греть не обязательно, сам справлюсь, не маленький. — На меня снова взглянули по-другому, сейчас я уже приподнялся от странноватого не бедного посетителя до молодого обеспеченного мага или его ученика, чему немного поспособствовала моя черная накидка (на подобие темной балахонистой рясы или мантии) и закрытое лицо.

— Буквально десять минут и все будет готово, господин Сат, вы как раз успеете переодеться с дороги. — Чуть склонил голову Борджи в знак уважения.

Нет, ну правду же говорят, деньги творят чудеса! Только что на меня хотели спустить собак, и вот спустя немного монет серебра я уважаемый господин! Фантастика! Буквально минут через пять-семь мне в комнату принесли простенький завтрак из тарелки с умопомрачительно вкусной яичницей, ломтя хлеба, пучка разнообразной свежей зелени и кружки вина. Очень неплохо для нежданного ночного гостя, не находите? Приблизительно через полчаса притащили и здоровенную лохань с холодной колодезной водой, с которой я проделал пару манипуляций, а после хорошенько вымылся.

Как же здорово наконец снять порядком надоевший балахон, ей богу этот капюшон не только прячет мое лицо от окружающего мира, но и неплохо скрывает окружающий мир уже от меня. Но все это меркнет по сравнению с тем, как здорово, просто поесть и лежать в горячей воде, не о чем важном не думая… Хорошо,

спокойно, может я даже ненадолго прикорнул, не знаю, но вылез я как заново родившимся, настолько хорошо отдохнул и набрался сил. Кайф! Совершенно не хочется вставать, но хорошего должно быть в меру, и на сегодня у меня еще есть кое-какие дела.

Для начала я решил свои финансовые проблемы сразу и надолго, сняв со своего старого счета разом три десятка золотых. Ничего сложного, знай иди вдоль самой крупной улицы в сторону где больше всего надутых индюков, которым даже открыть рот и подсказать дорогу выше их достоинства, и рано или поздно наткнешься на вожделенную вывеску. Вообще-то, в каждом городе она может оказаться разной, но одна общая черта всегда будет сопровождать заведение коротышек повсюду, золотые монеты в сундуке или слитки, ошибиться почти невозможно. Так же как и пройти мимо одного единственного здания с весьма специфической архитектурой.

Трудновато не заметить здоровенную каменную буханку без окон и стальными сейфовыми дверьми. Как всегда гномы в своем репертуаре толстые каменные стены, целый лабиринт узких мрачных коридоров (не исключено, что с сюрпризами для недобросовестных клиентов) и повсюду вездесущие бойницы. Будь такие банки у нас, у каждого посетителя была бы идеальная кредитная история, все элементарно боялись бы остаться в этих стенах навсегда…, в виде призрака, например, тело-то по любому вынесут. С чистотой и порядком внутри строго, все для клиентов…, мать их…

Но хватит о внешнем виде, поди, не в первый раз собрался навестить предприимчивых коротышек, которые не только смогли реализовать саму идею банка (есть и кроме них ушлые люди), но и стали единственными, кто при этом неприлично много заработал и сохранил безупречную репутацию. Оставь ты гному хоть медяк, хоть целую гору золота, можешь быть твердо уверен, тебе вернут все до самой последней монеты. "Слово подгорного гнома тверже скалы, и, если гном не сможет ответить по своим обязательствам, за него это сделают его кровные родичи или клан", — это не мои слова, это философия самих гномов. Именно поэтому поначалу для меня стало сюрпризом, когда мой счет отощал на добрую сотню золотом без моего на то участия, и, не иначе как по привычке, хотел начать возмущаться, но, к счастью, вовремя опомнился.

Уже не раз я благодарил свою предусмотрительность, особенно когда привязал счет к одной лишь конкретной ключевой фразе, зная которую любой может получить к нему доступ. Если бы не то старое мое решение, потеряв тело о сбережениях можно было забыть и жилось бы мне не в пример хуже и ночевалось бы,

скорее всего, на свежем воздухе. Но я не единственный кто имеет доступ к моим сбережениям, вторым живым существом, знающим эту страшную тайну, был мой вассал. Если без громких титулов, то спасенная из застенков имперской службы дознания сущность вампирши, которой я милостиво даровал тело и позаботился, чтобы она стала неотличима от обычных людей.

Понятное дело, что помог я ей не за красивые глазки и милую клыкастую улыбку (хотя должен признать она очень даже ничего…). Если вам интересно мое мнение, то слово спасибо несколько подрастеряло свое значение с тех давних пор как появились деньги, поэтому получив тело из моей сути, она стала частью меня и никогда не сможет противиться моему прямому приказу. Я ее, как бы…, нанял… (можно и так сказать) За солидную плату, (не много, не мало, за магическое ядро, а это то единственное, в чем вампиры до сих пор уступают людям) я приказал ей подыскать мне достойное жилище. Крепость там, или замок… и прислугу, и чтобы место красивое было, травка зеленая, солнышко теплое и вообще…

Выходит вполне равноценный обмен, я подарил ей жизнь и дам то, что она желает больше всего, и что не способен дать никто другой. А в благодарность получу верную службу и загородный домик, о котором раньше не смел даже мечтать. Остается лишь один неприятный вопрос, на что можно потратить целых сто золотых? Сумма вроде и не маленькая, но один фундамент для крепости стоит много больше, земля тем более, так куда? Найм, подкуп, дорожные расходы? Вопросы, вопросы и еще раз вопросы, а здесь не место и не время для немедленного ответа. Ну, ничего, узнаю чуть позже, на год другой хорошей жизни мне в любом случае пока что хватит, а если моя авантюра выгорит, я еще и заработаю.

Определенные знания у меня имеются с далеких давних ученических времен, правда, единственное, что я помню из экономики касательно нужной темы и малого бизнеса, это то, что сначала нужно оценить возможности рынка. А где можно оценить рынок, как не на этом самом рынке? Да нигде. Схожу, прогуляюсь, заодно поспрашиваю что почем, сколько стоит лечение, к примеру, простейшей травмы, в какую цену нынче различные корешки, травки и выжимки для приготовления мазей и зелий, во сколько встанет простенькая алхимическая лаборатория, а лучше ее походный вариант.

Уточнив кротчайшую дорогу к припортовому рынку, я продолжил уверенно двигаться к своей цели и окончательно утвердил для себя последовательность действий. Первое, поначалу я не стану сильно вкладываться в целительское дело и

на первых порах обойтись самым минимумом. Малое исцеление в купе с подробными знаниями строения человеческого тела уже хорошая основа. На крайний случай воспользуюсь заклинанием ускоренной регенерации и перекачиванием собственных жизненных сил пациенту, но это в самом крайнем случае, слишком уж муторно и затратно. Основным моим орудием станут с десяток заклинаний по очистке организма от ядов и шлаков, обновления, заживления, естественно подойдут еще кровеостанавливающие, способствующие ее восполнению и так далее. Ух, навскидку у меня уже с три десятка набирается!

Ладно, с этим все ясно. Во-вторых, нужен логотип, он же подпись, он же знак качества и визитная карточка мастера. Первым на ум приходит красный крест, но он-то как раз и не подходит. Никто просто не поймет, для чего на рынке сидит непонятный мужик в капюшоне, спадающем по самые глаза, да еще с неизвестным в этих краях красным знаком. Это скорее вызовет непонимание, а значит и недоверие со стороны людей. История с ядовитой змеей, обвивающей чашу в данных реалиях просто финиш, вопросы какие яды я продаю и как их лучше подсыпать/ подмешивать/ подливать будут сыпаться чаще, чем снег во время метели. Такие покупатели мне не нужны, проблемы со стражей, кстати, тоже. Нет, изображать на вывеске что-то смертельное это бред, особенно для целителя. Покрутив проблему и так и эдак и, не придя к однозначному выводу с какого конца браться за дело, я решил поступить гораздо изящнее. А именно, дать на лапу ближайшему горе целителю, чтобы он пошел погулять до вечера и не маячил перед глазами.

А что? Место наверняка насиженное и примелькавшееся, скорее всего, есть какая-то определенная постоянная клиентура, чем не возможность прощупать рынок услуг? Это намного лучше, чем сидеть на отшибе и ждать манны небесной, или чего хуже стоять и зазывать непонятно кого на сеанс лечения по разумным ценам. Ну его, такое счастье, еще чего не хватало, привлекать к себе взгляды целой площади. Мало ли, что может произойти, вдруг здесь конкуренция жесткая, а так все будет тихо, спокойно, удобно, комфортно.

Добравшись до места назначения и немного потолкавшись по торговым рядам, я немножко прикинул цены, как на сами лечебные зелья, так и на их компоненты и остался вполне доволен увиденным. Разница от полутора до пятидесяти раз в стоимости между ингредиентами и готовым продуктом, в зависимости от сложности приготовления конечно. В принципе, можно пойти даже дальше, в сторону вспомогательных и усиливающих "бутыльков". Там реально навариться и на десяток

золотых за раз, при затрате пары серебряных и наличии леса под боком. Но увы, нужны некоторые приспособления, такие как особая печь, перегонный куб, накопители, катализаторы и некоторые другие не самые дешевые и, к тому же, довольно редкие вещи.

Для перспективы, конечно, неплохо. Но повторюсь, лучше все-таки начинать с простого, потом будет меньше шансов споткнуться и упасть на совершенно ровном месте. К сожалению, не могут не отметить, что в лечебной магии я больше теоретик, нежели уверенный практик, но надеюсь быстро приобрести необходимый опыт, за бесценок помогая нуждающимся. Только не подумайте, я не собираюсь тренироваться на них как на подопытных мышках! Конечно же, нет, это же живые люди, в конце-то концов! Опыт оказания первой медицинской помощи за плечами у меня присутствует приличный, причем как традиционный, так и с применением эликсиров и заклинаний (да, немного скромный, зато есть же!).

Все мы понимаем, что быстро убрать симптомы это только малая часть работы целителя. Настоящее его мастерство заключается в умении правильно определить любой недуг, даже если сам больной о нем не подозревает. И, конечно же, всегда иметь под рукой все лекарства и инструменты необходимые для лечения, или как минимум суметь их изготовить. Врач это не моляр и не плотник, ценой каждой ошибки может стать не испорченная доска, а человеческая жизнь, поэтому по-настоящему хороший врач должен сочетать в себе все озвученные качества.

К своей работе я отношусь с полной ответственностью и на данном этапе мне важно знать, как быстро я смогу диагностировать проблему и как скоро подействует лечение. К тому же истинное мастерство приходит с опытом, не стоит сразу бросаться на сложные задачи, нужно начинать совершенствоваться с малого, тогда при решении более запутанной проблемы будет возможность опереться не на зыбкую теорию, а на твердый и проверенный опыт.

В этом случае все будет сделано намного быстрее, что в деле спасения жизни действительно важно, ведь каждая секунда, каждое мгновение, в которое из раненного вытекает сама жизнь, бесценна. А лечение, зачастую окажется намного экономнее и эффективнее в силу собранной статистики и замеченных особенностей, следовательно, помощь можно оказать уже большему числу нуждающихся. Мне и надо-то только подтянуть мои прежние навыки и умения в соответствие с новыми знаниями и опытом, определить самые распространенные заболевания и какой способ их лечения наилучший.

Медицина, это прежде всего наука, сочетающая практику и теорию, и, как известно, теория без практики мертва, а практика без теории опасна. Блин, целая лекция получилась. Признаю, на близкие по духу темы меня так и тянет порассуждать, однако всему свое место и время. Самое главное, я определился с направлением, в котором стоит двигаться, остальное приложится.

Глава 6. Работа и призвание

Хорошая работа — это когда делаешь то, что нравится, а что нравится — хорошо получается, и что хорошо получается, по достоинству ценят окружающие.
/Железная Логика/

Чтобы не бродить по многолюдному рынку просто так, и пока не наступил полдень, я вплотную подошел к палатке ничем не примечательного средневекового врача и настойчиво предложил ему прогуляться до самого вечера, отдохнуть, подышать свежим воздухом, а не здешней вонью и смрадом, в то время как я постерегу его местечко. Конечно, три монеты серебром уже не вернуть, и, если судить по тому, как легко согласился хозяин лавочки покинуть насиженное место, прихватив с собой все более-менее ценное, за день у него выходит… несколько меньше.

Но не стоит заморачиваться на деталях, сейчас важнее понять, стоит тратить время и силы на мою задумку в целом, поэтому, примостившись на табурет и облокотившись локтями на стойку, я принялся ждать. Естественно, в будущем неплохо бы работать в более солидном местечке, нежели это, но на первое время сойдет и деревянный прилавок на открытом воздухе с натянутым над головой тентом. Поставили его не иначе, чтобы в особо ясную погоду солнце не припекало голову, потому как от дождя с такой дырой посередине конструкция совершенно бесполезна, я бы даже сказал, опасна, если вовремя не отодвинуться.

***

— Здравствуй, Бонетци, — вывел меня из молчаливого ничего не делания голос пожилого сгорбленного человека. — За каким чертом ты в такую жару вырядится в черный балахон, словно какой-нибудь вор? А, неважно, дайка мне лучше своего знаменитого зелья, только оно мне помогает, — сказал он и оперся на трость, выложив передо мной три медные монеты.

Хм, если знаменитое зелье это те глиняные пузырьки с зеленой дрянью, что впопыхах выгребал настоящий хозяин, то ни черта это не лекарство, а обычное обезболивающее. Я специально купил один бутылек на пробу и как ни пытался ничего лекарственного найти не смог. Совершенно обычные травы, которые в нужный сезон не так уж сложно заготовить самому, три руны на флаконе, сохраняющие содержимое, и немного едва заметной магии. Да часа за четыре я сварю целую кастрюлю этой настойки, даже не напрягаясь, и это называется лечением? Доктор-то наш, оказывается, еще тот жулик и шарлатан. Даже

любопытно, сколько такого "лекарства" можно сделать за раз, скажем, в большом солдатском котле? Наверное, серебряных на пятнадцать-двадцать, не меньше.

Я оторвал взгляд от столешницы и принялся внимательно осматривать старика, с чего бы это он так крепко подсел на обезболивающие? И, как оказалось, у него достаточно запущенный артроз — одно из пренеприятнейших заболеваний суставов, при котором в них постепенно накапливаются отложения, вызывающие повышенный износ, ощутимую боль при каждом неловком движении и в запущенных стадиях постепенную деформацию сустава. Многие светлые умы бились над тем, что же вызывает этот недуг, и большинство склоняется к выводу, что частично причиной тому служит наследственность и нарушенный обмен веществ. Болезнь у старика была в самом разгаре, от того он и передвигался исключительно с тростью, постоянно морща лицо от надоедливой, преследующей каждое движение боли.

— А где же Бонетци? — Удивленно задал он свой вопрос, когда понял, что панибратски разговаривает с совершенно незнакомым ему человеком.

— Заболел твой Бонетци, — хмуро ответил я, находясь под впечатлением от собственных выводов. Нужно бы еще прибавить, что он отравился собственных варевом, зельевар хренов.

— … ох…, - негромко вскрикнул старик, неловко опершись на больную ногу, — придется заглянуть к нему домой… — продолжил он себе под нос, узловатой ладонью сгребая свои сбережения. Видимо совсем плохо становится человеку, раз он готов снова и снова приносить свои деньги этому махинатору. Зависимость наклевывается покруче наркоманской, там хотя бы удовольствие в обмен на деньги, а в данном случае только пара дней спокойствия от собственного, доставляющего неудобства тела, а потом все по новому кругу.

— Не совершай поспешных поступков, старик. — Остановил я припадающего на правую ногу старца. — Думаю, мне удастся тебе помочь ничем не хуже, чем это делал Бонетци, и моей помощи будет достаточно, чтобы на несколько лет забыть о твоем недуге. — На что старик внимательно посмотрел мне в глаза, но не убрал руку от монет.

— Я уже слишком стар, чтобы верить в чудеса, и слишком беден, чтобы на мне наживаться. Не нужно потешаться над старым больным человеком. Боги видят все и после смерти всецело воздадут по нашим поступкам. — С этими словами старик натужно вздохнул, сожалея о мимолетной надежде, и развернулся, чтобы уйти.

— А если за помощь я не попрошу ни единого медяка?

Помогу взамен на незначительную услугу, да и то, лишь в том случае если тебе станет лучше? — Спросил я в манере "демон искуситель", и в ответ получил тяжелый колючий взгляд уставшего от жизни человека, которого на этом свете не держит абсолютно ничего, кроме когда-то данных обязательств. В одно единственное мгновение в его глазах промелькнули недоверие, надежда, страх и бесшабашная решимость.

— Я и моя внучка будем благодарны тебе. — Не торопясь, словно нащупывая твердую почву в коварном болоте, протянул старик, — о чем ты хотел просить?

— О, сущий пустяк, — оживился я, про себя отметив, что наживку все же заглотили, — мне нужно подходящее место, где можно остановиться и спокойно заниматься своим ремеслом, причем за разумные деньги и с должным комфортом. К тому же, я буду очень благодарен, если каждый, кто заинтересуется твоим внезапным выздоровлением, узнал, где меня можно найти. Как видишь, не так уж и много.

— Хм…, - задумался старик. — В ремесленных и богатых кварталах остановиться можно разве что у хороших знакомых или за солидную плату на постоялом дворе, да и вряд ли там кто потерпит постоянно мелькающих больных и убогих. Конечно, в нищих кварталах хватает заброшенных домов…, там не то что лечить можно, хоть демонов призывай никто не почешется, но, к сожалению, хватает убивцев и воров. Не успеешь прикрыть за собой дверь и можно прощаться со всем своим имуществом.

Старик говорил еще что-то там о своем скромном жилище, но я уже не слушал, меня захватила мысль о каком-нибудь небольшом домике, пусть даже и в неблагополучном районе. А почему, собственно, и нет? Повесить защиту, укрепить двери и окна, поставить простенькую систему свой/чужой и мое жилище станет крепостью. От полных идиотов поможет с гарантией, а с умными людьми всегда можно договориться. И что не маловажно никто не задаст вопрос, чем же я собственно занимаюсь внутри, на этот факт всем будет глубоко плевать, даже не смотря на заметные всплески силы. На вопрос, где искать упомянутые хоромы, мне указали в самую гущу толпы, в сторону порта и рыбацких поселений.

— Там, — как само собой разумеющееся сказал старик, — от начала рыбацкой деревни и заканчивая самим рынком и портом. Для ясности, можешь считать, что везде, где воняет тухлой рыбой, испорченными продуктами и испражнениями и есть нищие кварталы, так что далеко идти не придется.

А вот это уже совсем прекрасная новость, оставаться чуть в стороне и при этом всегда быть в центре событий! Воздушный

фильтр навесить не такая сложная задача, а если при этом еще и стража не задает лишних вопросов, так это двойной плюс! На низшие слои патруль всегда плевал, плюет и будет плевать с высокой колокольни, они уже привыкли, что те как-то сами решают свои разногласия и не суются в трущобы без особой на то надобности и весомой численности. Выбрать небольшую лачугу поближе к рынку, немного обустроить и можно заниматься делами в свое удовольствие, ведь там, где царит авторитет силы, магу, пусть и не самому умелому, всегда будет почет и уважение.

— Меня такой вариант полностью устраивает, — довольный своими выводами заявил я, — как закончу с лечением, сразу же пойдешь и приглядишь мне местечко поближе к рыночной площади. А сейчас приступим!

Как там говорят, принесшего плохую весть гонца казнят. Что же, тогда старикана, имеющего все шансы поселить меня практически бесплатно (разве что за вычетом затрат на благоустройство), я решил подлечить основательно. Спрашивается, какой толк лечить его старые кости или варить обезболивающее, если его недуг это состояние организма в целом? Ну, подшаманю минутку, а через год снова начнутся те же самые проблемы, так какой в этом смысл? Мне вот кажется, что никакого. Поэтому-то я и расщедрился аж на большое целительское заклинание, при помощи которого можно вырвать даже умирающего тяжело раненного бойца прямо из объятий смерти.

Вещь весьма мощная, открытые раны затягивает за какие-то мгновения, любые яды распадаются на составляющие прямо в крови и почти сразу же выводятся из организма. Все болезни, вирусы, паразиты исчезают быстрее, чем неумелый охотник пробегает стометровую дистанцию дикий зверь — спасительное дерево. При этом в норму приходит не только само тело, но и внутренние органы и иммунитет. В целом, можно считать, что после применения организм получает некое подобие второй молодости, пусть и недолговечной. Конечно, такие мелочи как шрамы и прочие отметины никуда не денутся, да и отсутствующие конечности и зубы волшебным образом не отрастут, но что в этом мире идеально?

Для настоящей глобальной реконструкции, что из безногого старика инвалида сделает веселого активного юнца, нужна целая куча строительного материала и жизненных сил, а значит и сопутствующие дорогущие эликсиры, неимоверно много времени и обильное специфическое питание. А добиться нужного эффекта может только архимаг-целитель с огромным резервом силы и великое исцеление (скорее всего произнесенное не однократно).

На такие подвиги я пока не потяну, у меня и ближайший аналог-то съел добрую треть всех имеющихся сил, а великое исцеление… не хочу даже гадать, сколько моих резервов на такое понадобится.

Сегодняшний аттракцион неслыханной щедрости с моей стороны это исключительно демонстрация и проба возможностей, не более. Нужно же когда-то определить пределы границ, за которые выходить не стоит, так почему не сейчас? И как стало ясно, для моего нынешнего тела такой фокус не так-то прост, как может показаться. Слишком слабые энергоканалы, слишком большой объем энергии приходилось пропускать единовременно. Повторить такое два-три раза подряд и можно не только свалиться от истощения, но и полностью выжечь магическое ядро почившего эльфа. Зато сегодня я нащупал некую черту, за которую не стоит заходить слишком далеко, а это дорогого стоит.

Тем временем, совершенно не верящий свалившемуся на его плечи счастью старик удивленными глазами таращился на меня и переминался с ноги на ногу. От моей примочки ему разом ощутимо полегчало, морщину чуть разгладились, суставы перестали скрипеть, и если на глазок, лет эдак пять — семь дедушка таки сбросил. Теперь он смотрел на меня как на мессию, для полноты образа не хватало одной единственной фразы: "встань и иди", но тут небольшой облом, дед и так на своих двоих притопал, пусть и с тростью. Так что я деда просто послал… Послал искать доброму доктору домик поближе к площади и даже ссудил на доброе дело пару золотых, чтобы жильцы, если таковые конечно будут, поспешили съехать, и поставил простенькую магическую защиту с меткой, чтобы финансы не пропали даром или ненароком не потерялись вместе с дедом. Не настолько сильна моя вера в благодарное человечество.

Ну, одно доброе дело сделано, денег не получил, зато сработал на перспективу и живую рекламу, стало быть, сидим на попе ровно и ждем наплыва клиентов желающих поправить здоровье. Скучать и созерцать толкающийся, торгующийся и постоянно куда-то спешащий люд пришлось не долго, и следующим жаждущим помощи человеком оказался полудурок с переломом. Не высокое мнение о его умственных способностях у меня сложилось в тот самый момент, когда он попросил волшебной настоечки вместо лечения и водрузил на прилавок две медяшки. Между прочим, популярный оказался напиток.

Но а если серьезно, то медь я, конечно, взял, кость на место поставил, лубки из смеси силовых линий и щита поставил, чтобы кость снова не сместилась. Еще успел набросить на этого оленя малое исцеление, прежде чем тот отправился дальше скакать по рыночной площади от двух подоспевших амбалов. Весело тут,

ничего сказать, что не мордобой, то за настоечкой, что не травма — опять за настоечкой. А если ее на спирту сделать, то и в праздники побегут за настойкой, неисчерпаемые перспективы, блин. За следующие два часа по профилю ко мне никто так и не обратился, и я малость загрустил. Хреново, когда твоя первая выручка за целый день всего лишь два медяка, об инвестициях пока молчу.

Но капризная госпожа удача решила снова мне улыбнуться, и вскоре ко мне подоспел мой не молодой риелтор, в смысле засланный на поиски новой стоянки человек и пришел он не один, а в компании истекающего кровью мужичка. Невысокий такой, худенький, с многочисленными ножевыми в живот, и жить ему осталось от силы часа два не больше. Вот уж кому сегодня точно никто не улыбался, так это ему. Кровопотеря жуткая, учитывая, что сюда он пришел на своих двоих и расширенные зрачки, человек пребывает в глубочайшем шоке и слабо понимает, что творится вокруг, одежда успела насквозь пропитаться кровью, а сапоги оставляли на мостовой четкие бурые следы. Охренеть! Я сказал два часа? Минут двадцать не больше! Как он вообще на ногах стоит с такими ранами? Не понимаю…

Умирающий прямо на глазах человек попал, наверное, в единственные в округе руки, способные вытянуть его невезучую пятую точку с того света. Уж не знаю, в какую передрягу он влез, но продырявили его знатно, десять раз посадили на перо и добавили по голове тупым тяжелым предметом. На его месте любой бы уже богу душу отдавал, а этот упертый, цепляется за жизнь одной только силой воли, уважаю. Я подхватил падающее тело и быстренько уложил за прилавок подальше от чужого внимания, не на что там будет смотреть.

Наложив уже традиционное малое лечебное заклинание, скорее больше для успокоения, нежели из практической пользы я моментально приступил к делу. В срочном порядке остановил кровотечение, еще повезло, что не внутреннее, и начал смотреть на дела чужие, скорбные. Брюшная аорта цела, и слава богу, основные внутренние органы — целы, значит, немедленная смерть не грозит. Кишечник и желудок превращены в дуршлаг — это прискорбно. Абсолютно уверен, что ножом орудовал дилетант, зато старательный, с усердием швейной машинки всаживающий нож в оглушенное ударом по затылку тело. После такого содержимое желудка и кишок почти моментально просочилось через раны куда не следует. А это говорит о том, что в организме и крови уже полно всякой дряни и воспаление с абсцессом лишь вопрос ближайшего времени.

Это, блин, полнейший писец, дежурным набором заклинаний здесь делать нечего, спасет этого человека разве что мастер жизни. Я конечно нихрена не мастер, но тоже кое на что способен, как минимум одного безнадежного вытянуть, моих скромных сил должно хватить, но будет это не просто, ой как не просто! На столько открытых ран сил уйдет чертова уйма! Сейчас я немного восстановился после первый раз в жизни произнесенного большого исцеляющего, что ж, видимо, придется повторить, и чувствует моя душа, отката от перенапряжения избежать мне не удастся…

В этот раз скрывать возмущения от применения заклинаний и одновременно сосредоточенно магичить, чтобы не приведи боги что-нибудь не перепутать, не выходо. Если в прошлый раз я не израсходовал и половины резерва, то сейчас сила текла по каналам с ужасающими потерями, слишком большой объем в слишком короткий промежуток времени, не получается сконцентрироваться… Это как пытаться проглотить грецкий орех, теоретически может и возможно припихнуть его в желудок, но на практике срабатывают рефлексы, не допускающие такой вандализм, особенно после свежих воспоминаний, как хреново это было…

Мое новое тело, которое за долгие годы привыкло, что сила проходит через него постепенно, сопротивлялось такому насилию, всеми возможными способами сбрасывая излишки. Не пришедшие в норму каналы отказывались пропускать нужный объем повторно. Неудивительно, что закончив, я был выжат словно лимон, а на такой дилетантский выброс манны в никуда оглянулась посмотреть вся чувствительная к магии братия. Будь я в стенах учебного заведения, за такую нерациональную трату сил мне прописали бы подзатыльник и заставили тренироваться. Но вот загвоздка, настоящего наставника у меня никогда не было, как и практики, и тренируюсь я без права на ошибку. Вернее, пустить все на самотек или допустить промашку значит дать кому-то умереть, что крайне вредно скажется на моей репутации.

Ну вот, черт его подери, долечился. Уставший и вконец задолбавшийся я, бессознательное тело за прилавком посреди рынка, с которым совершенно не понятно, что делать, толпа любопытных и восхищенно цокающий языком старик тыкающий пальцем в новоприобретенные шрамы несчастного. Писец подкрался незамеченным, инструкции, что делать к нему не прилагалось и снова пришлось думать своей головой и нечего лучшего, чем дать престарелой любопытной Варваре по рукам я и не догадался.

— Нефиг тянуть руки, куда не просят, лучше помоги поднять

эту тушу и показывай дорогу к месту, где его можно без проблем оставить…, для дальнейшего выздоровления.

К счастью старик ни дураком ни тормозом не был, потому к замечанию отнесся с пониманием, а к господину магу с почтением и сноровисто подхватил толи заново родившегося счастливчика, то ли едва не погибшего неудачника под одну руку, подождал, пока я с делаю тоже самое с другой стороны и двинулся в путь. Топать пришлось прилично, а из сил я выбился еще на площади, пока шаманил над этим самым грузом, который сейчас приходится тащить. Поэтому не удивительно, что бессознательный пациент был брошен на пол как мешок с мукой прямо при входе. Следом свои кости бросил я, но уже на грубо сколоченную кровать с подстеленным соломенным тюфяком. Не бог весть что, но все же лучше, чем грязный заплеванный деревянный пол.

— Боже, как я устал… — вырвалось у меня на выдохе.

— Может, господин маг изволит поесть? — Чуть приободрился старик, которому, судя по отдышке, тоже не пошел на пользу наш променад. — Я не потратил ни медяка из тех денег, что вы дали.

— Тогда чтобы когда я проснусь на столе была еда, и лежала сдача, — ответил я и сам того не замечая отправился в объятья морфея.

***

Сознание вернулось мгновенно, рывком. Помню, что полулежу на старой рассохшейся кровати, а в следующую секунду открываю отекшие веки и сверлю взглядом потемневший от копоти потолок. Сколько тянулась эта секунда для всех окружающих, одному только богу известно, может час, может два, а может и целый день, и меня такой расклад совершенно не устраивает. К сожалению, когда тело, с которым я излишне тесно связан, отключается от усталости, перенапряжения или болевого шока, за компанию я вырубаюсь вместе с ним, не успевая перехватить управление у нервной системы. Не порядок, однако. Срочно необходимо либо ослаблять связь тела и сути, чтобы в меньшей степени зависеть от состояния вместилища и вместе с тем не переусердствовать с разделением понятий душа и тело. Хреново будет, если кто заметит, на каких соплях одно может крепиться к другому, могут ведь не понять тонкой грани между мной и подобием нежити. Или же можно повыдергивать к чертям собачьим все естественные "предохранители" придуманные природой, это более предпочтительно в плане маскировки.

Что в первом, что во втором варианте минусы примерно одинаковые. Ни в коем случае нельзя забывать о чувстве голода,

да и спать придется больше по расписанию, чем из желания передохнуть, и не дай бог в порыве вдохновения заработаться и умереть в процессе. А самое главное ни в коем случае не заниматься магией и не проводить ритуалы до полного истощения! Никаких промежуточных этапов наподобие опустошения дара, потери сознания и прочего в этом случае не дождешься — сразу смерть со всеми вытекающими.

Но и плюсы от такого состояния также не малые. Хрена с два меня удастся оглушить ударом в затылок или опоить каким-нибудь сонным отваром, я всегда буду в большей или меньшей степени чувствовать, что происходит вокруг меня и реагировать соответственно. В худшем случае подобные действия меня основательно замедлят и дезориентируют, поскольку управлять телом станет труднее, но не более. Выгода не маленькая, а при моем образе жизни и таланте находить неприятности, весьма весомая, я бы даже сказал, необходимая для выживания. Соответственно и медлить с этим не стоит, не хватало еще снова выпасть из реальности на неизвестный промежуток времени.

— Господин маг, вы уже проснулись? — Робко, боясь нарушить мою сосредоточенность, спросил мой давешний знакомый старик. Хм, надо же, я до сих пор не спросил его имени… Но ничего, это поправимо.

— Как тебя зовут, старик?

— Талус, господин. — Поклонился человек, — я выполнил ваше поручение. Еда, конечно, немного остыла, но это ничего, Милка готовит так, что и утром все будет настолько вкусно, что пальчики оближете. — С добродушной улыбкой вещал Талус, словно уже успел приложиться к моим яствам. А уж то забавное имя…

— Кхм…, Милка…, что за странное имя такое?

— О, прошу прощение, господин маг, это лишь сокращение. Полное имя моей внучки, Милисента, моя малышка Милли…, ей всего двенадцать, господин, но готовит не хуже покойной матери. Извольте убедиться сами.

А я что? Ни уговаривать, ни просить дважды меня не нужно, да и проголодаться я успел изрядно, опять же, теперь дела делами, а обед исключительно по расписанию! (по вышеизложенным причинам) Какой вообще смысл отказываться, если так вкусно предлагают? Нужно пользоваться, раз есть такая возможность! Ням… действительно фкусно, эта дефченка профто волфебница! Все с личным поваром я определился, так талантливо поджарить цыпленка с фруктами и овощами не под силу ни одному доморощенному средневековому ресторатору. К

тому же… платить ей можно будет меньше, чем тому же ресторатору или настоящему кулинару. Выгода и довольный желудок в одном флаконе, лепота! Сейчас мы уточним кое-какие подробности, чтобы потом не возникло никаких внезапных проблем с возмущенными родственниками, и все будет в шоколаде.

— Талос, дорогой ты мой человек! Да ты присаживайся, что как не родной, ей богу, — панибратски начал я, вальяжно развалившись на стуле после обильного перекуса и попутно ослабляя поясной ремень, чтобы не мешал наслаждаться спокойной минуткой. — Скажи, а где тогда отец Милисенты?

— Мой сын он… Он водил большие торговые караваны через всю страну, до самой границы с гномами к подножию величественного Даргборга… — Чуть опешил старик от моего тона, но вскоре тоскливо замолчал. — Семь лет…, - запнулся он, — семь лет назад на пути в город торговый караван вырезали полностью, подчистую. Убили всех. Мужчин. Женщин. Даже мулам и лошадям перерезали глотки, твари. — Каждое следующее слова давалось ему все тяжелее и тяжелее, и секундой позже я понял истинную причину и пожалел, что разбередил старику никогда не заживавшую рану.

— …Проклятые демонопоклонники, темные ублюдки. — Старик словно выплевывал каждое слово, сжимал и разжимал кулаки, а перед глазами у него вставали одному лишь ему ведомые картины давно минувших событий. — Кроме них больше никто не истязает и не пытает тела выживших для своих нечистых ритуалов, даже грязные каннибалы орки убивают быстро и не чинят насилие без веской причины. Эти же монстры в людских обличьях верят, что чем громче и пронзительнее кричит и страдает от боли разумный и чем страшнее его муки перед смертью под ритуальным ножом, тем довольней будет их черное божество. Бездушные твари, ублюдки*… Через день, когда маги и стража Даргборга доставили страшные вести и привезли наших умерших для похорон, именно тогда я впервые не смог узнать собственного сына. Можешь себе представить, насколько были изуродованы тела?! Скажи мне, маг, куда, куда смотрят светлые боги, когда на их землях, с ИХ паствой творят такие бесчинства?! Куда обращен их взор?! — Талос не на шутку завелся, заново переживая в своей памяти тот давным-давно прошедший злополучный день, прошедший, но не забытый. По его щеке пробежала скупая старческая слеза, отдавая дань памяти любящего отца погибшему страшной смертью сыну.

* в данном контексте это не мат. Изначальное значение слова: выродок, нечистокровный, т. е. имеется в виду люди, отличающиеся от остальных и потерявшие право зваться людьми по причине своей жестокости.

Что вообще можно ответить на подобные вопросы, чтобы еще больше не разбередить и без того кровоточащую душу? Не знаю… Все что я смог это просто молчать. Молчать и смотреть, как избитый жизнью старик вытирает глаза, пытаясь унять взбунтовавшиеся чувства. Когда-то давно он остался один с несмышленым пятилетним ребенком на руках и болезнью засевшей в уже тогда не молодом теле. Что он пережил, как смог продержаться и при этом воспитывать внучку, которая стала ему живым напоминанием об истерзанных телах единственного сына и невестки? Не знаю… Одно могу сказать точно, никому не желаю оказаться на его месте.

— Господин, простите старого человека, я не хотел…

— Ничего страшного, Талос, ничего страшного. Я сам задал этот вопрос. — поспешил я перебить старика. — Пути богов неисповедимы и скрыты для смертных, не нам оспаривать их решения. — Старик отрешенно опустил глаза, но ни намека на смирение в них не мелькнуло. Тем лучше. Злость и ненависть это точно такое же топливо для жизни как любовь и радость. Ему есть, кого ненавидеть и кого оберегать…, есть ради чего жить.

— Я хочу поговорить о твоей внучке, Талос. Можешь смело передать ей от моего имени, что некий Сат по достоинству оценил ее стряпню, и будет оплачивать продукты ей и ее старику, чтобы и дальше продолжать наслаждаться столь хорошим умением. Я собираюсь ненадолго задержаться в этих краях, так что оставь деньги, что у тебя остались себе и не забывай пару раз в день приносить мне еду. Возможно, позднее я и буду платить больше, чем стоимость мяса и специй, но это случится позже, прежде необходимо твердо встать на ноги и наладить торговлю.

— Но господин маг, этого слишком много! — Старик с недоумением и непониманием посмотрел на лежащие на столе монеты, среди которых была и золотя.

— Даже не спорь Талос. Разве ты не знаешь, что с магами бесполезно спорить? То-то же. Тем более, что на постоялом дворе не только готовят хуже, на скорую руку и для кучи народа, но и ходить туда далековато, так что прими как данность или откажись, принуждать не стану.

— Благодарю, господин маг! Вы словно посланы Пресветлой в не легкое для нас время, когда я уже начал не на шутку бояться за судьбу единственного родного мне человека. Вы не только

вернули мне возможность ходить как в далекой молодости, но и обеспечили мою внучку собственным заработком. Благодарю вас. Теперь мне немного спокойнее за ее судьбу.

Черт побери, подумал я, глядя на рассыпающегося в благодарности старика, опять продвигаю разумное, доброе, вечное. Наверное, скоро высшие силы организуют тотализатор, когда же этот недоделанный демон начнет куролесить и устраивать геноцид. Хрен вам, не дождетесь! Я каким человеком был, таким и остался, изменились разве что некоторые детали и обстоятельства, но не сущность. Тем более, по словам старика, кровожадных уродов и без того хватает в этот не самом справедливом мире. Ну, а теперь пора вернуться к нашим делам.

— Как долго я был в отключке…, в смысле спал?

— Около часа, может немного дольше… — так, это еще ничего, я думал, будет хуже. Смотрю, старик за этот короткий срок успел не только накрыть на стол, но и кое-как устроил моего подраненного пациента, который совершенно случайно с десяток раз "упал" на острый кинжал. Интересно кем же в итоге окажется этот любопытный субъект и не будет ли от него больше проблем, чем финансовой благодарности, я же блин, не мать Тереза, чтобы ходить за ним бесплатно. Правда, со сто лет не чищенного пола его пока никто поднимать и на чистые простыни перекладывать не собирается, но мягкую подушку под голову и теплое одеяло сверху тоже очень даже не плохо, особенно в сочетании со спасенной жизнью. Ладно, ночь будет длинной времени хватит с лихвой, чтобы не только напоить и немного привести хоть в какой-то порядок этого "счастливчика", но и вплотную заняться апгрейдом собственного тела, поставить на жилище защиту, каким-то образом разузнать, что же все-тики творит с моими деньгами вампирша…. Дел невпроворот, впрочем, как и всегда.

Глава 7. Жизнь и… прочие неурядицы

Жизнь это движение, жизнь это действие.
Только живя по-настоящему можно познать
как разочарование, так и величайшую радость.
Но безделье в разумных пределах
неплохая тому альтернатива…
/Среднестатистический лентяй/

В своего подопечного я влил не менее литра воды, чтобы хоть немного компенсировать кровопотерю и обезвоживание. Не бог весть, какой метод, но помогает стопроцентно. В любом случае, человек, лежащий на полу, даже не приходя в сознание, с жадностью глотал каждую каплю, видимо, организм и сам неплохо понимает, что ему не хватает в первую очередь. На этом все, чем мог помочь — сделано. От заклинания, которое на целый час отправило меня в отключку, многочисленные раны и внутренние повреждения затянулись ровными шрамами и рубцами, а остальное организм сделает как-нибудь сам.

Альтернативного и более быстрого варианта без зелий или переливания крови добиться было бы слишком сложно. Но для первого слишком темно, чтобы раздобыть травы, а для второго нет ни иглы, ни, хотя бы, капельницы. Кто бы знал, как неприятно это говорить, но и "так сойдет", "утро вечера мудренее". Ладно, утром и вправду будет виднее, что за кота в мешке подбросила мне судьба, да и проблем с покупкой ингредиентов для лекарств не возникнет, а пока буду "продвигать" себя любимого.

По уже опробованной когда-то схеме укрепил кости примерно до состояния хреновенькой стали, мы не гордые, за идеалом не гонимся. Сильно упорствовать считаю бессмысленным, уж больно непропорционально растут затраты, а я сейчас не в самой лучшей своей форме. Затем я хорошенько поработал над сухожилиями, как над следующим по важности после скелета элементом и закончил мышечной тканью. В общем, вышло неплохо, без излишнего фанатизма и все в пределах дара эльфа в магии жизни и природы. Общая прочность костной ткани выросла раз в десять-двенадцать, сильнее я стал раза в три, не меньше, а вот с реакцией промахнулся — слишком сложная высшая нервная структура оказалась у эльфов, но что я стал немного быстрее любого из них это бесспорно.

Теперь взять меня голыми руками невозможно, да и кому я такой красивый нафиг нужен? Пока, конечно, никому, однако неплохо бы и свой скромный домик уберечь от посягательств неразумных, на случай, если кто не понял, — ворам здесь не рады. От такой вездесущей напасти нужно себя обезопасить получше, чем от мышей и тараканов. Порой некоторые неугомонные личности упорнее этих насекомых и животных лезут на чужое добро, будто оно медом намазано, чтоб их.

Появись что ценное — эти ребята уже тут как тут, а всякими дорогими препаратами, ингредиентами и инструментами, я как истинный ценитель своей профессии в скором времени обрасту гуще, чем новогодняя елка гирляндами. Кто же хочет, едва высунув нос из дома, лишится всех этих нужных и дорогих вещей? Нет уж, альтруизмом в пользу бедных несчастных ночных работников я страдать не собираюсь, хренушки вам, а не комиссарские шмотки.

Сделать из грубой деревянной двери, которую с пол тычка вынесет любой задохлик аналог современной стальной? Да фигня вопрос! Час работы и нет проблем, вот только после двери встал вопрос надежности замка, петлей, дверной коробки, потом всей стены в целом, остальных стен, окон… Порочная цепочка обрастала звеньями и никак не желала заканчиваться, природная любознательность цвела буйным цветом, и я находил все новые и новые щели, через которые можно войти, пробраться…, просочиться. Домик то низкий, один этаж, да чердак…

Плюнув на весь свой идиотизм и посчитав проделанную работу достаточной, я с довольной улыбкой на устах лег спать…, под утро, уж больно смутил меня обнаруженный небольшой подвальчик, который я сразу не приметил. Так что минимальные меры я все же принял, чтобы впредь спалось спокойнее и развалился на своем скромном ложе.

***

А, собственно, зачем надрываться? Какой смысл думать и париться над защитой? Пришла свежая мысль в затуманенную сном голову. Кажется, чем я спокойнее и расслабленнее, тем большую власть над моей сутью получает всемогущая матушка лень и бредовые мысли из старого доброго подсознания. Однако в этих доводах иногда бывает достаточно логики, чтобы прислушаться к их предложениям. Если задуматься, лень права, зачем среди старых и запущенных халуп строить неприступный бастион? Это же, как повесить на двери табличку "здесь есть чем поживиться". Пока все приготовления остаются на уровне укрепления материи, еще не поздно остановиться и на все забить, все равно когда-то в дом будет свободно заходить куча не совсем

здорового народу и сейфовые двери будут настежь открыты для всех желающих.

— Так что пока проделанную работу можно разглядеть только под микроскопом в молекулярной структуре, пусть необычная прочность останется сюрпризом для идиотов, это хотя бы будет коварно. — Резюмировала Лень.

— А если на меня нападут? — Попыталась огрызнуться моя настороженная рациональная часть.

— Ой, да кому ты нужен? Чокнутый самаритянин, залатавший двух человек за бесплатно. Блаженных обижать нехорошо… — отпиралась от нудного кропотливого завтрашнего труда Лень.

— Сама дура. Если меня все же ограбят, ты что ли мне компенсацию выплачивать будешь? Молчишь, зараза. То-то же! — Торжествовал разум, заставивший задумчиво замолчать врожденное раздолбайство.

— Тайник.

— Что тайник? — не понял разум.

— Включи мозги! Зачем делать неприступный, защищенный дом, который будет заметен лучше, чем бревно в чужом глазу, когда можно по-быстрому сделать маленький тайничок? Покидал туда все самое ценное и не парься, а что сопрут…, ну, извините, издержки работы с людьми, не будешь таскать в дом всяких загибающихся незнакомцев. — Недолго думая парировала Лень, приведя достойные ее оппонента доводы, заодно намекнув на лежащего в комнате постороннего.

— Тогда лучше сейф, — включился в дискуссию рационализм.

— Не, сейф это долго, лучше нычка в подполе или за сортиром… Не, лучше все-таки в подполе.

— Два сейфа, нет, лучше три сейфа! — Приоткрыл один глаз только что беспечно посапывающий хомяк.

— И лекарства от жадности, да побольше! Молчал бы ты лучше. — Вновь ужаснулась объему работы Лень.

— Если задуматься, то Хомяк в чем-то прав, негоже хранить все яйца в одной корзине, так недолго потерять все нажитое непосильным трудом, — вступила в дискуссию Осторожность.

— Нам непременно нужны красивые картины! — Не кстати вмешалось чувство прекрасного.

— Нахрена? — спросили хором все остальные.

— Сейфы и тайники обязательно нужно прятать за красивыми картинами, а вы разве не знали? — Возмутилось всеобщей некомпетентности чувство прекрасного.

***

Неизвестно к чему привел бы этот странный и необычный сон, вернее этот шизофренический диалог, но тревогу забила чуйка, сообщив, что до этого неподвижно лежащий незнакомец потихоньку приходит в себя. Это оказалось достаточным поводом, чтобы я открыл глаза и рывком встал с кровати, уставившись на бледного мужика. Постепенно его дыхание стало более глубоким и частым, сердце забилось несколько сильнее, затем он открыл глаза и какое-то время непонимающе пялился в потолок, но вскоре догадался повернуть голову и заметил меня.

— Почему я все еще жив? — Не придумав ничего умнее, спросил мужик. Нет, ну не дурак ли? Ведь и так понятно, что за это событие спасибо надо сказать мне, а лучше сказать так, чтобы это спасибо звенело серебром и золотом. Эх, карманы у тебя все равно наизнанку вывернуты, и ежу понятно, что при себе нет и гроша.

— Как самочувствие? Ничего не болит? — Спросил я, и всей душой надеялся на положительный ответ и вселенских масштабов благодарность.

— Так ты не из банды трехпалого… — задумался загадочный субъект. — Вроде нормально все, — он приподнялся и сел, облокотившись о стену, — ты лекарь?

— Ага, лекарь. И привык получать за свою работу скромную плату, — из-под капюшона я мило улыбнулся незнакомцу.

— От имени пятого отряда особого отдела городской стражи выражаю тебе благодарность.

— Э… Ммать!… то есть, я хотел сказать… Твою ж так… — Я запнулся на полуслове, цензурного ответа не было. Особист! Мало того, что это стражник, так еще и за лечение — благодарность! Именно благодарность меня и добила, это ж писец. Сначала старик, с которого и три медяка стряхнуть жалко, но он хоть оказался полезен и оправдал вложения, но это…

— Мне нужно передать руководству важные сведения. — Ммать опять! Вот это точно последний гвоздь в крышку гроба, Штирлиц хренов, лучше бы молчал и сваливал, мне ведь и благодарности вполне достаточно…

— А тебе никто не говорил, что нет лучшего обезболивающего, чем смерть? — Спросил я разом напрягшегося "стражника". — Вот тогда лежи и радуйся, что у тебя все еще есть чему болеть и не втягивай меня в разборки тайной стражи. Скажи спасибо, что я тебя, идиота, вытянул из-за грани и убирайся к чертям из моего дома!

Мужик натужно поднялся, помогая себе руками и опираясь на стену, пошатнулся от накопившейся усталости и головокружения и уперся в меня злым требовательным взглядом.

— Какой смысл смотреть на меня ТАК? Еще старина Зигмунд Фрейд сказал, что задача сделать человека счастливым не входила в план сотворения мира, а сейчас назови мне хоть одну причину, почему я должен исправлять эту оплошность? Скажи вообще спасибо, что до сих пор коптишь небо на этом свете, а не кормишь червей на кладбище.

— Пять золотых.

— Эм… С этого места поподробнее…

— За достоверную информацию о трехпалом гражданам города канцелярия дает пять золотых.

— Тьфу на вас еще раз. А тех, кто эту информацию приносит, потом сажают брюхом на нож, сваливай!

Мы помолчали. Нам обоим было понятно без слов, что уйдет он от сюда не далеко, слишком много ресурсов потерял вчера организм, и столько же ушло на лечение. В таком состоянии его и пятилетняя девочка палкой прибьет, а не то, что там какой-то трехпалый. С другой стороны принесли в дом мы его уже поздним вечером, немного попетляв по темным переулкам, вроде бы никого даже и не встретив. Следовательно, никто не знает, что этот "разведчик" отсиживается у меня в лачуге. Зато если он в таком состоянии отсюда выйдет и хряпнется прямо за дверью…, догадаться, где он прятался трудна не составит. Ммм…, за что мне это, а?!

— Ладно, есть встречное предложение. Скоро сюда придет старик и принесет завтрак, а позже ужин. Отъедаешься, набираешься сил и чтобы с наступлением темноты ни тебя, ни твоих знакомых я даже близко не видел. А в плату за помощь нигде про меня ни слова, не хватало мне встреч с твоими знакомцами. И еще, когда будешь уходить удосужься прикрыть лицо, мне не нужны лишние проблемы с ворами и убийцами. — С этими словами я снял и бросил ему под ноги свой балахон, все равно собирался купить что-то поприличнее этой грязной грубо скроенной тряпки, и вышел, под ошалелые глаза незнакомца, почесывая длинное эльфийское ухо.

Млин, это ж белый пушной зверек, мстительно нагадивший прямо на пороге любимого дома. Но не переезжать же из-за этого? Эльфов вроде бы никто без веских причин задевать не рискует. Ну, живет в доме на окраине эльф, ну и что? В чужие дела не лезет, терроризмом не промышляет, слабых не обижает, смысл его трогать? Чтобы в очередной раз поцапаться с посольством? Блин…! Да проще было бы прикопать этого стражника прямо в подполе, чем столько мучиться! Так, спокойно, если он не совсем дурак, то промолчит про мое скромное участие в своей нелегкой жизни, получит свое

вознаграждение и спакойненько заляжет на дно до лучших времен.

А я пока, пожалуй, пробегусь по лавочкам и закуплю по минимуму кое-какие житейские мелочи. Самое актуальное это, конечно, чистое белье и покрывала, удобная мягкая подушка, а не то недоразумение набитое гнилой соломой, на котором пришлось спать минувшей ночью. Кроме того нужна новая посуда, не помешало бы кое-что из кухонной утвари, и конечно же мне жизненно необходима большая бадья в которой можно нормально вымыться. Да-а…, черт его дери, жилище-то мне досталось хоть и двухкомнатное, но порядком запущенное, прежние хозяева, если таковые были, кроме грязи да мусора не оставили ни единой сковородки, ни одной кружки, в порыве скромности забрали все, что проходило в дверной проем. К моему нехитрому скарбу прибавилась только кровать, прибитая к углу комнаты, обугленный с одного края обеденный стол да два старых расшатанных табурета. И как в таком годюшнике жить?

В конечном итоге мой список покупок пришлось еще и сокращать в меру сил и потребностей, потому как дотащить ТАКИЕ объемы я отчаялся. По здравым размышлениям вопрос о приобретении еще парочки важных и нужных пунктов решался исключительно вместительностью той телеги, которую придется нанимать, поэтому сегодня покупки будут преимущественно габаритные. Без небольшой передвижной базы совершенно невозможно начинать задумываться даже о самой простецкой обстановке. По-хорошему надо прямо с телегой и проехаться вдоль торговых рядов, закидывая туда все, прямо не отходя от кассы, удобно, выгодно, практично. С комфортом обосноваться на новом месте не так уж и просто, что говорить, банальный переезд уже головная боль и, видимо, настал и мой черед испытать эту сомнительную радость.

***

За пару часов я обошел весь рынок, не обижая вниманием даже самую крохотную и незаметную лавочку, посетил все торговые и ремесленные ряды, приценился к каждой мелочи. И наконец-то купил себе удобную куртку с хорошим капюшоном из тонко выделанной оленьей кожи. Попутно нашел подходящего свободного извозчика, который всего за десяток медных монет согласился работать на меня весь оставшийся день еще и в качестве грузчика. Казалось бы, сделано всего ничего, а пролетело уже больше половины светового дня! Ну, а что я ожидал? Одно слово — заселение.

А дальше начался ад. Если когда-то давно я несколько недолюбливал свободную торговлю, предпочитая потере времени

современные торговые площади, благо финансы позволяли, то сегодня я возненавидел все! Час договариваться с плотником и его подмастерьями о новой обстановке, ее доставке, сборке, внешнем виде. Вроде плевое дело, абсолютно обычная мебель, шкафы, столы, кровать, кушетка, но мать их, все только под заказ! Ничего фабричного и одинакового, в наличие только красивое, резное, уникальное и неповторимое, составить что-то более-менее привычное из готового — нереально. Хотя, должен признать, ребята попались шустрые, за скромную доплату согласились изготовить и установить интерьер на мой вкус еще до наступления темноты. О завышенной цене я даже не заморачивался, то, что я уже успел увидеть, делает мастерам честь и действительно стоит запрошенной платы.

Все что касалось сменной одежды, белья и отрезов чистой белой ткани на бинты и перевязки сразу нашлось в одном месте, а объемы и качество ткани некоторых изделий (как и соответствующая цена) позволили сделать неплохую скидку в обмен на обещание и впредь заглядывать сюда по мере недобности. А вот со всякими барахольщиками снова возникли проблемы, если посуду, стеклянные колбы и емкости найти получилось играючи, то со столовыми приборами, как ни странно возникли некоторые трудности, вилки пришлось делать на заказ в мастеровых кварталах (спасибо знакомому по кабатской драке гному). В действительности там у меня вышел разговор сразу на восемь золотых, начиная от продажи всего лишнего железа, заканчивая покупкой варочных панелей, котлов и легкого доспеха.

Сказать, что за прошедшие девять часов я наговорился на неделю вперед, значит тактично промолчать, ведь по старой доброй традиции всех торгашей поспорить о цене пришлось с каждым, пусть в конце я и превратил это в пустую формальность. Но задача выполнена, перегруженный транспорт, пара нанятых матросов, чтобы это все перетаскать, и вяло тянущая мой скарб кобыла тому доказательство. С пользой и должным усердием потраченное время, сразу видимый и ощутимый результат, легкий намек на усталость и предвкушение вкусной еды и хорошего отдыха — день прожит не зря!

Три хмуро шатающихся по окраине рыночной площади эльфа

— Виэль, ты так толком и не рассказал, что же все-таки произошло? — С безразличием рассматривая снующих вокруг людей, спросил один из них.

— Мне сообщили не намного больше твоего. — Выискивая кого-то в толпе ответил упомянутый Виэль. — Вчера в посольство

пришел доклад дневной стражи, что кто-то из наших малость повеселился в одном из трактиров, вот и все. Тем же днем мы заплатили хозяину отступные, и я думал забрать на поклон к послу только что вышедшую из леса мелюзгу, а дальше уже не наши проблемы, но не тут-то было. Наш не в меру шустрый сородич заблаговременно унес от туда ноги и благоразумно провалился сквозь землю от гнева посла. Никаких следов, никаких намеков, никто нигде этого шутника больше не видел, до сих пор не могу понять, что могло привести его в человеческий город…

— Почему тогда послали нас троих, не проще ли было договориться со стражей разыскать и сопроводить его к посольству?

— Слушай, ну я-то откуда знаю! Дед просил привести молодого бунтаря, слинявшего с леса в поисках приключений, а подробностей он сам не знает. Нам главное, чтобы тот оказался живым и здоровым. Чувствует мое сердце, еще получим мы с ним проблем на наши головы.

— Постой. — Перебил до этого молча идущий третий эльф, — смотри, вон там, в капюшоне, кажется один из наших. Раньше я его ауры в городе ни разу не видел, может он знает, что произошло в тот вечер?

— Этриль, друг мой, как я погляжу, ты из нас самый умный, самый внимательный, самый сообразительный, вот и сходи, спроси, а мы пока найдем достойное местечко, чтобы перекусить. — С широкой обманчиво льстивой улыбкой отметил собеседник. — Если узнаешь что дельное с нас, как всегда, кувшин отменного эля и лучшие фрукты, какие удастся найти, — подмигнул своему товарищу Виэль

— Если ты забыл, то формально в группе старший я, как по званию, так по возрасту, — притворно тяжело вздохнул эльф, — так что пробираться сквозь толпу короткоживущих придется именно тебе. Не обессудь, но сегодня твоя очередь и да, я действительно самый-самый — миролюбиво поддел своего друга Этриль и с улыбкой продолжил. — И нет, прошлый раз не считается, проверить бордель мадам Жозефины ты вызвался сам.

Плюнув себе под ноги от троицы, недовольно бросая взгляды на окружающих, отделился один из длинноухих и, не переставая возмущаться вселенской несправедливости, двинулся в самую гущу торговых рядов, про себя поливая грязью всех кто не успевал расступиться перед высокородным.

— Надоедливые людишки, плодятся не хуже крыс, еще какие-нибудь три-четыре тысячелетия и на суше не останется ни лиги свободного места. А их чертовы дети? Носятся без всякой цели, а

самое гадкое, никогда не угадаешь, кто из этих грязных, вонючих существ попытается оставить тебя без кошелька. — С презрением думал эльф, как ледокол проходивший сквозь сплошную галдящую людскую массу. — Угораздило же попасть в эту портовую помойку!

— Черт! — Воскликнул он и оттолкнул от себя с разбегу налетевшую на него грязную чумазую девчушку лет пяти. Да так не удачно, что ребенок от сильного тычка не сумел удержаться на ногах и упал прямиком под колеса проезжающей рядом старой телеги, этого жалкого недоразумения людской постройки, по ошибке именуемого транспортом. Только никчемные люди могут сделать такое убожество, а потом гордиться своим мастерством, самодуры. К счастью все обошлось, незнакомый сородич успел вытащить этого слепого звереныша, который прожив пол десятилетия до сих пор не в состоянии смотреть на пару метров перед собой. По крайней мере, это избавит от неприятностей со стражей и от выплаты виры семье погибшего ребенка. Но вместо того, чтобы соответствующе поприветствовать его, третьего внука главы посольства, сородич начал с оскорблений, смыть которые может только кровь и ничего кроме крови!

— Ах ты сморчок лесной…

Анст, он же Сат

Я едва успел вытащить ребенка из-под колес собственной телеги, какая-то доля секунды и этот перегруженный покупками самосвал колесом переломил бы несчастной девочке шею! Бедняжка только и могла что хлопать ресницами да ошалелыми глазами смотреть в то место на мостовой, на котором только что лежала, и от пережитого потрясения у нее не получалось даже заплакать.

— Ах ты сморчок лесной, выкидыш природы, собственная спесь закрывает обзор?! Ты же, только что чуть ребенка не убил! — Наверно назвать так эльфа, да еще приплести их мать природу было плохой идей, но должно же быть у этого народа хоть что-то святое! Не глядя толкнуть девчонку под колеса это нонсенс даже для них! В тот злополучный момент я был малость на взводе, но вскоре пожалел о содеянном.

— Дуэль — прорычал побелевший от бешенства эльф.

— Да не вопрос…

Чужая, направленная на меня злость затмевает разум, витающие вокруг безразличие к смерти низших, жажда крови, мести, туманят чувства. Все так ярко, сладко…, я с жадностью и удовольствием вдыхаю направленную на меня ярость, потусторонний, мертвенный холод медленно наполняет тело,

вокруг больше нет никого, ничего, только я и тот, кто посмел напасть. Нужно наказать, растоптать, уничтожить, стереть, разорвать, поглотить… Не вспоминая об оружии, бросаюсь вперед на вынимающую меч добычу. Наивный, он еще не почувствовал, что смерть обратила на него свой взор. Хватаю его за предплечье правой руки и с силой бью в подмышечную впадину, выбивая плечо, ломая кость, вынуждаю бросить холодную жалящую сталь. От удара добычу чуть приподняло, но она устояла, отчаянно пыталась бороться, сильный противник, но короткая битва. Заламываю ему здоровую руку за спину лишая последнего, эфемерного шанса на жизнь, удар по коленному сгибу заставляет пасть передо мной на колени, как и подобает ничтожеству.

Осталось свернуть наглецу шею, и все кончено, дерзкая добыча будет моя по праву силы, но что это? Страх? Откуда? Он вокруг, исходит от каждого, кто оказался рядом, от каждого, кто ощутил мой азарт, мой голод, мою жажду смерти. Я стою в ровном кольце из отпрянувших в стороны людей, со страхом наблюдающих как медленно, миллиметр за миллиметром в моих руках сворачивается шея эльфа. Они все боялись, причем боялись не только и не столько меня, а того что будет дальше, они все очень хорошо знают, что бывает, когда умирает один из перворожденных. Обычно после такого события приходят другие, и мертвых становится больше, и мне тоже это известно. Черт, так что же я творю?! Какого? Почему так трудно остановиться?!

— Я победил, — с трудом проталкивая слова через пересохшее горло, я сообщил уверенному в близкой смерти перворожденному. — Признаешь ли ты поражение?

— Д-ха… — выдавил из себя упавший на мостовую эльф, а я как можно глубже спрятался в своем теле, выталкивая на поверхность захваченную не так давно часть души мертвого эльфа. Всеми силами постарался стать незаметным, исчезнуть, раствориться. Вокруг по прежнему стояли люди, десятки людей, одни из них видели все с самого начала и одобряли, другие просто злорадно радовались, что нашелся некто, кто сумел поставить на место зарвавшихся эльфов. Сочувствующих не было, но все без исключения испытывали страх передо мной, моей силой, скоростью и жестокостью, и в оцепенении продолжали пялиться на лежащего лицом вниз эльфа. Кто-то из них уже очнулся и поспешил убраться подальше, но большинство продолжали стоять, лишь расступившись перед спешащей на выручку собрату парочке длинноухих.

— Из какого ты дома собрат?

— Мой дом там, где мне рады, где мое слово значит многое.

Мой дом там, где жизнь ребенка одинаково ценна, не зависимо к чьей расе он относится и к какой ветви принадлежит. Сомневаюсь, что наше место жительства совпадает.

— Ты излишне эмоционален на людях, — ответил спокойный как камень эльф и обвел властным взглядом собравшихся вокруг, после чего они пришли в чувство и сразу же начали расходиться. — Тем не менее, я понимаю твои мотивы и от имени моих подопечных сожалею о случившемся.

— Свободный эльф Сатаниэль не видит урона своей чести и не имеет претензий к дому острого листа, — произнес я незнамо откуда всплывшую в памяти ритуальную фразу и с первого взгляда определил капитанские знаки отличия одного из домов внешнего круга. После чего развернулся и пошел прочь, догоняя свою порядком удалившуюся телегу, в твердой уверенности, что инцидент исчерпан. Да, на душе скребли кошки, да, я не могу понять по какой причине настолько желал чужой смерти, но назвавшись свободным я отрекся от всех взаимоотношений между мной и вечно живущим народом, объявил об устранении от интересов "своего дома" и политических заморочек. По сути, назвал себя добровольным изгнанником, не лезущим в дела собственной расы. Надеюсь, хоть так я избавлюсь от части проблем.

Трое эльфов

— Этриль, неужели он ставит людей выше чести и жизни сородичей? — С трудом поднимаясь с мостовой, в недоумении спросил ошеломленный случившимся проигравший дуэль эльф.

— Скорее жизнь ребенка выше достоинства забывших заветы матери всего живого, — задумчиво смотря вслед уходящему сородичу ответил капитал Этриль, решивший составить друзьям компанию в поисках набедокурившего в трактире эльфа. Совсем не это он ожидал найти, вернее совершенно не ожидал. В отличие от товарищей он унаследовал сильнейший дар к эмпатии, и дикую направленную на друга жажду смерти он прочувствовал в полной мере, почувствовал намного сильнее самого пострадавшего Виэля, но что-то заставило его об этом молчать. — Названный сородич не нанес оскорбления дому острого листа. К тому же я опечален пренебрежением к жизни человеческого ребенка с твоей стороны, Виэль. Его смерть могла негативно сказаться на дипломатических отношениях наших рас, за свою недальновидность мы понесем соответствующее проступку наказание. На этом все. — Твердым уверенным голосом произнес Этриль. Он не коим образом не пытался юлить, пусть в большей мере все сказано для окружающих его людей, но вместе с тем это

чистая правда, выговор за травму одного получат все трое.

Но не все остались согласны с выводами капитана. Придерживающий вероятнее всего сломанную руку эльф понимал свой проступок, понимал, что на дуэль его спровоцировали чем и доказали ему ценность жизни… и не только собственной. Он не глуп и сам умеет делать правильные выводы из любых событий. Но простить свой страх и позор перед десятками людей он не может! Его, внука посла и наследника седьмого по величине дома заставили испытать ужас неминуемой смерти, а в последний момент пощадили, словно посчитав, что его смерть принесет больше проблем, чем удовлетворения. Немыслимо. Непростительно! Тем более от собрата… Впрочем, немедленно отомстить тоже нельзя, слишком силен и быстр оказался противник. Но ничего, эльфы живут долго, когда-нибудь их дороги снова пересекутся, может тогда и подвернется подходящий случаю способ, главное не терять врага из вида и терпеливо ждать нужный момент.

Глава 8. Будни

Когда все худшее уже позади, пореже оглядывайтесь!
/Народная мудрость/

За последние дни я добился многого, если не сказать больше. Помимо устройства собственной берлоги я наконец-то стал получать неплохую прибыль от своей затеи. Пусть не сразу, пусть не такую большую, как изначально планировал, но вполне достаточную, чтобы покрыть абсолютно все расходы, а тратился я не только на лечение больных и страждущих.

Но, пожалуй, начну по порядку, с того момента как я притащился домой после скоротечной дуэли. Настроение тогда было такое поганое, что окажись в комнате некий недавно спасенный мной субъект, и одним стражником в городе стало бы меньше, человеколюбие из меня тогда так и перло. Зато нанятые рабочие под тяжелым, недовольным взглядом готового сорваться незнакомца, что недавно голыми руками едва не оторвал голову эльфу, работали без всяких перекуров, возмущений и перерывов на обед до самого утра. Чувствовали, заразы, что для моего очередного срыва, достаточно одного единственного косяка с их стороны. Потому и работали мужики не только на совесть, но и на скорость, качество и красоту, лишь бы я перестал буравить их спины тяжелым, плотоядным взглядом расчетливого убийцы.

И результат такой своеобразной мотивации в купе со звонкой монетой не мог не радовать, и мне весьма понравились обновленные двухкомнатные апартаменты. Чем-то они напоминали мне мою старую добрую двушку, та же гостиная с рабочим столом, скромный небольшой диванчик, длинный вместительный шкаф, та же спальня с широкой двуспальной кроватью. Все похоже, и вместе с тем разительно отличается от минувшего прошлого…, не родилось здесь пока той фабричности и универсальности, как в моем родном мире. В каждой вещи, в каждом предмете чувствуется частичка души, ощущается рука мастера.

В отличие от больших фабрик и заводов, которые сознательно допускают несколько процентов откровенно негодного товара в миллионных партиях, любая оплошность в одном единственном, скажем, стуле нанесет репутации рабочих непоправимый ущерб. Кто захочет купить у них новое изделие, если прошлая покупка была не удачной? Никто! Слава богу, конкуренции в большом городе хватает с избытком, поэтому даже простая табуретка, обыкновенный письменный стол, да абсолютно все сделано на совесть. На каждом изделии, словно

уникальная авторская подпись идет затейливо исполненная резьба, и пусть рисунки временами теряют свою симметрию, зато вместе образуют поистине неповторимую и приятную взгляду картину. Мне понравился этот дом в своем новом обличии, здесь спокойно, тихо, неплохо кормят, а цена…, стоит ли о ней так беспокоиться?

И все бы ничего, но после устройства жилья пришлось разгребать следующую помойку, на этот раз уже внутри себя самого. Перепады настроения и животная жажда мубийства…, хреновая тенденция. Частично проблема оказалась в моем незримом спутнике, вернее спутнице…, в моем длиннохвостом фамильяре, чью неусидчивость я так недооценил. Рожденное моей больной фантазией магическое существо, целиком состоящее из первородной тьмы — черная змея, которую я любя назвал Нагайной. Наверное, она была еще слишком молода, чтобы в ее голове зародилась полноценная личность, и появился пытливый ум…, а может я такой хреновый создатель…, не знаю, но в большинстве случаев ей управляли лишь голые инстинкты и непоколебимая верность своему хозяину, то есть мне.

К сожалению, мысль как-то от нее отгородиться, пока она пребывает в единении со мной, до этого не посещала общее собрание, предпочитая оставаться в тени. Поэтому, когда я чувствовал опасность, ощущал чужое желание расправиться с собой любимым, в нагрузку получал порцию вполне обычных звериных желаний, к счастью чужих. А что делает опаснейший зверь, когда на него нападают? Естественно максимально быстро убивает наглеца! Без жалости, без угрызений совести, упиваясь своей безоговорочной победой. Прибавьте сюда примесь нашего демонического родственничка, и мне не удивительно, откуда у меня было такое желание сожрать всех вокруг. К счастью и Нага, в свою очередь, понимала и анализировала все, что вижу и чувствую я, и за прошедшее время это немного приподняло ее личный потенциал.

Вдобавок свою посильную лепту в этот коктейль внес еще и не перестающий строить козни даже после смерти эльф. Его тело я занимал, так сказать, "на горячую" и мозги остались вполне себе не тронуты ни смертью, ни разложением, ни кислородным голоданием. Организм вообще работал и жил без каких-либо значительных перебоев и проблем с самого своего рождения, поменялся лишь истинный хозяин, что внесло некоторые коррективы. И когда я слишком "вживаюсь в роль", создаю достаточно много связок тела и собственной сути, кроме мышечной памяти, подключается еще и ее ассоциативная подруга, будь она не ладна. А какая может быть ассоциация у

эльфа на нападение или оскорбление? Дружеское соприкосновение наконечника стрелы и глаза тому самый простой ответ.

Чертовски гремучая смесь для меня одного и чтобы впоследствии не поубивать всех к чертям собачьим, из-за косого взгляда или в горячке сказанных слов, пришлось принимать некоторые меры, не совсем стандартные, конечно, но действенные. Для начала я тем же вечером отправил Нагайну в свободный поиск, строго запретив убивать и поглощать что-то крупнее собаки и по возможности не попадаться никому на глаза. Хватит ей нихрена не делать и паразитировать на своем хозяине, пора уже приносить в новый дом что-то кроме новых проблем и неприятностей, сделать наконец полезное дело, извести грызунов, например.

Что касается информации, доставшейся по наследству от тела, то тут все сложнее. По-хорошему, чтобы чужие вбитые в голову реакции на внешние раздражители не осложняли жизнь, надо бы нахрен выжечь оттуда все, подчистую. Но моя природная бережливость упорно сопротивляется такому поступку, терять столько дармовых знаний из-за каких-то неудобств? Неприемлемо! Но и достать их от туда нереально… За все время, что я ношу свою маскировку и занимаюсь делами, всплыло только несколько фраз, может имен, да и то, исключительно в момент опасности, следуя определенному ассоциативному ряду, хватаясь за подсказки.

За сотни лет привыкнув на вопрос "Как твое имя" отвечать одной и той же фразой, не удивительно, что я его как бы "вспомнил", еще изредка проскальзывают какие-то манеры, слова. Короче, ничего более полезного кроме пары десятков специфических заклинаний из того сумбура за пять месяцев вытащить не удалось, но надежды я не терял и изредка, по вечерам, продолжал попытки, больно уж любопытные иногда попадались вещи. Так разок испытав, нет, не так. Для спасения жизни применив… А, не важно. Короче говоря, эльфийское сканирующее и диагностирующее плетение обставило все известные мне заклинания-аналоги на самом старте. При забеге на тридцать метров. На два с лишним километра…

Правда, жрало оно чертову кучу сил и всех моих резервов хватало всего часа на три работы, но оно того стоило! Плетение давало полную иллюзорную копию физической и энергетической структуры, с подсветкой всех поврежденных или угрожающих жизни и стабильности организма мест. И это только начало! Главное его достоинство — возможность спрогнозировать последствие вмешательства в обе эти структуры, то есть с

проекцией организма можно было делать все, что угодно: менять, переплетать, скрещивать, да что заблагорассудится, и при этом оценить функционирование и жизнестойкость получившегося результата. Конечно, пришлось серьезно поизвращаться с накопителями для пятидесяти часов непрерывной работы, но это оказалось по настоящему круто!

Поневоле начинаешь уважать длинноухих коллег, по мере того как осознаешь все плюсы этого заклинания. Изменить обыкновенного волка, увеличить скорость, силу, выносливость, подчинить его разум инстинкты и отправить охранять границы…, для лесного народа это, наверное, норма. Вернее не так, это крайняя мера, к которой возможно прибегнуть, если других вариантов не останется, если враг наступает на пятки. Что-то сомнительно мне, что кто-то занимался изменением и совершенствованием себя самого, ведь практически полная перестройка организма не самое приятное в жизни занятие, но перспективы! Хотя, эльфы де факто практически бессмертные существа с прекрасным зрением, слухом… Может их предки уже и опробовали все возможности улучшений, чем черт не шутит? Ладно, не буду гадать.

Все те изменения в теле, что я делал до этого, повышали боеспособность, но ни в коем разе не живучесть. С этим же заклинанием я пошел дальше, закопался в такие дебри, которые и не снились самому сумасшедшему вивисектору. Через какие-то сутки вся моя кровеносная система была оплетена мельчайшей сетью микромышц, способных самостоятельно сокращаться и гонять кровь в случае непредвиденных обстоятельств и пережимать места разрывов сосудов и артерий. Понимаю, звучит может и не обычно, но как вам возможность обеспечивать головной мозг и мышцы кислородом при остановившемся или поврежденном сердце? Нравится? А выделение кислорода прямо из крови при электролизе? Да если верить "диагносту", без легких и сердца я проживу восемь с лишним часов! Внушает, не так ли? За такой срок, да будучи лекарем можно подлатать свой организм и не от таких повреждений.

Зачем мне было убивать на это месяцы исследований и балансировать на грани потери носителя, если я даже после смерти прикончу любого придурка, не придумавшего более легкого способа суицида? А хрен его знает…, наверное, мне просто надоело снова и снова искать свежее тело, как по мне и это отлично смотрится, так почему не подстраховаться, вдруг поможет? А чтобы помогло и наверняка, я зашил в себя средний сферический кварцевый накопитель рядом с печенью, так, без высоких целей, на всякий пожарный. При желании ману из

окружающего мира я тяну дай боже каждому архимагу при глубокой медитации, но после переполнения резервов дара и тела эльфа, она продолжает накапливаться, но уже становится не слишком-то пригодной для лечения и применения на людях, скорее уж наоборот… В общем, прирост обычного резерва, который можно свободно использовать в четыре раза — никогда не бывает лишним!

В перерывах я не забывал и о своих других делах, и, спустя какое-то время после своего появления в городе, стал самым лучшим целителем во всех окрестностях трущоб и нищих кварталах, и все остальные целители мне завидовали. В основном это выражалось в постоянных кражах, попытках поджога и периодических подкатах с целью крышевания. В общем-то, ничего необычного с чисто человеческой точки зрения, отморозков хватает везде, с последними я и вовсе справился играючи. Конечно, были неприятности и похлеще, но после того, как одного придурка я показательно покалечил, затем забрал у скулящего недоделанного рэкетира все ценное, включая оружие и украшения, а потом подлатал ровно на примерную стоимость всего его добра, после этого случая желающих на мне подзаработать немного поубавилось.

Позже, когда благодарные зрители немного рассосались, я прямым текстом намекнул неудачливому "бизнесмену", что впредь буду обслуживать его пострадавшую тушу по половинной цене, если на меня больше не будут наседать, и попросил передать мое донельзя щедрое предложение всем своим дружкам. Уже спустя где-то неделю с тех пор на меня пытались катить баллон только самые отмороженные портовые недоумки, которым я быстро вправлял мозги ударом в темя. А нашедшие в моем лице хорошего, а главное очень и очень дешевого врача портовая шваль, от всей души добавляла недоумку на орехи. Вот так вот и жил, старой доброй смекалкой подстраиваясь под новую среду обитания, накладки, безусловно, случались, но не часто, в основном различные пакости и мелкие кражи.

Для таких случаев я подготовился особо тщательно, кому же охота упустить из рук что-нибудь ценное? Одно дело, когда ушлые бродяги компенсировали траты "плохо привинченными" предметами из моих, скажем так, приемных покоев, таким крысам впоследствии выдавался лечебный пендель вместо надлежащего ухода, чтобы остальные немного прочувствовали ситуацию. После ряда воспитательных бесед, вещи потихонечку стали возвращаться к своему законному владельцу, пришедшие с повинной получали полную амнистию и небольшую наценку в качестве напоминания. А мой авторитет среди вышибал, уличных

бойцов и просто любителей помахать кулаками перешел на качественно новый уровень, оказывается, грамотно сломанные руки здорово способствуют известности среди солидарных с моими методами. Но совсем другое дело, когда через окно исчезает выручка за целых три дня, для таких случаев подход нужен особый, вдумчивый…

***

Просто удивительно, какую интересную информацию можно почерпнуть, читая разные умные книги, купленные за презренный желтый металл. Бытовая магия, зельеварение, трансфигурация, трансмутация, некромантия, големостроение, предсказания, я покупал буквально все, до чего только дотягивались загребущие руки. К сожалению, абсолютное большинство при тщательном изучении оказывалось откровенным, мало на что годным хламом, вроде личных книг или конспектов слабеньких магов, но даже в этом мусоре порой находились интереснейшие идеи и изобретения.

Настоящими алмазами я считал учебники, достать их было невыразимо сложно, а найденное количество удручало, всего два…, зато это были настоящие пособия с практическими примерами и упражнениями. То были истинные сокровища среди кучи бесполезного мусора, которыми по своей воле не поделилась бы ни одна уважающая себя академия, никто не желает плодить "диких" магов и конкурентов. Так, потихоньку занимаясь самообразованием, за городом я испробовал набор юного рудознатца и целых две недели магией выуживал чистый ферум, разогревал под высочайшим давлением и сжимал в компактные слитки размером чуть больше детского кулака и под килограмм весом.

В общем и целом, сейф у меня получился на совесть, двухсот килограммовая дура в духе старых добрых советских времен из прессованной, закаленной, укрепленной стали с рунной вязью на нерушимость и сопротивление магии. Хотите у меня что-то украсть? Да пожалуйста! С удовольствием возьму кресло, печеньки и посмотрю на ваши мучения… или мучительную кончину, тут уж как повезет. Для полноты картины на герметичной дверце я, от всей души веселясь, ровным каллиграфическим почерком вывел послание всем, кто захочет сюда заглянуть, "Сим-Сим откройся", гласила надпись.

Она же и открывала маленькую боковую потайную нишу, где я, собственно, и хранил все самое ценное и еще парочку полезных и дорогих сердцу мелочей. Все остальное — это охрененно здоровая ерундень со смертоносным кукишем посредине. Хочешь моего добра? Готовься к войне за свою ускользающую жизнь,

смертнечек, сюрприз в этом железном ящике не один и эта емкость потенциально может стать чьим-то гробом…, троянский конь в этом плане нервно курит в сторонке.

Но постоянно повторять одну и туже фразу, как только решишь сходить за ингредиентами, не слишком-то приятное занятие, поэтому для пущего удобства сейф был открытым всегда, "потяни за ручку и дверца откроется"! Вся шутка юмора в том, что нужно весить меньше килограмма, чтобы вернуться с добычей. Не столь это и трудно, зная, как устроен весь механизм, чувствительный ко всему тяжелее моего ботинка, и простенькое заклинание парения из школы воздуха решает задачу, но если этого не знать?

Да можно хоть сто лет колупаться в дверце, если хватит терпения не разворотить все к чертям собачьим, чтобы только посмотреть, что внутри! Прибавьте сюда изначальную задумку сделать большой и страшный кукиш всем не чистым на руку и скрытое полезное пространством сбоку…, охренеть я заморочился. Не, все-таки ночью надо именно спать, иначе самому становится удивительно, до чего же можно додуматься от нефиг делать. С другой стороны, теперь есть куда покидать всякий мало-мальски ценный хлам. Не обессудьте, но действительно дорогие вещи, прочитанные книги, артефакты, собранные за несколько недель деньги, дорогие ингредиенты, которым не нашлось применения (включая достопамятные водяные цветы) я давным-давно храню у гномов. Просто далеко не все об этом в курсе…, а всю затею я считаю не более чем тренировкой новых навыков.

Второй частью этого процесса изучения всего и вся, стали регулярные медитации, в процессе которых я благополучно засыпал и оказывался в кромешной тьме (что не столь удивительно при долгом сидении с закрытыми глазами). Но, я продолжал упорно искать сокрытый смысл в этом непростом для моего понимания деле, описанном в доброй половине накупленной литературы. Одни источники описывали это как состояние полного сосредоточения, в котором маг пропускает через себя потоки окружающей силы, многократно ускоряя свое мышление и восприятие, увеличивая силу и реакцию, входя в состояние полного просветления…

В других было сказано, что таким образом можно увидеть свой внутренний мир, раствориться в нем, стать им, чтобы впоследствии изменить под себя и по своему усмотрению. Поместить в него свою искру, свои чувства, эмоции, суть, закрыть за семью замками мешающий работе шлак или напротив, скрыть от чужих глаз самое дорогое; изменить по своему усмотрению

саму свою личность, характер, стиль мышления. Спрятать где-то глубоко внутри лица любимых, за сотнями ловушек закрыв их от любого вторжения извне. Воплотить в себе целый внутренний мир подчиненный только тебе, со своими, особыми, законами бытия. В нем можно воссоздать что угодно, проекции живых существ и даже пригласить гостя, который готов доверить тебе свою жизнь, ведь в этом маленьком мире богом являешься именно ты.

Информации много, разрозненной, не точной, порой противоречащей себе же, но все источники сходились в одном, только через медитацию можно пробиться в астрал, в верхние слои бытия, сознанием на короткое время покинуть пределы сковывающего дух тела, за секунды преодолеть расстояния, разделяющие целые города. При этом дальность и возможности зависят только от силы, усердия и мастерства медитирующего мага, а подслушать или хотя бы отследить устроенную таким хитрым способом беседу сможет не каждый архимаг этого направления.

Аболденно вкусная плюшка, но я раз за разом оказываюсь в темноте, и что за ерунда со мной при этом происходит, не возьмется объяснить ни один научный трактат. Начнем с того, что когда я уже поверил, что началось что-то получаться, то очнувшись, обнаружил себя уткнувшимся лбом в раскрытую книгу, лежащую передо мной на столе. Что-то ни в одной литературе не упоминались такие последствия, что тело превращается в безвольную беззащитную тряпку, которую может отпинать даже младенец. Так что во избежание неудобств продолжать имеет смысл только лежа и с закрытыми на засов дверьми. Но если честно, как по мне, так я бессовестно вырубаюсь лежа ночью на мягкой кровати с закрытыми глазами, если бы только не одно но, я прекрасно помню свои "сны", раньше такого никогда не случалось, максимум неясные обрывки, не более.

Сейчас я точно помню каждую свою мысль, каждое слово, движение и непроглядную темноту вокруг, этот не завидный мертвый мир преследует меня во время всех медитаций, повторяется раз за разом, попытка за попыткой. В нем не было ни страшно, ни тревожно, напротив, на разрывающийся между кучей дел разум спускалось умиротворение, вокруг тишина, никого, лишь пустота, тьма, в которой нет ничего, кроме двух одиноко мерцающих звезд. От чего-то есть уверенность, что это нормально, правильно, что все идет, так как и должно быть, затем мне наскучивает часами смотреть в никуда, и я открываю глаза, рассматриваю догоревшую свечу, и с новыми силами встречаю наступивший день. И так каждый раз, чтобы я не делал, чтобы не предпринимал, всегда один и тот же сон, первозданная

космическая пустота, два одиноко сверкающих огонька и тьма, поглотившая все вокруг, несущая спокойствие, тишину.

Приятные чувства, которыми я уже привык наслаждаться каждую ночь, когда телу или разуму требовался отдых, чертовски здорово всем своим естеством ощущать витающую вокруг уверенность, здесь меня обидеть не сможет никто. Есть только один единственный минус, кроме меня здесь и нет никого и ничего, за исключением разве что той далекой пары сияющих вдалеке звезд. Что они забыли в этой темноте, зачем нарушают гармонию? Почему одна из них становится ярче? Единственная их польза, это понимание, в какую сторону я смотрел минутой назад, кроме них здесь больше нет ориентиров, в остальном же они бесполезны.

Однажды мне стало интересно, что это за таинственные огни, нарушающие царящую тьму двумя яркими точками? Единственный способ проверить — приблизиться, но как двигаться там, где толком не чувствуешь ни тела, ни времени, ни пространства? Может попробовать позвать ближайшую? Однажды ночью, задавшись этим вопросом, я неосознанно провалился в ставшую привычной пустоту и потянулся к горящему ровным светом огоньку, инстинктивно позвал к себе. На удивление огонек сразу же откликнулся, стал медленно пульсировать и до меня донеслись отголоски чужих эмоций. Неужели? Неужели кроме меня в этой пустоте есть кто-то еще? Секундой спустя нас соединила дрожащая, хрупкая нить, по которой и передавался мой зов.

Наступило утро, но на первый взгляд ничего не изменилось, все осталось по-прежнему, значит все-таки сон, но какой необычный. Через меня будто прошел целый калейдоскоп чужих эмоций, намерений, чувств, но огонек ни на йоту не стронулся с места, жаль. Сбросив остатки сна, я встал с кровати, поправил измятое за ночь покрывало, но все никак не мог выбросить из головы произошедшее, не мог понять, кто это мог быть в той моей пустоте, кто тот, что ответил на мой молчаливый призыв, и что значили те эмоции?

Недоумение от внезапно появившегося внимания кого-то близкого, просьба придти, но никого нет рядом. Детская обида от непонимания происходящего вокруг, и вместе с тем уверенность в необходимости отправиться в путь, борьба между этой необходимостью и… едой? Какой-то бред. И с чего я вообще поверил, что смогу стать великим астральным магом после нескольких десятков медитаций по сомнительным книгам? Не могут все навыки и умения даваться настолько легко и непринужденно, преподноситься готовом виде, без наставника

или практики, всегда остаются вещи недоступные для нашего понимания.

Чтобы не забивать себе голову всякой ерундой я сел за стол и стал с аппетитом поглощать вкуснейший завтрак, принесенный мне стариком и приготовленный умелыми руками его любимой внучки. Чертовски вкусно для простого подростка, а что будет, если ее немного подучить и дать неограниченную волю фантазии? Положительно, если…, вернее КОГДА у меня будет свой замок я так и поступлю, хорошими поварами не разбрасываются, да и привык я уже к вкусной пище, приготовленной с любовью и заботой.

Но от очередной затейливо испеченной вкусняшки меня отвлекло неясное шуршание и звук падающих на земляной пол флаконов с готовыми зельями в моем маленьком подвальчике. Какого? Вор? Как?! Я последние сутки не выходил никуда, не двадцать четыре часа же он там просидел, в самом деле! Крысы…, этих вредителей по моему наущению давным-давно передавила Нагайна, так какого? На всякий случай, прихватив с собой короткий эльфийский клинок, я осторожно, стараясь не издать ни единого звука начал спускаться в подвал.

Что может быть тише крадущегося эльфа? Конечно же крадущийся эльф, который убрал вокруг себя все воздушные колебания и уменьшил вес, последним, как вы могли догадаться как раз и был я. Ни одна половица, ни одна старая отслужившая верой и правдой десяток лет ступенька не скрипнула под ногами, даже воздух не шелохнулся от моего движения. Мое появление станет сюрпризом, не самым добрым, если в доме затаились паразиты.

— М. мать! — Закричал я, спустившись внутрь, и едва не выскочил наружу, запачкав при этом штаны. И это моя дорогая, миниатюрная, четверть метровая худенькая змейка?! Да это, толстенный удав! Нагайна, а непрошенным гостем оказалась именно она, продолжала выползать сквозь щель в подполе примерно с пол минуты, что заставило задуматься о ее бесконечности и фокусах с пространством. Блин, КАК?! Какие дрожжи она жрала?! А главное, как сюда забралась? И как потом эту анаконду отсюда вытаскивать?

— Шшшш, — зашипела Нагайна и по щенячьи потерлась о мою вытянутую руку, а в меня рекой потекли воспоминания о событиях, что произошли с ней за последние недели.

***

Вот маленькая змейка заползает в подвал и, затаившись в тени, поджидает свою первую в жизни добычу, вот первая мышь, которую она поймала, целиком заглотив маленькое пушистое

тельце, при этом раздувшись словно сарделька, и весь остаток дня переваривала ее душу и плоть. Следующая мышь съедена уже за несколько часов, а после десятка подобных обедов Нагайна начала расти, и научилась чувствовать свои прибывающие с каждой новой добычей силы, ей захотелось большего. Захотелось стать сильнее, чтобы радовать хозяина, ведь сильному легче быть полезным. Но в подвале нет больше добычи, нужно еще и крупнее.

Декорации начинают меняться и в образы приплетаются обрывки мыслей, запахов, чувств, а тем временем, немного подросшая змея заползает в мышиную нору и попадает в какой-то туннель, где темно, сыро, хорошшшооо, много крупной добычи. Попавшуюся часом позже крысу она не смогла проглотить даже частично, но отравив укусом, забрала львиную часть жизненных сил, оставив на замшелых булыжниках высохшее крысиное тельце. После пятой она наконец-то смогла вновь поедать добычу целиком, и с каждой новой жертвой стало поступать больше силы, и всю ее она пускала на собственный рост, чтобы как можно быстрее стать еще более сильной и найти еще более крупную добычу.

Мышей и крыс становилось недостаточно, слишком слабы их души и ничтожно малы тела, снова нужна более крупная добыча, и в ход пошли кошки, щенки, куры. Помнится, до меня как-то доходили слухи, что в хлевах находили обескровленные туши свиней и овец. Каждый день в чьем-то дворе исчезала какая-нибудь живность или находили высохшее животное, с каждым разом все более и более похожее на мумию, из-за чего по городу поползли не самые спокойные разговоры.

Нельзя попадаться людям на глаза, хозяин не будет этому рад, но это не значит не попытаться урвать хоть кусочек такой лакомой добычи! Зарезанный пьяной компанией аристократов бродяга, он почти умер, это даже не будет убийством, не более чем приближением неизбежного конца. Его глаза закрыты, поблизости нет никого, кто может заметить, нет даже некогда вездесущей маленькой пушистой добычи, а значит меня никто не заметсссиит.

Только бы усссспеть! Да! Клыки впиваются в тело и пьют остатки жизни из умирающего бродяги, прихватывая маленький кусочек души. Сытость, опьяняющая разум сытость, столько много силы за раз она еще не получала никогда в своей жизни! Это лучше чем десять десятков самых толстых крыс, пойманных в катакомбах и съеденных целиком, лучше любого выпитого досуха барана, дассс, хорошшшо, много сссилы. Двое суток ушло на то, чтобы переварить тот незначительный кусочек души, что она

умудрилась урвать у добычи, и Нагайна стала облизываться на каждого встреченного человека, но никто из них не был в одиночестве и при смерти, все они без исключения внимательно смотрели по сторонам. Не хорошшшо, хозяин будет недоволен, если меня заметссятссс.

За городом тоже можно встретить добычу, там меньше двуногих и больше никто не будет охотиться на "таинственный мор". Кролики, белки, несколько неосторожных птиц, теперь она уже редко ела пойманных существ целиком, все лучше и лучше у нее получается ее "выпивать" вместе с жизнью и сутью, сказывается каждодневная практика. По лесу с нехорошшшей целью начали рыскать егеря, все чаще натыкаясь на тела животных и птиц, а помогал им в этом молодой маг. Они пытаютссся найти существо, что убивает животных, не поедая мясо, оставляя иссохшие, обтянутые кожей, мехом или перьями мумии, не хорошшо, нужно быть осторошшнее, больше не оставлять следов, есть целиком, уйти как можно дальше от погони.

Деревня, снова не приносящие сытости мелкие грызуны, они быстро закончились, убежали прочь с охотничьих угодий хищника, едва распознав опасность. Удача! Случайно забредшая в лес корова, безусловно, она умрет от клыков других хищников, можно сказать уже мертва, нужно только не упустить случай. Достойный десяти дней ожидания подарок судьбы, крупнее двуногих, будут искать, но ее хватит надолго. Напугать, отравить укусом, чтобы та забежала как можно дальше в непролазную чащу, подальше от тех, кому принадлежит.

Зов. Как не вовремя! Но хозяина нет рядом, как же он может звать? Наверное, хозяин сссилен, очень сссилен, расс расстояния ему не преграда! Ночь. До города много часов, нужно торопиться, успеть затемно, тьма поможет, укроет от чужих глаз. Жаль бросать добычу, но если выпить ее сейчас, придется долго спать, усваивая забранную силу. Зов. Он становится все настойчивее, может для меня есть задание? Я сссчастлива служить ссосдателю, значит, придется броссать…

Я заворожено убрал руку. Она мыслила… Однобоко, сосредоточившись только на еде и собственной силе, но мыслила. Пряталась, уходила от охотников, заметала следы, пугала, травила, заводила добычу как можно дальше от людей и только потом убивала. Она точно так же разумна, как и я, черт побери! С этого момента я понял, сколькое упускал из вида все это время, не замечал, не обращал внимание. Я начал учить ее всему, что может пригодиться моему фамильяру, учил, как заботливый родитель учит своего маленького ребенка, разговаривал,

рассказывал прописные истины для каждого взрослого, выросшего в этом мире. Объяснял на кого можно охотиться, а кто слишком опасен для этого или находится под строжайшим запретом.

Конечно, первым делом я очертил некие границы, дал определенный свод правил, которым нужно стараться следовать, но не соблюдать дословно, строго запретил убивать разумных ради одной только силы, только для защиты или при бегстве. Объяснил, кто такие друзья и почему об их жизни стоит заботиться, постарался дать ей все, что только посчитал полезным, и она поняла или постаралась понять…, время покажет. А сейчас жуть как хочется вернуться к моему внезапному открытию, если все пойдет так, как я задумал, то наконец-то удастся посмотреть, что же затеяла моя вампирша.

Глава 9. Смена декораций

Месть это блюдо, вкусное под любым соусом.
/Жизнь/
Сильвия, не совсем обычная девушка вамп.

Наконец-то я нашла достаточно старого дворянина, у которого в живых не осталось ни одного прямого наследника, это было непросто… Если судить по тому, что удалось разузнать, в молодости он был довольно эксцентричен, самолюбив и расчетлив, вдобавок упорнее любой тягловой лошади шел вперед к намеченной цели, не считаясь с врагами и не обращая внимания на препятствия. Естественно, претендентов на его обширные плодородные земли хватало и без моей скромной персоны, и прав у этих грязных падальщиков неизмеримо больше… Но барон и раньше славился своей непредсказуемостью. Да во имя кровавого бога! Что мне мешает в обмен на исполнение последней воли просить титул и замок? Что его удержит от этого шага? Не надеется же он забрать прямо на небеса свою чертову крепость?

Шансов не много, этот человек серьезно болен и слаб, зато остался достаточно крепок умом и за долгую жизнь наверняка скопил кое-какие незавершенные дела, которые успешно может завершить профессиональный убийца. Достаточно печальная картина и я отнюдь не в восторге, что пытаюсь таким…, таким гнусным образом давить на умирающего, чтобы всеми правдами и неправдами заполучить титул. Но, черт возьми! Какая у него альтернатива?! Пятеро заплывших жиром от безделья и жадности "благородных", которые с радостью разделят между собой граничные земли? Раздерут минор в клочья, будут грызться между собой за каждую деревню, каждый жалкий клочок территории?!

Тем не менее, барон не унывал. Более того он умирал, умирал но смеялся. Смеялся над всеми претендентами на эти земли, над их желаниями, внезапно ставшими такими не важными. Со злобной усмешкой, застывшей в усталых глазах, заставлял выполнять свои сиюминутные капризы, подчас глупые и обидные. Постоянно говорил, что вот-вот огласит свою последнюю волю и ежедневно переносил этот всеми с нетерпением ожидаемый час на следующий день. Складывается такое впечатление, что сама богиня смерти Хель каждое утро дарила ему еще немного времени, чтобы вместе понаблюдать за суетой чующих поживу смертных.

А самое забавное, что каждый из этих жополизов не понимал простого факта — барон, не смотря на приближающуюся кончину, до сих пор не сдался! Напротив, потакая слабеющему с каждым днем старику, они верили, что таким образом повышают свой шанс на больший кусок чужой земли, считали это всего лишь вывертами сбрендившего старца. Но в его глазах совершенно не было безумия, была лишь ироничная брезгливость по отношению ко всем этим стервятникам, а также решимость и холодный расчет.

***

— Здравствуйте, барон Ганзак, — спокойно произнесла Сильвия, однажды ночью забравшись в покои дворянина.

— Барон "ДЕ" Ганзак, — поморщившись, поправил он, — чем могу быть полезен в столь поздний час, миледи? Случайно, не мои ли спорные земли привели вас в вольные баронства?

— А вы очень проницательны барон, — чуть склонив голову в знак приветствия, вежливо ответила Сильвия. Я здесь по приказу своего господина.

— И что же он хочет? Золото? Титул? Земли? Или все-таки решил принять скоропалительную смерть от рук моих ближайших "родственников" и соседей? — Почувствовав нового стервятника, язвительно спросил умирающий человек.

— Не угадали, барон, — улыбнулась Сильвия. — Как я успела убедиться у моего господина достаточно золота, чтобы ни в чем не нуждаться, а титул…, титул барона слишком мелок для его могущества. Мне всего лишь приказано подыскать подходящий замок, не более.

После ответа на свой вопрос де Ганзак, недоуменно приподнял бровь и замолчал на добрую пару минут. О чем он думал, какие вопросы крутились в его голове, а главное, к какому решению он склоняется? Ничего этого невозможно было прочесть на его спокойном усталом лице.

— Могущество значит…, - задумчиво протянул барон. По тону, которым он это произнес, можно предположить, он действительно на что-то решился, но вот на что? Сильвия не стала мешать не торопливому ходу его мыслей и терпеливо ждала ответ.

— Что я получу взамен? — вновь с сарказмом улыбнулся скованный смертельной болезнью барон, — быть может, жизнь?

— Жизни ваших врагов Вас устроят? — Барон довольно осклабился на эту незаурядную фразу, на иное он и не рассчитывал.

— У меня будет несколько условий, впрочем, о них мы поговорим немного позже. Похоже завтра наконец-то будет

оглашена моя предсмертная воля, я буду ждать вас. Скажем в полдень, такое время вас Устроит? — С намеком спросил барон, обдумывая последние детали и выгоды от неожиданного предложения.

— Очень на это надеюсь, господин де Ганзак, очень надеюсь…, - не понимая, что же задумал барон, согласилась на встречу Сильвия. В случае чего у нее есть два десятка прекрасных наемников, чтобы ночью попытаться вырезать всех в этом замке или вырваться из него с боем. Она уже давно готовилась к этому разговору и запасных вариантов у нее хватает.

После ее ухода барон с трудом сел на кровати, опершись на стоящий неподалеку стул, встал на ноги и, медленно следуя вдоль стены, подошел к письменному столу. Он не был мастером пера или рифмы, и тем более ему было далеко до настоящих бардов, в особенности длинноухих. Ведь у долгоживущих частенько выходят поистине замечательные произведения, но на последнюю насмешку и имеющихся талантов будет достаточно. Не спеша, букву за буквой он начал выводить на листе гербовой бумаги короткие строки:

Еще под кожей бьется пульс,
Не затих сердечной мышцы робкий ритм,
А уж стервятников раздался страшный гимн.
Что для каждого из них далекой крови узы?
Лишь пустой звук, у их близости совсем иной мотив.
Раз уж болезнь смертельная сковала плоть,
Они твое имущество стремятся расколоть,
Чтоб каждому досталась часть чужого пирога
И не случилось в дальнем родиче нажить себе врага.
Так оставь надежду на мирной старости покой,
Соберись и дай паскудам свой последний бой!
Они за выгодой в погоне терзают разум твой и плоть,
А ты возьми и подготовь для них сюрприз,
Вложи все средства в старческий каприз.
И наслаждайся гнева сладостной гримасой,
Что для тебя изменит их проклятий масса?

Кхк-хе, а ту амбициозную девчонку я все же удочерю, взяв клятву верности роду, так можно быть уверенным в достойном барона погребении, и что все то, что создано за долгую насыщенную жизнь не растащат по кускам безмозглые бездари, по крайней мере, не сразу. А этот самый листок я оставлю им всем в качестве единственного наследства, чем не достойная

месть за неуважение? После такой пощечины даже эти глупые дворянчики еще долго после моей кончины не перестанут поминать добрым словом Благородного Барона де Ганзака. На душе как-то теплее становится от одного осознания этого факта, вот уж шутка так шутка. Не стоит даже после смерти разрушать с таким трудом созданную репутацию жесткого неординарного человека, хе-кхе, кхе… — и мстительный, саркастичный смех у старого барона перешел в натужный болезненный кашель. — Будем надеяться, чужие загребущие руки обломают коготки об этого таинственного "господина" и его вооруженную до зубов спутницу, а лучше потеряют руки вместе с головой. Да…, это и будет мое последнее условие.

Анст, он же Сат

Я уже несколько дней наблюдал за Сильвией. Подсознательно она знала о моем незримом присутствии рядом с ней и сама старалась дать своеобразный отчет о минувших событиях, о проделанной работе, непостижимым для меня образом формировала целые пакеты из воспоминаний и разговоров. Вообще-то большинство вампиров мастера ментального воздействия на разум: загипнотизировать, заворожить жертву, манипулировать, а затем лишить памяти о последних часах жизни — все это по их части. Но мало кто знает о том, что они могут делать со своими собственными мыслями. Просматривая ту информацию, которой щедро делилась со мной Сильвия я получал полный эффект присутствия, можно было не только смотреть и слышать все вокруг, но и ощущать запахи, слышать стук ровно бьющихся сердец, бегущую по жилам алую кровь…

В одну из ночей Сильвия не стала никак фильтровать происходящее, напротив, уловив закономерность в моем появлении, она дождалась нужного момента и раскрылась полностью, при этом стараясь тщательно отслеживать мои эмоции от диалога с медленно гаснущим от непреклонной старости аристократом. Там было о чем послушать, чему посочувствовать, чем восхититься, и вместе с тем чего опасаться и завидовать, этой ночью они многое сказали друг другу, но еще больше осталось за кадром.

По всему выходило, что своевольный барон практически завершил свой земной путь, и у него не осталось ничего, о чем бы он по настоящему сожалел в своей жизни, он был готов к тому, что вскоре неминуемо произойдет. Но судьба земель, на которых жили его предки, в которые было вложено неизмеримо много времени и сил, подтачивала его изнутри. По каким-то причинам не имея наследника, он предвидел незавидную судьбу своих

владений и потому упрямо продолжал с боем вырывать у костлявой каждый новый день, каждый час и тратил его, чтобы по максимуму испоганить жизнь "наследничкам". Маленькая месть, небольшое развлеченье для практически прикованного к кровати человека, сохранившего острый проницательный ум и надежду. Сегодня Барону де Ганзак повезло, он наконец-то дождался своего единственного шанса, шанса сохранить земли в целости, как монолитный, неделимый майорат, точно так же, как делали многие поколения его предков. Он дождался Сильвию.

Мне стала любопытна сильная и непреклонная личность барона, захотелось задержаться подольше и самому поговорить с этим интересным человеком. Думаю спасти его жизнь и вернуть молодость вполне посильная для меня задача. Вот только иметь под боком такого опытного игрока чужими эмоциями и поступками…, нет уж, увольте. Либо он продолжает оставаться властителем своих земель, но приносит клятву верности, становясь моим верным слугой, либо…, либо природа и старость возьмут свое. Выбор не прост, или из полноправного господина сотен, или скорее тысяч, самому стать зависимым, или смерть, но к ней он хотя бы готов.

Я не стал останавливать Сильвию, заставлять следить или подслушивать, нет, их разговор давно окончен, дальше должны говорить именно мы, вдвоем, нам ни к чему свидетели. Для того, чтобы остаться в комнате, а не удаляться вслед за вампиршей, ставшей моим маяком для перемещения сути, мне пришлось всей своей волей зацепиться за каменные стены замка, буквально зубами и когтями держаться за окружающий все вокруг воздух. И вот я остался незримым, бесплотным духом, парящим посреди комнаты, но как, черт возьми, в таком состоянии разговаривать?

Чтобы изменить хоть что-то, пришлось попытаться собрать всю разлитую в пространстве силу, до которой я только смог дотянуться и впитать. Не сразу, спустя какое-то время, но у меня появился достаточный запас, чтобы предпринять определенные действия, и я не заставил себя долго ждать, начав стягивать к себе тени щедро отбрасываемые неровно горящей лампой. Касаясь меня, они исчезали, чтобы появиться вновь, на этот раз в виде моего прозрачного силуэта, силуэта человека, сотканного из тончайшего полотна тьмы. Наконец сидящий ко мне спиной барон, почувствовал чужое присутствие и решил прервать дела, обратив на меня свое внимание.

— Так-так-так…, - слегка удивившись, протянул он, — сегодня прямо день свободных прошений в императорской канцелярии. Только нихрена здесь не канцелярия. — Выразил он всю свою "радость" от очередной незапланированной встречи

затем, чуть помолчав, продолжил, — Но мне все же интересно, с чем же вы все-таки пожаловали и, собственно, что вы вообще такое?

— Позвольте вначале представиться барон де Ганзак, мое имя Анст, маг. — Я сделал галантный поклон в лучших традиция аристократов империи и отдал должное выдержке барона, не каждый сохранит хладнокровие и гонор, когда с тобой разговаривает сама тьма.

— Хм…, вижу, что не конюх. Но не слишком ли поздно ты вспомнил о надлежащем этикете? — Совершенно не испытывая страха перед непонятным посетителем усмехнулся барон, — особенно после того, как кое-кто посреди ночи вломился в спальню к аристократу? Если уж возникло желание сделать все по правилам, утром запишись на прием у моего управляющего. — Уел, старый черт. Однако вывести меня из равновесия, смутить или заставить убраться восвояси так легко не получится, не на того напал, если, конечно, это действительно проверка на вшивость, а не очередная издевка. Раз уж мне прямым текстом указали, что бесполезно распыляться на поклоны и лесть, так тому и быть, буду говорить прямо.

— Барон, я пришел именно к вам. Не стану скрывать, ближайшие несколько минут я находился в этой комнате и прекрасно слышал ваш разговор. Мне важно знать, смог ли вас заинтересовать мой человек? — Как можно более честно признался я барону. Тот немного наклонил голову, видимо подтвердив все свои догадки, и снова обратил на меня свое внимание, сделав нехитрое заключение, что разговаривает не с рядовым исполнителем или неизвестно как сюда попавшим случайным колдуном. Он понял все, без труда связав две яркие нити. Только это был далеко не единственный вывод, который сумел сделать барон о посетивших его этой ночью гостях, далеко не единственный.

— Все будет зависеть от того какие ответы я получу на некоторые свои вопросы.

— …?

— Прежде всего, как ты намерен удержать мои земли? На столь лакомый кусок много желающих, и если у них хватит ума объединиться, баронство неминуемо падет. Здесь тебе не империя и не какое-нибудь королевство, это вольные земли, считай самая граница с великой степью, где периодически пошаливают кровожадные орки. Мы одинаково уважаем только две вещи: право силы и надежных союзников, здесь нет никакого смысла искать себе сюзерена и уповать на законы. — Вот так, по военному быстро и четко, словами бывалого воина и

незаурядного политика меньше чем за полминуты мне дали понять местные реалии.

— Прежде всего, я бы мог заручиться вашей поддержкой как человека, который уже достаточно давно ведет своих подданных к богатству и процветанию. — Осторожно, возможно с капелькой лести предположил я. — Перед вами прекрасный лекарь, мои навыки вплотную приблизились к уровню мастера жизни, но мне нужны гарантии, что после вашего выздоровления вы останетесь ТОЛЬКО управляющим, а не полновластным хозяином, который поспешит избавиться от ненужного и назойливого кредитора.

— Хм…, вполне разумно. — Нахмурил брови барон. — Возможно, будь я на твоем месте, то поступил бы так же, в наше время на слово верить нельзя никому… А ты знаешь, что когда-то сделал мой прадед, когда ныне покойный император попытался взять под свою руку территории вольных баронств? Нет? Зря… Опрометчиво вступать в переговоры, не выяснив всех деталей, но ничего, я поясню. Мой прадед, мир его праху, со всех баронств собрал и возглавил двухтысячную армию из легкой пехоты, арбалетчиков и тяжелой конницы, вооружил ополчение и стер к демонам три тысячи карательного рейда. Более того в совете он смог склонить на свою сторону одного из архимагов — советников, и не позволил императору выслать регулярную армию, ослабив тем самым остальные границы. Заметь, все это он затеял исключительно ради того, чтобы сохранить свою независимость. Надеюсь, намек понятен?

— Более чем, барон, более чем…, - чуть расстроившись признался я, — но должен был попытаться. — Барон улыбнулся.

— Понимаю и не осуждаю. Но пойми и ты меня, становиться слугой после более чем семидесяти лет полноправного правления баронством для меня неприемлемо, точка. Я прожил достаточно долгую жизнь и мало о чем сожалею, так что распутывать этот змеиный клубок интриг за наследство придется уже не мне.

— В таком случае всегда есть запасной, правда, куда менее приятный выход. Эти проблемы может решить череда несчастных случаев среди глав семей пограничных баронов. Борьба за власть внутри их земель, ослабление позиций, что может быть милее сердцу соседей? Надеюсь, им всем будет уже не до меня. Также во многом все зависит от того, признают ли мою помощницу Сильвию законным наследником, будет ли в мое отсутствие беспрекословно выполнять ее приказы дружина, слуги, сербы и вольные бонды. Если власть признана, с ней намного труднее бороться, а подорвать авторитет остальных баронов на их собственных землях пусть сложно, но вполне выполнимо. — Барон вновь расщедрился на скупое подобие улыбки.

— Положительно, мой мальчик, до чего же приятно наконец-то встретить разумного молодого человека, к тому же трезво оценивающего свои силы, — по-отечески улыбнулся он. — Я тоже думал над этим и полностью со всем согласен, но уже при принесении МНЕ клятвы верности РОДУ де Ганзак. В этом случае я признаю и приму в благородную семью "незаконнорожденного бастарда". И поскольку ты и одна из твоих людей станете последними из рода, именно на ВАШИ плечи ляжет забота о майорате. Только на таких условиях я согласен сотрудничать. — Поставил жирную точку барон.

— Верность роду…, хм. Не думал, что здесь обзаведусь родословной… Сильвия Баронесса де Ганзак — задумчиво, пробуя на язык каждое слово, проговорил я, хотя, думаю нетрудно догадаться, кто будет истинным повелителем этих земель. И секундой позже, приняв единственно правильное решение, уверенным тоном добавил, — почту за честь быть причастным к столь неординарному роду, как ваш, барон, и коль этот замок станет мне новым домом, клянусь быть достойным рода и сделать из него поистине неприступную крепость. — На что старый барон только одобряюще хмыкнул и вновь повернулся к столу, вернувшись к недавно прерванному завещанию.

— Я согласен, маг Анст, — устало бросил он через плечо, словно скинув с души тяжкий груз, — как господин своей подопечной будь же достоин нового рода и титула, постарайся оправдать мое доверие.

Впоследствии мне еще не раз удалось пообщаться с бароном и получить несколько последних напутствий. Например, я узнал, что вольные баронства остаются вольными только до тех пор, пока являются буфером между степью и империей. Пока императору невыгодно размазывать армию по многокилометровой границе и постоянно держать во всеоружии десятки застав, они могут быть уверены в своей независимости. Так что родовые замки для тупых и плохо вооруженных орков раз в десяток лет с успехом продолжают выполнять функции пограничных крепостей, и опытные воины с уверенностью отбивают их редкие набеги.

— Это политика сынок, поверь старику, не стоит ломать отлаженный механизм, и что бы то ни было в нем менять, далеко не факт, что на обломках получится построить нечто лучшее и работающее — сказал мне тогда де Ганзак. — Пока бароны разрознены, не представляют угрозу власти императора и продолжают ограждать империю от неприятных соседей, нашу независимость терпят и будут терпеть.

Если в общих чертах, то пока вся свара будет в пределах вольных земель и не будет серьезного передела влияния внутри них, никто даже не почешется. Ну, пустят немного бароны друг другу кровушки, ну и что? Это их личное дело. Вот хватило бы у них ума войти в состав империи, тогда регулярная армия быстро бы прекратила все беспорядки и нашла виноватых, а так… За что боролись, на то и напоролись, называется. Однако, про ежегодный налог, обязанность по первому требованию выставлять и обеспечивать довольно солидный отряд от каждого баронства и делать то, что прикажут — эти "маленькие" недостатки подданства все тактично опускают. Про кровавые истории, когда вырезались целые семьи неугодных императору аристократов тоже упоминать не принято, впрочем, от этого не застрахован никто, даже вольные земли.

— Но сейчас не об этом. Самое главное для тебя, по крайней мере, пока не начнешь разбираться в ситуации хотя бы на уровне посредственного дипломата, в случае волнений в столице всегда придерживаться исключительно вооруженного нейтралитета и посылать к чертям абсолютно все стороны настойчиво требующие немедленной военной помощи. Поверь, "сынок", — усмехнулся барон, упомянув мой формальный статус, — никакая сомнительная выгода не стоит собственной шкуры. Впрочем, чтобы у тебя не возникло соблазна играть во взрослые игры я, пожалуй, расскажу тебе одну занимательнейшую историю про один графский род, некогда достаточно многочисленный и процветающий во времена моей далекой юности.

Не одно столетие они успешно выживали в хитросплетениях интриг и грязной борьбы за императорскую благосклонность, золото, власть и привилегии. Более того, придерживались одного и того же весьма действенного принципа: в случае малейших волнений или имеющих вполне осязаемый шанс на успех покушений глава рода до самого конца поддерживал исключительно своего императора, в то время как один из сыновей негласно пребывал в рядах недовольных. Таким образом что бы не происходило, какие бы потрясения не переживала империя, кто бы из претендентов в итоге не сел на трон, род графа никогда не прерывался, всегда оставался в выигрыше и при своих немалых земельных наделах, отделываясь лишь малой кровью. До недавнего времени…

На их беду, старший сын графа Генрих оказался через-чур талантлив и непростительно хорошо подобрал исполнителей и спланировал покушение на тогдашнего первого наследника, слишком хорошо, но не достаточно для того, чтобы старый фокус сработал снова. Десятки самых лучших лекарей с величайшим

трудом смогли спасти жизнь нового императора, что нельзя сказать про внешность, которой он, безусловно, весьма дорожи. Сильные мира сего умеют быть мстительными и жестокими, поверь моему богатому опыту.

Палачом императора в те времена являлся знаменитый Халийский Мясник Тод, прославившийся своей любовью отрезать допрашиваемым конечности, а также изобретательностью и жестокостью, с которой он все это делал. Надо признать еще тот был умелец раскаленными щипцами вытягивать все нужные сведения, в том числе самые потаенные намерения и желания. Ни для кого не секрет, что даже признавшись в создании ада и родстве с демонами сложно было рассчитывать на быструю смерть, но после ЕГО допроса большинству позор и прилюдная казнь кажутся избавлением. Неудивительно, что бедняга не удержался и упомянул про участие отца и роль своей семьи в десятках под коверных интриг.

К тому же пленного допрашивали и пытали в присутствии и непосредственном участии самого императора, который наверняка сумел вдоволь отыгрался за свое изувеченное покушением и магией тело и близко к сердцу принял хитрости графа. В довершении всего Генриху вырвали язык, по локоть и по колено отрубили руки и ноги, а в голову, в особую точку, вогнали раскаленную иглу, сделав из здорового полного сил перспективного юноши пускающего слюни идиота, с одним только животным желанием гадить и жрать. Дальше на него повесили шипастый собачий ошейник, который вешают только на тупых, агрессивных псов, не поддающихся дрессировке, и на приеме в честь коронации подарили затейливо хрюкающую четвероногую зверюшку родному папаше, как пример того, что бывает с покусившимися на жизнь и здоровье императора.

Не трудно догадаться, в каком состоянии тот пребывал глядя на изувеченного и опозоренного сына и толпы приглашенных дворян, тут любой бы тронулся рассудком и допустил свою последнюю в жизни ошибку, решившись на месть. Сильные мира умеют быть очень мстительными и жестокими…, на тот момент в поместье уже были подкупленные слуги и доносчики. Спустя всего какие-то несколько месяцев многочисленный род графа перестал существовать, а земли перешли в пользу империи. Да, кроваво, да, никто из дворян не поддержал аморальный поступок молодого императора и его палача, но абсолютно все понимали. С предателями иначе нельзя, ведь из друзей и подданных они стали врагами, а, как известно, хороший враг — мертвый враг, никогда не забывай об этом.

Вот такая вот, мать его, страшная сказочка про то, как

поступать не стоит, особенно если учесть, что некоторые ее действующие лица до сих пор живут и здравствуют. Если кто не понял, я имею в виду того самого императора, а возможно и его малость подвинувшегося крышей палача. Однако напутствия на жизнь грядущую это, конечно, полезно, следовать им стоит и все такое, но меня в последнее время все больше и больше начинает беспокоить мое настоящее. Знаете ли, когда уже разок ненароком переходил извилистую дорожку чужих интересов, волей-неволей привыкаешь оглядываться в поисках подстерегающих за каждым углом неприятностей. В моем случае обычно они находят меня сами, причем в наиболее неподходящий момент, но я до сих пор тешу себя надеждой, что научусь видеть их издалека и вовремя избегать с ними встречи. Между прочим, желание не лишенное смысла и практической пользы, а от того еще более притягательное…

Глава 10. Паранойя

Наблюдательность — это всего лишь свойство. Наблюдательность и вовремя сделанные выводы — уже полезный для здоровья навык.

/Железная логика/

Считайте меня кем угодно, параноиком, неврастеником, сумасшедшим, но за мной наблюдают. Точнее этим занимаются некоторые нищие. Выпотрошить бы из них всю правду, но нельзя, ведь они все время на виду, все время привлекают к себе чужие взгляды, и пропади один из них на длительный срок и кто-то из их кураторов непременно заподозрит неладное и перейдет к более решительным действиям. А нам этого как раз не нужно, зачем так сильно рисковать, если понаблюдав самому можно попытаться сделать уже собственные выводы? К примеру, начинать паковать вещички и тащить к гномам на сохранение все мало-мальски ценное? Но для начала неплохо бы определить все действующие лица.

Первым была не самая лицеприятная старая женщина в изношенных грязных и рваных одеждах, ежедневно с самого раннего утра сидящая у моего порога и с пустым безразличным взглядом просящая подаяние. Вот представьте себе, что перед самым входом в ваш подъезд, прислонившись к стене, молча сидит скверно выглядящая женщина с протянутой рукой. Первая мысль, вроде не мешает, значит и пусть себе сидит, раз никого не трогает. Возможно, вы даже дадите ей немного мелочи, чтобы таким образом посильно поучаствовать в ее судьбе и внести свой небольшой вклад в ее благополучие. Но рано или поздно это ежедневное зрелище выпавшего из зоны достатка человека начнет вас понемногу тяготить и раздражать, и это нормально, так уж устроен человек. За редким исключением, каждый из нас в душе чуточку эгоист, кто-то больше, кто-то меньше, но наглядный пример того, что старая добрая жизнь может сделать с любым, вскоре начинает резать глаза. А в самом конце вы зададитесь вопросом, а какого она сидит именно здесь?

Право дело, я сам пожалел ее и сделал достаточно многое, что было в моих силах, чтобы помочь и немного поправить ее здоровье, единственное увечье, что у нее осталось — это ее страшноватая внешность. Поверьте, с остальным я разобрался достаточно качественно, причем за даром, в надежде, что она наконец-то уйдет, хотя работы там было прилично. Более того я заметил одну странность… Большинство из всех тех, кто ко мне захаживал, мягко говоря, не способны на сострадание,

большинство из них сами пребывают в не намного лучшем состоянии, чтобы делиться последней монетой, а другие наоборот, сами вытряхивают с попрошаек часть выручки, позволяя занимать самые хлебные места. Оставшееся меньшинство также слабо страдало альтруизмом, и какая-либо мелочь у ног нищенки появлялась крайне редко.

Отсюда вывод: либо она питается только воздухом, разок нюхнула и порядок, либо у нее какой-то альтернативный источник дохода, связанный с ежесуточным сидением у меня под дверью. После того как я этот факт заметил, прошло достаточно много времени, и на странности вокруг себя я стал обращать внимание куда как чаще. Наверное, именно поэтому меня стали напрягать излишне постоянные клиенты, стабильно пребывающие при деньгах или вещах с успехом их заменяющих, такие как серебряная утварь, например, или золотые зубы, у кого бы их ни выбивали. Я еще никогда не интересовался происхождением добра, так что несли мне все мало-мальски ценное. Однако все равно возникает вопрос, откуда вкусные ништяки у того, кто большую часть времени не трудоспособен? Вопрос верно? Вот и я о том же, причем, если я вдруг заболею, хочу точно такой же высоко оплачиваемый больничный. Вроде бы все это и ерунда, но такое положение дел начинает нервировать.

Третьим был мелкий мальчишка, занимающийся на рыночной площади профессиональным вымогательством, и поверьте моим словам, этот ребенок гений слезливого ораторского искусства. Это вам не мелочь по карманам тырить, где по большей части важна одна только ловкость рук, нет! Это настоящее искусство произнесенного в нужный момент жалобного слова, непередаваемая виртуозная импровизация в сочетании с беспроигрышным выбором подходящей по сердобольности и толщине кошелька жертвы и бесподобной мимикой, чувствуется рука мастера. Да, именно так, малый бесподобен в своем умении, алмазу его таланта определенно когда-то успели придать не менее талантливую огранку, образы и маски на его лице сменялись подобно причудливому калейдоскопу, подстраиваясь под слушателя.

Секунду назад он был бедным несчастным сиротой, которого выкинули на улицу злые нехорошие люди, он, как презираемый всеми зверь месяцами голодал, недоедал и выпрашивал по тавернам хоть корочку хлеба. Но все те же злые и очень нехорошие, жадные люди пинками и побоями выгоняли его на улицу, приближая неминуемую голодную смерть, выпихивали на растерзание жуткой ночной темноте и неизвестности. Для маленького несчастного сироты на жестоких портовых улицах

опасно буквально все, и только пара медяков подаренные добрым прохожим отсрочат его печальную участь.

Для пожилой дамы сирота превращался в отпрыска умирающей, тяжело больной матери, которую жестокий отец бросил на погибель вместе с его малолетними братьями и сестрами, для которых он, ясное дело, был единственным кормильцем. Для сурового воина происходила новая метаморфоза, и малолетний сын наемника, без всякой причины утыканного эльфийскими стрелами, растерзанного клыками орков, зарезанного разбойниками и контрольным ударом гномьей секиры, отправленный навстречу к богам просил жалкий медяк, чтобы иметь возможность вырасти, научиться владеть мечом подобно столь сильному человеку и отомстить убийцам отца.

Жалость с невообразимым изяществом переплеталась с лестью, воспоминания о когда-то погибших похожим образом товарищах прекрасно ложилась на трогательное желание маленького мальчишки стать хоть чуточку сильней, быстрей и набраться умений, чтобы, не надеясь ни на кого, самому вступить в схватку с обидчиками. Сколько таких милых мальцов осталось сиротами в войнах и стычках, а у скольких из них отцами были именно его боевые товарищи? И не один ли из них этот симпатичный парнишка, ведь не дальше года как одного из братьев по оружию эльф/гном/орк застрелил/зарубил/сожрал (нужное подчеркнуть)? Насколько похожа эта нелегкая судьба на его самого нелегкое детство… Ну как такому не бросить монетку? Не исключаю, что чертов малец зарабатывает не многим меньше меня, дьявол его побери.

Почему никого не смущал факт, что никогда травоядные эльфы не будут союзниками кровожадных орков, что вполне миролюбивые гномы не попрутся черти куда, чтобы ни с того ни с сего на кого-то там напасть? Да потому, что расчет предельно прост, зеленокожих здоровяков с выступающими из-под нижней губы клыками ненавидели и презирали буквально все за их жестокость и плотоядные кулинарные пристрастия. Эльфов сильно опасались и тоже немножко… недолюбливали, гномов считали излишне суровыми и непреклонными задирами, обожающими пиво и старые добрые драки. Практически беспроигрышный вариант для любого не отягощенного интеллектом прохожего с мечом за поясом и замашками воина, и парень имел успех.

Мальчишка мастер, идеальный работник для королей нищих и воров, да и разведчик хоть куда, кто же в наше время обращает внимание на нищих беспризорных детей? Меня-то в расчет можно не брать, мои несчастные тела уже черти сколько раз пытались

прирезать, застрелить, прикончить магией, даже растерзать и сожрать. Причем нельзя сказать, что ничего из этого списка не увенчалось успехом, напротив…, но в долгу я никогда не оставался. В общем-то, в таких условиях любой станет несколько осторожнее, чем был до столь знаменательных событий. Вот и сейчас не нравится мне этот ребенок, слишком часто и долго отирается где-то поблизости и до сих пор не осчастливил меня своей просьбой…, странно это… Пойду ка я, пожалуй, отсюда.

Что стало причиной появления в моей жизни этих странных людей, были ли они единственными, кто проявляет ко мне столь нездоровый интерес? Слишком сложно сказать наверняка, точно так же, как и то, что стало тому причиной. Возможно, так развлекается мой новый работодатель, что заметил мои незаурядные способности пару месяцев назад? Но контактов с ним избежать невозможно. Все потому, что в какой-то момент мне стало ясно, работая на уровне городского дна не заработаешь на оплату всех моих растущих с каждым днем запросов на эксперименты и материалы, дальше так продолжаться не может, мне нужна более состоятельная клиентура. К счастью не один я склонялся к такому мнению. Мои умения заинтересовали еще одно таинственное лицо, которое точно так же как и я пришло к схожему выводу, что мои таланты несколько выше уровня окружающих шарлатанов. Так я и стал помогать людям, которые в силу специфики своей проблемы и ее конфиденциальности не могли обратиться к дипломированному семейному целителю, но попадались и откровенно уголовные лица.

М-да, с этой слежкой сложилась не самая приятная ситуация. Что-то мне подсказывает: не за горами тот день, в который мне как можно скорее придется уезжать из города, причем неплохо бы его приблизить пока не запахло жаренным, если уж на то пошло, то я давным-давно собирался немного попутешествовать. Но, как всегда, судьба распорядилась иначе. Просто поразительно насколько часто у этой дамы появляется свое особое мнение, постоянно идущее вразрез с моими планами! А как все хорошо начиналось…

***

Был теплый дождливый вечер, я сидел у разведенной жаровни и на кончике меча подрумянивал кусок собственноручно добытого наисвежайшего маринованного мяса, в уме подсчитывая заработанное неустанным трудом за последние пару дней. Поскольку далеко не каждый мог себе позволить услуги лекаря, а тем более весьма хорошего лекаря, который уже успел себя зарекомендовать, дело было не из простых. Каждый желающий подправить свое пошатнувшееся здоровье приносил мне что-

нибудь ценное, частенько попадались маленькие жемчужины, за которые мало какой торговец дал бы больше серебряной монеты, но это же портовый город! На равнинах, где на сотни дневных переходов жемчужницами даже не пахнет, такой редкий товар будет в цене, нужно только приберечь товар до подходящего случая.

Порой бывало, приносили столовое серебро, разок попалась сплющенная до неузнаваемости золотая чаша со старательно уничтоженным родовым гербом. Вскоре у меня скопилась довольно серьезная коллекция кинжалов и дешевой бижутерии. Но венцом моей коллекции стал золотой перстень с весьма и весьма приличным изумрудом, такая вещичка стоит одним только материалом минимум за тридцатку золотых, не говоря уже о работе талантливого мастера ювелира. Достался мне этот, несомненно, ценный презент от закутанного в черный плащ мужчины с повязанным платком, скрывающим лицо по самые глаза. В одной руке он сжимал обагренный кровью меч, а второй старательно придерживал так и норовящие вывалиться кишки. Признаться, тогда моей первой мыслью было отсутствие каких бы то ни было мыслей вообще и дежавю с сильным желанием добить незнакомца и прикопать по-быстрому в подвале, дабы не возникло потом проблем со стражей и ее преследователями, но плата заставила меня передумать. За свою жизнь, анонимность и, конечно же, мое молчание мне посулили то, отчего не так-то просто отказаться.

Как вы уже догадались, началось все с ввалившегося в мою лачугу истекающего кровью мм… представителя ночной…, скажем так, власти. Выглядел он не лучшим образом: вспоротое брюхо, засевшая в плече стрела, потяжелевшая от дождя и крови одежда. По всем признакам он уже минут пять — десять как должен был потерять сознание и тихо-мирно умирать где-нибудь в подворотне, но нет, упрямец жаждал продолжить жить.

— Лекарь! — прохрипел он, а я уже лихорадочно соображал, чем мне аукнется труп незнакомца в моем скромном жилище, который к тому же наверняка кто-то усердно разыскивает и не окажется ли он, в конечном итоге, очередным представителем тайной стражи.

— Милостивые боги! Вы крупно ошиблись, но я постараюсь помочь — вполне натурально воскликнул я, вскочив навстречу к незнакомцу с не самыми мирными намерениями нащупывая за спиной рукоятку кинжала, на что тот только скривился в болезненной гримасе.

— Не дури мне мозги, парень, я не такой идиот, чтобы бежать и не разбирать дороги. Мне нужна помощь, и ты мне ее окажешь.

Я медленно потянул кинжал из поясных ножен, — по-моему, ты не в тех условиях, чтобы приказывать, убирайся из моего дома или умрешь.

— Пф, если я уйду, то сдохну еще быстрее. — Незнакомец выронил из ослабевшей руки меч и в изнеможении привалился правым плечом к стене, а секундой позже к моим ногам упал золотой перстенек с дорогущим рубином. — Я очень ценю свою жизнь, и поверь, если ты ее сохранишь, любой из ночного братства, кто увидит добровольно отданный перстень, прислушается к любым твоим словам. Ночным хозяевам всегда нужны толковые лекари и я вполне способен замолвить словечко нужным людям, тебе будут платить как лучшему из них, золото потечет в твои руки рекой. А теперь хватит болтать, либо спасай, либо добей, — сказал мужчина, оседая на пол.

Если вкратце, то те самые два месяца золото и впрямь текло ко мне рекой. Я уже и думать забыл радоваться каждой заработанной золотой монете или новой жемчужине, я вышел на более состоятельную клиентуру нежели портовая нищета, матросы и обнищавшие дворянчики и их сынки. Стал известной личностью среди тех, кому нужна квалифицированная помощь без лишних вопросов и огласки. В моих карманах звенело золото, много золота, а все остальное лишь мелочи в сравнении с собственным двухэтажным особняком за чертой города, а не тесной нищенской хибарой, в которой приходилось ютиться до сих пор. Единственный момент, который нельзя упускать, это то, что надо вовремя соскочить с этой драгоценной иглы и успеть смыться, как только запахнет жаренным. Но мне на это было откровенно плевать, в настоящий момент я старался заработать как можно больше и все мало-мальски ценное тащил к гномам в банк, для сохранности и для отсутствия лишнего соблазна у некоторых… пациентов.

Но как говорится ничто не вечно под светом светил, спустя некоторое время моя белая полоса удачи и богатства закончилась, а началась полнейшая Ж… Вначале слежка, а потом и ее прямые последствия. В городе начался рейд, следы которого привели прямиком в мое новое скромное жилище.

***

— Господин лекарь, вам надо уходить! — Как ураган ворвался ко мне мальчишеский голос, а в моих руках оказалась записка.

— ? — поднял я вопросительный взгляд на как ураган ворвавшегося в мой дом юношу, оторвался от очередного "пациента" и развернул помятый лист бумаги.

"Благодарю за жизнь и возвращаю долг. Рейд. Ночью тайная

стража придет за тобой."

— Рейд! — сказал больной, прочитав записку из-за моего плеча и, на зависть всем здоровым, на пару с мальчишкой пулей выскочил из дома.

Твою мать! Рейд! По слухам я уже прекрасно знал, что это означает, многие из тех, кто ко мне в последнее время частенько захаживал, были прекрасно в курсе этого понятия. Однажды я уже был свидетелем того как устраивали показательные казни после рейда, а уж то, что ко мне прислали мальчишку, в особенности то, с какой скоростью он отсюда дернул совсем уж плохой знак. Выходит, идут именно по мою скромную душу, никто не любит, когда твоих врагов столь тщательно лечат, наверное, поэтому и на моем крыльце запахло жаренным. В памяти вертится только один человек, который мог в благодарность за спасенную шкуру сообщить мне об опасности практически за целые сутки. Видимо честь и долг жизни для него не пустые слова, не зря я тогда едва не надорвался вытаскивая раненного стражника с того света, ох как не зря.

Главное не суетиться. За входом наверняка наблюдают, значит, если не придумаю ничего более оригинального, уходить лучше через окно, смотрящее во двор. Так, Нагайну я научил сжимать позаимствованную силу и теперь у нее есть похожая на мой камень маленькая песчинка кристаллизованной сути, позволяющая хранить излишки силы и не раздуваться как воздушный шарик. Теперь она снова, как старые добрые времена стала маленькой змейкой, только намного более опасной, чем прежде, и спокойно себя чувствовала, овившись несколько раз об мою руку и замерев. Забрать ее проблем не станет, а алхимическое оборудование и вещи…, да и хрен бы с ними, жизнь дороже. К тому же по некоторым специфическим инструментам меня вычислить плевое дело, они сделаны на заказ и пользуюсь подобным я один, хотя кое-что из готовых зелий все же разумнее будет прихватить с собой.

Маскировка. Сегодня только ленивый не знает, что под капюшоном скрывается светлый эльф. Инкогнито хранить столько времени не получилось, как бы я ни старался, не вовремя сгоряча сказанное грязное ругательство на красивом певучем наречии, кое-что из эльфийских вещей и экипировки, излишне мелодичная речь и быстрее молнии разносящиеся в небольшом городе слухи. Прямо меня никто не спрашивал, контингент подобрался понимающий, что означает срывать свое прошлое, но любопытные взгляды, то и дело пытающиеся заглянуть под капюшон говорили сами за себя, догадывались все. Поэтому лучше будет если дом покинет никем не узнанный человек, чем всеми разыскиваемый

приметный своей редкостью в людских городах эльф, причем магия здесь плохой помощник, амулеты разрушающие иллюзии есть у каждого стражника у ворот. Черт, что же делать?

Отвлекая меня от решения важной проблемы, негромко постучав, в мои приемные покои вошел светловолосый бородатый мужик, придерживая вывихнутую руку. Хм…, а почему бы и нет? Вовремя это он зашел. Вот вы когда-нибудь слышали про бородатых эльфов? Я нет…, так что извини мужик, руку я тебе, конечно, вправлю, но своя шкура ближе к телу. Оглушив пришедшего в столь неудачный для себя момент человека, я уложил его на массивный длинный стол и стал думать, как переместить его густую растительность себе на лицо. Побрить? Не вариант. Пересаживать? Долго и не факт, что получится… Мужик, извини повторно, но, кажется, тебе придется немного побыть донором кожи.

Проведя маленький бетатест на висках, я опытным путем установил, что для хорошей накладной бороды достаточно совершенно ничтожного до полной прозрачности слоя кожного покрова, аккурат до эпителия, главное сразу же укреплять снятую ткань, иначе волосяной покров не будет держаться. Проделав ряд манипуляций, на прощание обработав лицо источника материала своей самой лучшей заживляющей мазью и, полюбовавшись, как на месте "красного пота" выступившего после экстремального "бритья" появляется румяная незагорелая кожа, я снял с него одежду, накинул кое-что из рабочей и наложил иллюзию своего облика. Прошу прощения в третий раз, но когда пациент выйдет, для каждого из наблюдателей хозяин дома должен остаться на месте, иначе кого же тогда будут арестовывать…?

Усадив свою бессознательную копию перед столом и закрепив на стуле, я переоделся в простенькую одежду грубого покроя взамен своих сшитых на заказ вещей из самой лучшей ткани, издал вздох полный сожаления, приклеил на лицо бутафорскую густую бороду из натуральных материалов и задумался, что делать со своими длинными волосами. Идея их обрезать не находила надлежащего отклика в моей душе, попривык я к ним как-то, свыкся примерно в тот же момент, как научился приводить их в порядок бытовыми заклинаниями. Уши обрезать, знаете ли, тоже как-то неохота, но скрыть это все определенно нужно, но желательно менее радикальным способом.

Решение проблемы пришло сразу, как мой взгляд упал на заготовленные впрок нарезанные из чистой белой ткани и простерилизованные бинты. Усталая замыленная моя соображалка! От меня уже не раз уходили перебинтованные по самое не могу люди после серьезных операций, так почему бы не

спрятать свои собственные длинные уши под простейшей повязкой? Сказано — сделано, и спустя какой-то час из парадного входа вышел практически ничем не примечательный бородатый мужчина с перебинтованной головой и небольшой котомкой за плечами. Естественно это был совершенно не тот человек, что зашел в эти двери ранее, но ведь все бородачи на одно лицо, особенно если смотреть на них издалека.

Сидящая на крыльце нищенка с протянутой рукой, до этого совершенно безразличная ко всему окружающему миру быстрым косым взглядом мазнула по силуэту вышедшего мужчины и, сразу же потеряв к нему всякий интерес, снова уставилась в никуда. Можно считать первичную проверку мой маскарад прошел, результат отличный, полет нормальный. Уходить из города придется пешком, покупать себе приличную лошадь, будучи одетым в простецкую поношенную одежду — неописуемая глупость. Однако, неохота, как когда-то, днями напролет топать практически вслепую к следующему ближайшему селению, прибывая в вечной дилемме, а хватит ли взятой провизии? Но и светить на рынке совершенно не соответствующие статусу бродяги сумму перед десятками людей, среди которых могут оказаться и как не чистые на руки, так и наблюдатели из тайной стражи тоже не дело.

Вариант остается один. На судах в порту постоянно требуются сильные рабочие руки, и частенько помимо матросов и пассажиров экипаж судна пополняется грузчиками, плотниками, поварами и слугами офицеров и магов. Естественно прикидываться валенком и всю дорогу батрачить, как проклятый я не собираюсь, но до отправки судна все же придется заняться не слишком подобающим высокородному делом. М-да, благородный эльф как обычный пьянчуга таскающий тяжеленные мешки, различный такелаж, корабельные снасти и багаж пассажиров, на этот спектакль впору продавать билеты, как на небывалое доселе зрелище.

Вечер, группа захвата неподалеку от небольшого особняка.

— Я слышал, что этот чертов целитель — эльф. Не будет ли у нас потом кучи проблем от его сородичей?

— Да успокойся ты, Нытик, все будет нормально. Один знакомый из их посольства шепнул мне по секрету, что когда мы будем его брать, охранение "немного задержится" и никаких проблем из-за внешнего вида "приболевшего собрата" не возникнет, главное поспешить, пока он в карауле. Не знаю, какая кошка пробежала между этими двоими, но грех упускать такую возможность.

— Глава дело говорит. Сегодня мы прижмем этого лесного выродка, по всем законам прижмем. Нехрен было латать того ублюдка, что прирезал Мясника и Шустрого. Я лично превращу его смазливую рожу в кровавую кашу, переломаю кости и заставлю мочиться кровью.

— Успокойся, Зверь. Он нужен целым, нам завтра оказывать высокому светлоэльфийскому посольству "услугу" и отмазывать этого недоноска.

— И какой в этом смысл? — Спросила одна из фигур, одетых в одинаковые закрытые черные доспехи, заговорившая первой, та самая, которую вместо нормального имени называли Нытиком. Хотя все они не произносили имен, используя только когда-то полученные в академии прозвища, таковы уж были обычаи тайной стражи империи.

— Запомни, в отличие от некоторых эльфы хорошо запоминают не только обиды, этого у них не отнять, — ответил Глава. — Короче всего одно слово: политика, и не нашего ума дело вникать во все ее тонкости, нужно выполнить приказ, остальное сделают и без нас. — Затем вся группа вдруг замерла, прислушиваясь к крику какой-то лесной певчей птицы, и только Зверь с кровожадной безумной улыбкой на лице прошептал:

— Пора…

Анст

Упахавшись за день на погрузке судна, на котором договорился отплыть в качестве члена экипажа, я, вконец обессилив, повалился в трюме на отведенный для меня лежак среди двух десятков на него похожих. М-мать, сколько же я на себе перетаскал? Даже после того, как начал брать сразу по паре мешков с крупами в отличие от трех работающих со мной доходяг, даже после того как начал один таскать чертовы ящики, которые остальные рисковали поднимать только вдвоем, все равно погрузка затянулась до глубокого вечера. Одно радует, мы наконец-то отплываем.

Темнеет. Обычно в это время я подсчитываю, сколько золота прилипло к моим рукам за день, записываю в книгу, складываю все в сейф и начинаю убираться в комнате, что приспособил под приемную. Скоро мог бы быть ужин. Малышка Мили…, она больше не готовит на одного меня, и ее дед перестал носить мне завтрак и ужин, не зачем им было касаться тех дел, в круговороте которых я начал вращаться. Но и вот так бросить девчушку с ее аппетитной стряпней я не решился, зачем менять то, к чему успел привыкнуть? К тому же, ее получилось очень удачно пристроить в один из трактиров в качестве поваренка, который в первый же

день утер нос своему наставнику. В благодарность за такой самородок трактирщик за чисто символическую плату присылал мне слугу с готовой едой в закрытой глиняной таре, укутанной в толстое полотенце заботливыми руками Милисенты.

— Эх…, - при воспоминании о вкусном, у меня вырвался горестный вздох, на корабле такого не будет.

Сейчас, наверное, начинается "неожиданный штурм" моего милого маленького особнячка, надеюсь, от него останется хоть что-то. Вообще на этот спектакль можно бы и посмотреть, пребывать сутью в совершенно другом месте, нежели тело я наловчился довольно давно. Закрываю глаза, проваливаясь в такую знакомую и родную тьму, в отражение моего внутреннего мира, мой доминион. Стоило только представить фасад моего жилища, и я на месте, вишу поздним вечером сгустком первозданной тьмы, плотно закутанным в сущность эльфа, взирая на все происходящее.

Но я оказался отнюдь не одинок в своем любопытстве и желании увидеть все, на крыше соседнего дома стояла точно такая же невидимая обычным взором прозрачная эльфийская фигура. И мое появление не осталось незамеченным, а через мгновение второй наблюдатель оказался стоять передо мной лицом к лицу, с надменным превосходством смотря мне прямо в глаза. Ну, здравствуй, старый знакомый. Это ведь тебе я едва не отвинтил голову впервые же сутки своего пребывания в городе, видать, зря не открутил, но досадную оплошность поправить недолго.

— Приветствую тебя сородич. Вижу, ты сумел ускользнуть из моей ловушки, что ж, тем лучше для меня. Как видишь, не ты один умеешь находиться в астрале, и здесь тебя не спасут ни скорость, ни физическая сила, помогло бы только мастерство, в котором я истинный виртуоз. Немного жаль, что придется убить одного из сородичей своими руками, но ты ведь никому не скажешь, верно? — Гаденько улыбнулся эльф.

— Конечно, не скажу, разве я похож на дурака? — И предвещая немой вопрос собеседника, продолжил, — И нет, не боюсь, в деле сбора душ я не встречал себе равных. — Мое преображение в демона пожирателя душ стало для него большим сюрпризом, самым последним в жизни сюрпризом для самонадеянной, мстительной эльфийской сволочи.

А тем временем события продолжали набирать оборот. Не успел я еще до конца покончить с эльфом, как двери моего дома вынесли вместе с куском стены сильнейшим направленным

взрывом. Тупые варвары, раз не в состоянии нормально вскрыть замок, так позаботьтесь о дубликате ключей, хотя…, кто бы им позволил такое провернуть. В образовавшуюся дыру полетели несколько амулетов, а уже после них в образовавшуюся после взрыва пыль бесстрашно вступил маг при поддержке отряда солдат. А меня оценили по достоинству, приятно, черт возьми.

Вот люди в черных доспехах выносят тело, с которого под воздействием магических возмущений уже начинает спадать иллюзия. Долбанные дилетанты, противно смотреть на столь топорно выполняемую работу, нужно же было сразу показать пленного магу, и подлог бы обнаружился мгновенно. Можно подумать я первый, кто догадался оставить вместо себя "куклу" и злорадствовать издалека над попытками себя схватить. А может первый? Кто ж их, стражников, знает, детективов по вечерам они точно не читали, стало быть, возможно все. Вот маг обнаружил единственное в доме место, откуда нещадно фонит силой, ну-ну, это надолго. Сейф пустой, обыкновенный, прошу любить и жаловать, а мне пора, не на что тут больше смотреть. Развернувшись в сторону порта, я успел услышать, как срабатывает гравитационная ловушка и с сожалением констатировал, от дома все-таки не осталось ничего…

Глава 11. Пересекая море

— Как сбежать с подводной лодки?
— Наверное, пересесть на другую лодку?
/Святая наивность/

Вернувшись в трюм, я обнаружил совершенно невообразимую вещь, моего тела не было там, где я его оставил полчаса назад, на его месте блаженно храпел совершенно чуждый мне организм. Спиздили! Мать вашу, мое тело! На меня накатила паника, что делать? Неужели начинать все с начала?! Мля, стоит на минутку отвернуться, и чертова тупая, пьяная матросня готова утащить даже человеческое тело, да какого ж хрена? Судорожно начав метаться на неведомо каком слое реальности, не на шутку всполошившись, я кинулся на поиски и обнаружил свою любимую тушу, завернутую в парусину и готовую отправиться на корм рыбам под дружные маты четверки членов экипажа во главе с помощником капитана. Идиоты! Они меня что, за мертвого приняли?!

Тупые, пустоголовые, слепые детеныши обезьяны и крота, неужели так сложно отличить состояние медитативной комы от окончательной стопроцентной смерти? Да чтоб вас всех! Восстающий из мертвых портовый грузчик на поверку оказывающийся высокородным эльфом — это кромешный писец для средневекового недалекого разума, черт, черт, черт! Как бы мне этого не хотелось, но придется искупаться, изображая рыбий деликатес, чтобы потом неожиданно возникнуть длинноухим пассажиром, которого провел, к примеру, этот самый деликатес. Писец…, но для сельской местности, пожалуй, прокатит.

***

Помощник капитана был несказанно доволен, когда трое доходяг и один бородатый здоровяк с забинтованной головой заменили целую артель грузчиков. Если уж быть до конца честным, то заменил ее как раз тот здоровяк, умудряющийся таскать сразу по два больших транспортировочных ящика, которые обычно грузят вдвоем, этот же силач умудрялся перетаскивать их за раз, аккурат по одному на каждое плечо. Радости от наблюдения за погрузкой не было предела, ведь на ней удалось неплохо сэкономить, а значит подарить себе солидную премию за ум и удачный подбор персонала. Еще большее удовольствие ему принесло известие боцмана, который сообщил, что этот самый здоровяк таки надорвался и умер во сне. Осталось только аккуратненько избавиться от тела, чтобы не попасть на глаза ни пассажирам, ни капитану и радоваться, что

расплатиться обещал по прибытии в порт. И равно насколько помощник капитана был рад, пересчитывая вечером свой нежданный дополнительный доход, настолько он удивился появлению нового пассажира, причем эльфа!

Эльфа, которого втихую протащил на борт тот самый покойник! Не понятно, что в этом событии более удивительно, что всегда чопорные и гордые субтильные эльфы вдруг снизошли до морских путешествий на "людских лоханках" или что один из них умудрился никем незамеченным просочиться на борт. Да что говорить, за пятнадцать лет своей службы на "Черном тритоне" и десятков стран и городов старина Портер еще ни разу не видел такого коренастого и здоровенного эльфа, не чурающегося старым добрым крепким словом доходчиво выражать свои мысли.

Странный он этот эльф, неправильный. Вроде все то же самое, прямая осанка, плавные, где-то даже грациозные движения, мягкий звучный голос, правильное смазливое лицо, но чего-то не хватает, почему-то нет в его глазах того колючего безграничного презрения и брезгливости к людям, что присутствует у каждого живущего вечно. А телосложение? Да оно, как и манера речи больше подошло как раз таки настоящему портовому рабочему, чем этим женоподобным рахитам с по-бабски длинными волосами. Да…, многое изменилось за пятнадцать лет, но что навсегда останется неизменным, так это то, что за право быть пассажиром "Черного тритона" нужно платить!

Анст

Раньше я как-то не верил, что грузчики, строители, матросы и некоторые другие профессии понимают только отборную, крепкую брань, но когда попробовал…, все мигом встало на свои места. И кто такой, и как оказался на палубе, и почему море соленое, почему рыба в чешуе, при должной сноровке любое чудо мироздания доходчиво растолковывалось в вольном переводе с русско-матерного. Моей мудростью прониклись все, кто оказался рядом, а самое главное, что долговязый скряга в потрепанной шляпе наконец-то от меня отвязался, в состоянии прострации проглотив все объяснения.

В самом деле, не могу же я всем признаться, что как дурак корячился на погрузке, маскируясь под человека, потом внезапно умер, был выкинут за борт. Потом долго и упорно левитировал под кормой, пытаясь выпутаться из накрученных веревок и парусины, чтобы, наконец, нормально воскреснуть, крал собственные вещи, переодевался и оппа, высокородный эльф на борту! Да в это даже сумасшедший не поверит, так что раз хочет

считать меня безбилетным пассажиром, да и хрен бы с ним, пускай хоть подавится. Я уже достиг того положения и достатка, когда трата четырех монет серебра имеет хоть какое-то значение. Мало того, что на моем счету лежит уже за тысячу золотых, так у гомов скопилась моего барахла из книг, записей, ингредиентов, готовых зелий и амулетов больше, чем на пятнадцать тысяч. Если бы еще все это продать…, хоть за полцены… Короче морочить себе голову экономией я перестал, это факт, причем довольно давно и ничуть о том не жалею.

— Плачу тройную таксу, при условии, отдельной каюты, разумеется. — Сообщил я потирающему от удовольствия руки скупердяю. Судя по блеску в глазах, да за десяток золотых и половина команды отправится искать счастье на шлюпке в открытом море, настолько ясно в зеркалах души читалась жадность.

Вообще-то мое первое морское путешествие оказалось довольно неплохим время препровождением, ровно до того момента как я решил познакомиться с остальными пассажирами. Слишком часто среди людей встречаются неадекваты… или неадекватки.

— Какой у вас прелестный голос!

— А у вас настоящие уши?

— А вы правда эльф?

Нет, блин, я полуметровый зеленый гремлин с острыми клыками! Непреодолимая женская тупость и наивность дородной графской дочки просто сводит меня с ума! Вылезаю из своей каюты и не знаю где скрыться от ее назойливого внимания и желания рассказать мне обо всем белом свете и бытовых женских мелочах в частности. Я ей что, подружка?

Первое время почуявшие ветер свободы слуги пытались уговаривать меня проводить больше времени с их дражайшей госпожой, но такие попытки были напрасны и пресекались на корню.

— Может, все-таки попытаетесь с ней поладить, поговорить там, узнать с другой стороны?

— Ну…, даже не знаю, хочу ли я узнавать ее еще и с другой стороны, мне одной было более чем достаточно! — Был единственный ответ на все уговоры, но предмет разговора неплохо справлялся и сам.

— Скорее посмотрите, какую сумочку мне подарил отец! — Стоящий рядом матрос молча смачно плюет в набегающие редкие волны, и сколько невысказанных эмоций в этом простом действе! Маленькая стерва достала буквально всех. — Смотрите, какая

красненькая! Но такая же тяжелая как старая, зато вместительная, — на выражение вселенской радости новой цаце мелькает и бесследно исчезает легкая досада.

Конечно, блин, тяжелая! Переложила барахло из одной большой сумки в меньшую, но красную и выдала очередную корку, мол, какая вместительная! Интересно-то как, и почему она не стала легче, размер ведь уменьшился! Спрашивается, а какого хрена ты ожидала, по сути, запихивая одну емкость в другую? Одно слово, избалованная женщина, вернее пока еще ребенок, но весьма скоро кому-то Оочень повезет. Хорошо еще, что тащит она всю эту фигню самостоятельно, а то уж и не знаю, что бы с ней сделал…

— Вы мне не поможете?

Да чтоб тебя подняло да приплюснуло, чтоб тебя на необитаемый остров закинуло, замороженный якорь тебе для поцелуя и на дно морское, лишь бы ты заткнулась и убралась подальше. Да за прошедшую неделю я уже сам готов, надеясь на удачу, прыгнуть в воду, или случайно кое-кого в нее скинуть. Но на мое спасение, кто-то из дворян или их сопровождения стал безвкусно тренькать на каком-то музыкальном инструменте, чем живо отвлек на себя внимание неугомонной особы.

— А какую музыку Вы предпочитаете? — Ммм!

— Тишину, — мрачно ответил я, на что блаженная лишь рассмеялась, отметив какой же я все-таки хороший шутник. Ладно, сейчассс ПОШУТИМссс, потеряв остатки терпения, подумал я, принимая предложенную лютню.

Потакая десятку просьб пассажиров, не удовлетворившихся игрой горе музыканта, первые песни были про путешествия, любовь и славные битвы. Я много бывал в трактирах и знаю, что нравится большинству, а идеально поставленный голос и абсолютный слух помогли снискать искренние овации и ободряющие выкрики собравшихся. Наивные, я взял инструмент не для того что бы вас забавлять, я собрался ШУТИТЬ!

— А теперь песня про "Добрых светлых эльфов"! — зазвучали первые мягкие мелодичные аккорды.

Замученный дорогой,
Бродяга выбился из сил.
И в доме эльфа
Ночлега попросил.
С улыбкой добродушной
Эльф его пустил.
И жестом дружелюбным
На ужин пригласил.

Будь как дома путник,
Я ни в чём не откажу,
Я ни в чём не откажу!
Множество историй,
Коль желаешь расскажу,
Про что хочешь расскажу,
Про что хочешь расскажу!

На улице темнело,
Сидели за столом.
Эльф сидел напротив,
Болтал о том о сём.
Что нет среди животных
У эльфа тут врагов,
Что нравится ему
Подкармливать волков.

И волки среди ночи
Завыли под окном.
Эльф заулыбался
И вдруг покинул дом.
Но вскоре возвратился
С мечом на перевес:
"Друзья хотят покушать,
Пойдём приятель в лес!"

Будь как дома путник,
Я ни в чём не откажу,
Я ни в чём не откажу,
Я ни в чём не откажу!
Множество историй,
Коль желаешь расскажу,
Про что хочешь расскажу,
Про что хочешь расскажу!
/КиШ Лесник, адаптированная/

Я злорадно улыбнулся, показывая притихшим слушателям, что 32 это норма даже среди травоядных ушастых. Что ж, продолжаем концерт, добъем пребывающих в недоумении от услышанного людей.

— А теперь песня про светлого, но очень раздраженного назойливым вниманием эльфа!

Никогда и никому не хотел бы зла я причинять,
Когда-то нравилось мне людям помогать,

Верилось тогда, что за добро добром отплатят,
Боги, как же был наивен я!
Но вскоре начал понимать,
Как не совершенно разума строенье,
Что идиотизм — вполне нормальное явленье.

А потому сейчас всех вас замучить бы я рад,
И от того мой голос так не весел,
Что различаю невиновного и жертву наугад,
От того в раздумьях голову повесил.
Зато на варианты пыток разум мой богат,
Я всем готов устроить персональный АД!

Мне безразлично ваше преступление,
Пропала вера в искупление.
Вам нет пути назад,
Это будет персональный АД!

Нет правды в сломанных ногах?
Спрошу суставы на руках.
Кости раздроблю в тисках,
Плоть оставлю гнить в проклятых тюрьмы стенах.

Нет смысла просить и проклинать,
Смерть бесстрастна к умоляющему взору,
Ей по нраву боли водопад,
И это будет настоящий, персональный ад…
И выход из него один…
Теперь ты мой слуга, а я твой господин!

До греха меня вы сами довели,
И посланника небес терпенье,
Превратили в стали белое каленье.
Сегодня всех готов я сжечь живьем и развеять прах,
Перед тем впитав всю вашу боль и страх…

Да, это ад, и выход из него по-прежнему один,
Ты мой слуга, а я твой господин…

Наступила гробовая тишина. Каждый застыл в неподвижном изумлении и не мог произнести ни слова. Здорово я развлекся, ничего не скажешь. Забавно было наблюдать, как вытягиваются в удивлении лица, ведь баллады большинства бардов — это разукрашенные в пух и прах, но все-таки истории реальных

подвигов и событий, и тем сильнее был шок от моей музыки. Если и после этого меня не оставят в покое…

— А вы уверены, что в вашем роду не было темных, — не выдержал давящей тишины один из пассажиров.

— Вы имеете что-то против темных эльфов? — задал я вполне невинный вопрос любопытному.

— Нет-нет, что Вы, конечно же нет! — Пошел на попятную задавший этот нелепый вопрос.

— Господа, — обвел я взглядом всех присутствующих, — добро всегда побеждает зло. Поэтому кто победил, тот и добрый. Для друзей и врагов я всегда добрый и светлый эльф.

— Правда? — Обрадовалась графиня, я так рада, что не ошиблась в вас!

Млять…! Положительно, у этой женщины память обнуляется каждые две минуты! Для кого я тут устраивал целый концерт? Ее посылаешь, посылаешь, а через мгновение она снова на боевом дежурстве рядом со мной, я что, медом намазан!?

— Графиня, чем больше я общаюсь с таким ярким и необычным представителем человечества, тем больше и больше начинаю любить… драконов (тут я ненадолго задумался, в самом деле, не сравнивать же дворян и животных, в присутствии ее тупого папа?).

— Вы видели Драконов! — воскликнуло это…, в общем ЭТО. — Считается, что они покинули наш мир более тысячи лет назад! Вы такой удивительный! Расскажите, обязательно расскажите все подробности, они большие? А розовые среди них водятся? Они приручаются? А где их гнездо?

— Нет, не видел, не слышал, даже не читал, — поморщился я от обилия вопросов и звонкого женского голоса, достающего похлеще зубной боли, — потому и уважаю. Вообще приятно, когда никто не надоедает, не пристает и…

— Пираты!!! — заорал обычно флегматичный матрос, постоянно торчащий на мачте.

Надо ли говорить, как я обрадовался появлению пиратов? Да я оказался первым и единственным, кто отбросив лук с мечом наголо оказался на их палубе! Джентльменам удачи я был рад встрече, словно любимым родственникам. Еще бы, они же сами пригнали мне в руки так желанное собственное, ОТДЕЛЬНОЕ плавсредство! К черту условности! Наседавших на меня пиратов я глушил магией, а если на них оказывались амулеты, магию успешно заменяла рукоятка меча, мастерски приложенная к голове. Наверное, сегодня впервые суровые морские волки лично познакомились с маленькой птичкой обломинго в моем лице и от

ее неотвратимой оплеухи не спас даже посредственный маг, за ненадобность отдавший мне свою душу и магию.

А вот остальной экипаж мне еще пригодится, причем, если не в меру расхрабрившиеся и отошедшие от шока матросы не перестанут добивать оставшуюся за моей спиной трофейную команду, то заменят ее уже они! О чем я и поспешил предупредить всех желающих показать свою храбрость, перерезая глотки неподвижно лежащих врагов. С этим новым подарком судьбы я наконец-то смогу избавиться от назойливой графини с ее закидонами! Плюс теперь меня не сможет вычислить ни один долбанный сыщик, даже если догадается, кто скрывался под маской коренастого бородача и на какой корабль я сел. Никому в здравом уме не придет в голову, какие места я собрался осчастливить своим присутствием!

— Оривидерчи, малышка, надеюсь, мы не увидимся никогда! — Спустя несколько часов томительного ожидания и скоротечные минуты боя, помахал я ручкой оставшимся на "Черном тритоне" людям и взбалмошной девице в частности. — Счастливого пути! — Затем повернулся к избитым и хмурым лицам уже СВОЕГО экипажа.

— Поднять паруса! Курс прямо на солнце! — И мои приказы начали немедленно беспрекословно исполняться, перемежаясь матами и крепкими выражениями. Удивительно, как же старое доброе избиение способствует взаимопониманию и уважению! За все последующее путешествие меня даже ни разу не попытались зарезать, пустить стрелу или столкнуть за борт, поразительное благоразумие для без башенных морских бродяг. Отравивший меня кок не в счет, в общем избиении он не участвовал, и ему пришлось преподать персональный урок вежливости, показательный, смертельный урок…

Глава 12. Некромант на пиратском острове

Незнание или непонимание предмета не
является препятствием для эксперимента.
/Находчивый студиоз/

Сегодня как никогда спокойно на улицах Сатории — островного оплота пиратства. Вернее в его центре, где живут самые уважаемые морские волки на всем бескрайнем океане, уже давным-давно навели порядок, их приструнил сам грозный Сатор. Говорят, суровые были времена, тогда морские патрули вырезали вольных хозяев морей десятками за рейд, ловили на суше и вешали на ближайшем суку или отрубали ноги, хотя признаться, тогда они и сами успешно грызлись между собой из бессильной злости за жалкие крохи добычи. Жизнь товарища не стоила и медяшки.

Появление хоть какого-то лидера стало как глоток свежего воздуха, как луч надежды на возвращение прежней разгульной пиратской вольницы или хотя бы призрачная уверенность что получится сдохнуть с кровью врага на клике, а не болтаясь повешенным на рее патрульного корвета с вывалившимся языком и полными штанами. Именно Сатор первым сколотил флотилию из десятка лоханок, просто-напросто перерезав глотки их капитанов, и через неделю стал единственным, кто смог привести в бухту тогда еще безымянного острова захваченный имперский патруль. Эти два великолепных судна после ремонта стали основой его восхождения на вершину пищевой цепочки среди местного отребья и провозглашению его королем пиратского острова.

За последующий месяц он стал тем лидером, за которым пойдет любой верящий в удачу оборванец, пойдет хотя бы из одного желания попытаться выжить под его началом, чем загибаться в одиночку или с капитанами неудачниками. Соответственно рос и флот капитана Сатора, теперь под его началом насчитывалось уже более тридцати не самых плохих судов с небывало воодушевленной победами командой. Пожалуй, он был воистину великим морским волком, раз смог обескровить береговые державы настолько, что пиратский остров до сих пор продолжает существовать. В память об этом жестоком, кровавом и умелом воине, павшем в тех морских сражениях, остров и назвали Сатория, а его лучшие офицеры стали морскими баронами, чьи внуки и до сих пор продолжают щипать глупых купцов.

О капитане Саторе ходит множество легенд, его называют королем пиратов, говорят, что он умер со зверским оскалом на бородатом лице в очередном неравном сражении. Пронзенный десятком шпаг, он продолжал, словно бог войны, разваливать солдат пополам до самого конца абордажа и только обезглавив последнего солдата, упал замертво. С тех пор больше никто не устраивает грандиозных сражений, ограничиваясь простым патрулированием и рейдами, а сами пираты перестали наглеть столь откровенно. Теперь уже и не понять где пират, а где обычный торговец, порой случается, что почтенный, но уже ограбленный купец сам берет на абордаж своего более удачливого товарища, одним словом — сущий мрак.

С тех давних пор и сложилась на острове Сатория та ситуация, что существует на нем и посей день. Бухта с говорящим названием сто кораблей и все окраины, вплоть до самого нового города, считаются территорией богачей, а именно самых удачливых морских разбойников и контрабандистов, сомнительных купцов, под чьим началом уже давно не один корабль и некоторых зажиточных горожан, вроде владельцев таверн, борделей и притонов. Ну а старый город и более мелкие бухты это отдельная, очень грустная песня, в те места не заманишь ни одного рубаку, что еще ценит свою шкуру и, тем более, там не встретишь бойцов, что берегут покой нового города.

Так вот, сегодня небывало спокойно на самых темных улочках Сатории. Еще совсем недавно, если заблудившийся гуляка забредал в эти места, то сильно рисковал оставить здесь буквально все, даже одежду, а бывало, что и больше того. Здесь обретались самые жуткие отбросы всех известных рас, люди, орки, гоблины…, ренегаты всех цветов и мастей, не было разве что лесных эльфов, но эти гордецы скорее сами придушат подобного ублюдка еще в колыбели, чтоб он не позорил их светлый облик. А поскольку сельским хозяйством упомянутые существа просто брезговали, то свернувшая не туда дама, вместе с честью рискует расстаться еще и с дорогим на острове мясом. Жуткие места…

А сегодня небывало спокойно на улицах Сатории, начинают поговаривать, что сама смерть приняла человеческий облик, чтобы забрать самых жестоких убийц и каннибалов, иногда взамен оставляя их иссушенные тела. Да, появились Вы, господин, и более никто не рискует задевать вашего верного слугу.

— Эй, как там тебя…

— Хмирионополис.

— Хмырь, значит, так будет проще. Хватит полоскать мне

уши, работать все равно придется — немного осадив словоохотливого парня начал я, — мне снова нужен материал.

Того, кого обозвали Хмырем и вправду притих. Для него Анст стал господином, страшным, непонятным, владеющим запретным искусством поднятия мертвых и от того еще более ужасающим. Но справедливым. Не смотря на богомерзкое умение заставлять трупы двигаться, ни разу еще он не убивал без веской причины, предпочитая уйти или ограничиться парой переломанных костей. А самое главное никогда не избивал до полусмерти своего верного слугу, да что там, даже ни разу не ударил. Конечно, он привык, что знакомые зовут его Хмир, но Хмырь тоже не плохо, в конце концов, такому могущественному существу простительны маленькие слабости.

Эх, вот уже третий день никто не рискует обнажать оружие, нападая на него как на приманку, соответственно пошел уже третий день, как змея господина остается без добычи, это немного пугает, кто знает на кого она накинется в следующий раз. Поначалу его колотило от страха, когда он ночью в одиночку бродил по темным, богом забытым улицам города, затем цепенел от ужаса, когда Нагайна забирала жизнь напавших. Тогда он еще не понимал насколько это просто, подхватить почти ничего не весящий после ЕЕ трапезы труп и отнести хозяину.

А сегодня снова придется тащиться на кладбище и добывать "материал". Чертовски неприятная работенка, что поделать, но безопасность дороже брезгливости. Самое главное найти достаточно старую могилу, чтобы желудок снова предательски не начал выворачиваться на изнанку от тошнотворной вони и ощущения расползающейся прямо в руках человеческой плоти. В остальном же он очень удачно попросился на службу, автоматически став из изгоя и козла отпущения неприкасаемым, его господина боялись все.

— Ты надолго завис, или все-таки собираешься шевелиться? — Нет, парень всем хорош, исполнительный, старательный, хватается за любую работу, но тормоз каких поискать.

— Лучше бы дождаться ночи… — Но поймав мой недовольный взгляд, больше не говоря ни слова, Хмырь скрылся из поля зрения, прихватив с собой мешок и лопату.

Как я докатился до жизни такой? Не так давно от большого ума приплыв прямиком на этот пиратский остров, я никак не ожидал попасть в *такую* клоаку, что нищие кварталы с их первобытными понятиями показались бы раем, но все же я сумел вовремя подсуетился и нашел способ с пользой тратить время — вплотную занялся некромантией. Где еще этим заниматься как не

в городе полном головорезов, которым абсолютно плевать, кого режут за углом, даже если это их вчерашний товарищ? Целый город волков-одиночек, лишь по необходимости объединяющихся в стаи — то, что надо для ленивых некромантов, частенько даже могилы копать не приходится, об трупы прямо по пути на кладбище и спотыкаешься.

И черт бы побрал этот отстойник всех рас и народов, потому как по неволе я застрял в нем на целых две недели, сначала из-за шторма, повредившего половину судов в бухте, а потом и из-за верфи латающей мой потрепанной корабль, в общем, приходится ждать. И именно поэтому я продолжал штудировать теорию, пытаясь освоить непростые истины: "Твои силы как мага зависят не только от уровня дара и контроля. Чем сильнее развит твой разум и чем гибче мышление, тем больше возрастают твои возможности". Черт! Этот профессор маг вообще или философ? Уровень умных мыслей на квадратный сантиметр текста зашкаливает, а толку ноль!

Конечно, я достиг некоторых успехов на данном поприще, даже не смотря на сложности смена окраса светлой силы лесного эльфа в грязный цвет некроэнергии, не дилетант поди. Первое мое детище из разряда высшей нежити и свежепридушенного голодранца попыталось меня сожрать. Второе, более послушное, едва не сожрало моего слугу. Третье, из ряда низших и простейших получилось настолько тупое, что даже не понимало команд и изображало статую, пока не иссякла мана. Прав оказался некогда добытый учебник и писавший его проф "Поднять скелет может и пьяный гоблин, а вот правильно скомандовать поднятому может не всякий маг". Дьявол побери этого правдоруба, он чертовски прав и, не смотря на все старания, идея создать мертвую стражу для своего замка терпела крах, в то время как от Сильвии все отчетливей продолжали чувствоваться нарастающее напряжение и беспокойство, плавно перерастающие в тревогу.

Мне нужно как можно скорее пересечь море, и как на зло нигде нет ни одной лоханки на это способной! Да что толку было искать? Минувшим штормом экипажи всех крупных судов сами рубили мачты и теряли снасти, только чтобы не черпать воду бортами (и мое не исключение). У двух кораблей сорвало якори и их отнесло к берегу, где они успешно проломили себе корпус и сели на мель, таким образом, надежно заблокировав доступ к так необходимой верфи. Но ничего, осталось не долго, всего пара дней, и я, наконец, вырвусь из этой помойки. А пока мне нужна армия, ведь самовольно сев жопой на теплый трон пограничного барона сложно надеяться, что беспокойные соседи на тебя не

окрысятся и оставят в покое незнамо откуда выискавшегося чужака уведшего прямо из-под носа плодородные земли и ресурсы. Что ж, посмотрим, что еще можно выжать из некромантии, авось и выйдет толк.

Согласно книге, в неограниченном количестве может нормально служить только энергозатратная высшая разумная нежить. Да-да, та самая, что первым делом попыталась меня убить. Простейшие, которых можно клепать сотнями способны идеально выполнять лишь простые действия, которым еще надо суметь их обучить и проконтролировать выполнение. Как ни крути, но таким образом можно получить только обычных големов с неким набором команд, а вот если привить нежити инстинкты — это совсем другое дело. Возьмем, к примеру, кошку, при жизни она охотилась на мышей, оставляем ей голод и инстинкт хищника, задаем параметры добычи, границы охотничьих угодий, за которые она не сможет выйти, и получаем немного пованивающий аналог простейшей мышеловки.

Весьма действенный аналог, между прочим, высшая некромантия это не железками махать, а если взять зверя побольше, тогда возможности твари возрастут многократно. Теоритически так можно одарить любой давным-давно лишенный плоти костяк, закинув в круг поднятия свежую голову кошки в качестве источника звериного начала. Такие создания, безусловно, полезны, но у упомянутого класса нежити есть один жирный недостаток, они могут нападать только на один параметр…, скажем так, добычи, например на все живое, в противном случае приходится отдавать приказы самому, что опять таки приводит нас к изначальной проблеме контроля большого числа особей. Для полноценной службы одних инстинктов и памяти мало, нужна хоть минимальная соображалка, иначе все усилия тщетны.

Можно конечно все экземпляры одарить примитивными желаниями, вроде сожрать все живое и отправить к ближайшим соседям "на вольные хлеба" на само обеспечение, но тогда уж точно жди в гости толпу с вилами и факелами. Не трудно догадаться, что проблема эта решаемая, более того уже давным-давно и проблемой то не считающаяся, необходим разве что свежий труп мага, желательно не более получаса после смерти, тогда при проведении одного занятного ритуала, получаем вполне разумную и способную выполнить сложный приказ нежить — Лурга, если быть точным. Абсолютно послушный, не способный предать, малоинициативный слуга или защитник с полным багажом знаний своего предшественника, порой особо удачные экземпляры сохраняют способность к применению

простейшей магии и способны управлять очень внушительным количеством более тупой нежити.

Но есть минусы и у этих созданий. Лург — это вам не эрудит, склонный к гениальным идеям, поставьте его генералом, и вместо хитрых обходных маневров вся подконтрольная нежить попрет напрямки в лобовую атаку. Самая главная сентенция некромантии — "Лучшая нежить получается из еще живых существ" и "Чем свежее и целее труп, тем полезней нежить". Теперь сами понимаете, такими темпами мастера меча можно искать, убивать и воскрешать годами и далеко не факт, что получится что-то дельное. Про то, чтобы создать полноценного лича, я вообще пока промолчу

Не имея фермы одаренных для опытов я изворачивался как только мог, подбирая оптимальное соотношение количества, качества и управляемости. Решение получилось неожиданное, и хитрожопостью превосходило всех некромантов современности. Воистину, впаянный в черепушку поднятого простейшего костяка накопитель с кусочком моей демонической сути решал все проблемы и делал из скелета туповатое подобие моего вассала, вернее накопитель отныне и становился моим вассалом.

После изъятия кристалл можно было с успехом воткнуть его в любой другой костяк, и тот послушно и без лишних проблем поднимался сам. Причем насколько бы изначальная модель не была никчемной и бесполезной с каждым днем она становилась все более опытной и сообразительной. Да-да, если сначала простая ступенька или яма в полу была непреодолимым препятствием, то в конце дня любая заготовка, в которую был вставлен "обученный" кристалл на ура брала любую полосу препятствий.

Признаюсь, обнаружив эти особенности, я испытал противоречивые чувства, с одной стороны мороки предстояло море, с другой стороны маячила перспектива. Будет из этого толк или нет, время покажет, а пока что в строй встает уже шестой костяной воин, которого только предстоит научить сражаться. Задача не сказать что легкая…, но и не выполнимой она никак не выглядит.

Нежити не нужно ничего запоминать, ей достаточно лишь один раз правильно повторить движение и оно будет воспроизведено в точности, как показано. Удобно, безусловно, но растолковать когда его нужно применить — бесценно! Сегодня мои творения, разбившись попарно впервые в "жизни" осознают значение слова учебный поединок, и все равно шесть запасных тел использованы по назначению, прежде чем удалось объяснить, что не нужно калечить друг друга. Спарринги, строевая, марш,

"коробочка" вокруг охраняемого объекта, команда фас и отставить, к предстоящим событиям я готовился, как только мог.

И сделал вывод, с каждым прожитым днем мои воины становятся все опасней для врагов, тому же она несказанно удобна в транспортировке. Всего и нужно, что выдрать из заготовки кристалл, а новое тело легко воссоздать на любом кладбище, и не важно, будет ли это скелет или полноценный зомби, человек, орк или эльф, в человекоподобном теле ходить и сражаться мое творение не разучится никогда. Безусловно, сейчас мои создания слабы и с горем пополам выполняющее простейшие команды на подобие стой, поди сюда и пошел вон, но вместе с тем они неуязвимы и развиваются.

Уничтожить и без того стойкий к разрушению накопитель непросто, тем более еще и укрепленный защитными рунами, а пока он остается цел, мое творение можно воссоздать вновь без каких-бы то ни было потерь. И подобно любой поднятой нежити, мои солдаты с каждой отнятой жизнью будут продолжать становиться сильней, прочнее, выносливее, наполняя кристалл отобранной силой. Невообразимые перспективы, за исключением одного вездесущего НО, медленная обучаемость при интеллекте ребенка недавно сделавшего свой первый шаг.

Сейчас я больше похожу на диковинного папашу, который учит шестерых дюжих скелетов как правильно переставлять ноги, садиться и вставать, с какой стороны браться за меч и что с ним делать. Пока получается не очень…, но с каждым часом мои творения все больше и больше напоминают нормальную высшую нежить, прогрессируя с каждой минутой, в тренировках со мной получая первый бесценный жизненный опыт.

И все эти дни неустанных занятий и муштры я чувствовал, как время стремительно утекает сквозь пальцы, чувствовал, как сгущаются тучи над моим самым первым в жизни вассалом — Сильвией. Моя суть рвалась туда, за море, где над моим новым домом нависла угроза. Что случилось, что пошло не так? Барон мертв, да здравствуют его наследники, самые ретивые недовольные уже умылись кровью, и теперь на их собственных землях стартовала борьба за власть. Остальные, вроде, проникли и заткнулись…, так в чем же, дьявол ее побери, проблема? Гарнизон замка усилен и пребывает в повешенной боевой готовности, провизии за стенами на пару лет осады, есть свой, тщательно оберегаемый источник воды — для возможной осады все подготовлено.

У Сильвии отличная охрана из двадцати опытных рубак и отрядного магика, плюс пятеро ее собственных птенцов, одобренных лично мной, не боящихся ни света, ни серебра, но

сохранивших скорость и смертоносность обычных вампиров. Закрыты все дыры, предусмотрено все, в чем мать ее, проблема?! Я злился, злились и мои создания, все яростнее звенела в поединках сталь, все чаще ломались мечи и кости, хитрее становились удары, и все серьезнее я задумывался над созданием новых, более прочных тел для моих "детишек".

И вот настал день, когда струна беспокойства наконец лопнула, не выдержав напряжения. В этот момент я отшвыривал в сторону изломанного в поединке скелета и собирался воспользоваться запасным "материалом", как ко мне пришел зов, отчаянный зов о помощи. Моему вассалу угрожала опасность, смертельная опасность, раз она решила сама связаться со мной. Злость и раздражение на неуклюжего скелета вмиг переросли в первозданную демоническую ярость на посмевших покуситься на *мою власть*, они поплатятся за это душой и жизнью! Я устремился на зов Сильвии готовый разорвать на части любого, кто встанет у нас на пути.

***

Кругом лежат тела, идет бой всех со всеми. Мелькает яркий луч света и белым пламенем вспыхивает один из птенцов Сильвии, отчаянно крича. Стоны, вопли, короткие выкрики команд, звон стали и мелькающие мечи. На пике своей скорости вампирша отбивалась сразу от пятерых, пытаясь пробиться к жалким остаткам своей гвардии, но два закованных в сталь рыцаря мало в чем ей уступают и уже нанесли первые раны. Пока не глубокие, жалкие царапины, она еще долго может держать заданный темп, но через них медленно вытекает жизнь, а противник только и ждет, как снова нанести новую рану. И в следующую секунду Сильвия осталась одна в приемном зале, больше не к кому было пробиваться на помощь, и некому было помочь, она осталась одна перед лицом смерти.

И эти трусливые крысы угрожают моим планам?! Они даже не понимают, что нет упоения боем, нападая стаей! Настал МОЙ выход и моя ЖАТВА! Все они — добыча, и да начнется Битва! Полное слияние стали и магии, вампира и демона, великолепное полотно из крови и разорванной плоти, высшее искусство смерти.

Сильвия впилась одному из заговорщиков в шею и стала жадно забирать его кровь, залечивая раны, я же поглощал его душу и жизнь, мы вместе пожрали этого жалкого глупца, что посмел напасть на нас и привести с собой толпу доверчивых глупцов. Напоследок я вырвал застывшее сердце с крупицами оставшейся жизни, и оно рассыпалось пылью в наших руках, лишенное и этой малости. ДА, как это приятно! Утолить

рвущуюся на ружу злобу и жажду убийства, почувствовать всю полноту своей силы, приумножить ее, встать на следующую ступень в иерархии демонов!

Там где я не успевал магией, моя вампирша показывала превосходство скорости и стали над амулетами воинов, жрецами и магами, вместе мы резали противника на части, вырывали глотки, упивались боем и льющейся потоками кровью. Сегодня я получил в десятки, сотни раз больше, чем затратил на перемещение, получил силу, кровь и вкусные души, а главное, теперь у меня достаточно магических ядер, чтобы навсегда забыть об ограниченности дара доставшегося мне тела. Полная и безоговорочная победа!

Единственные, кто хоть как-то мог нам противостоять — двойка сработавшихся воинов в сияющих лунным серебром доспехах, охраняющих секунду назад разорванного на части жреца. Они все еще живы только потому, что перемежают удары меча атаками магией, вынуждающей нас уклоняться. Сначала один из них принимает всю тяжесть нашей ярости на свои доспехи, амулеты и сталь, в то время как его товарищ из-за спины готовит и наносит удар. Но ничто не длится вечно, особенно в минуты сражения, в ответ на луч света я поставил щит из первозданной тьмы, а затем вонзил правую руку с изящными острыми коготками Сильвии ему прямо вниз подбородка и вырвал нижнюю челюсть, отправив в царство беспамятства от боли и шока.

А когда все было кончено, я подходил к каждому хватающемуся за жизнь телу, не разбирая на своих и чужих, и вонзал руку по самую кисть в плоть будущих мертвецов, кому в грудь, ломая хрупкие ребра, кому в спину, дробя позвонки, они не смогли ни убить меня, ни защититься, они бесполезны. Теперь я иссушал уже не только их несчастные души, с того момента как я к ним прикасался, их тела становились хрупкими как тончайшее стекло, сухими, никчемными кусками разваливающихся на глазах оболочек. Сегодня Сильвия может на долгие годы забыть, что такое вкус человеческой крови, после такого пира малейшее воспоминание о голоде отступит навсегда.

Неистовая жажда убивать на короткое время передалась и Сильвии, и сейчас у нее медленно спадал азарт, но она была не готова к таким сильным чувствам, и теперь впала в апатию еще и от перспектив, которые нарисовались после убийства жреца. Я чувствовал, как она просчитывает пути для побега, подыскивает место, где можно надежно затеряться среди людей, бросив с таким трудом доставшийся замок. После столь славной выигранной битвы, я не мог допустить своего поражения в войне.

— Ты никуда не побежишь. — Остановил я мельтешение мыслей Сильвии. — Мы обратим все нам на пользу. Расскажем на площади, как можно большему количеству людей. Ты выразишь безмерную скорбь, что поддавшийся тьме заговорщик соблазнил жреца на преступление. Окажешь всяческую поддержку церкви, поможешь выбрать достойную замену мертвецу. Как баронесса выберешь и протолкнешь того, у кого на этот пост самые призрачные шансы, чтобы потом иметь на него надежный рычаг давления. Доверчивая толпа будет просто обожать молодую храбрую вдову, верную почитательницу пресветлой, которая выстояла против предателей ее и помогла восстановить справедливость, а после уединилась в ее обители.

— Но жрец, паладины…

— Будешь месяц "пользоваться защитой храма" и замаливать убийство нечистого на руку жреца, искренне замаливать! Истинные служители богини никогда не опустились бы до грязных дворянских интриг и дележа спорных земель, так на площади и скажешь.

— Но…

— НИКАКИХ НО! — Рявкнул я, давя в зародыше ее панику. — А теперь о приятном. Задание выполнено, время получить обещанную плату, — я темной дымкой вырвался из ее тела, формируя полупрозрачный человеческий силуэт. — Кажется, он был мастером…, - задумчиво продолжил я, разглядывая расчлененный полутруп.

Дальше неторопливой походкой подошел к только-только умершему магу и засунул прозрачную руку ему в грудь. Такая материя как одежда, кольчуга и человеческая плоть не может стать преградой для чистой энергии, а энергией является все, нужно только уметь ее извлекать. А вырвать постепенно угасающее магическое ядро, забрать у мертвого тела все искры жизненной силы, что в нем еще тлеют, уже давно для меня не проблема. Самое трудное будет передать все это Сильвии, хотя она же часть меня, так что проблем не возникнет. Бережно окутав самое дорогое, что только может себе представить любой маг своей собственной энергией, я протянул ядро ей.

— Просто прислони его к своей груди, дальше все произойдет само. Скажу сразу, сильным магом в ближайшие годы тебе не стать, от уровня мастера, каким был он, тебя отделяют десятилетия. Отныне сила, что собирает ядро, станет твоей. Она залечит раны, придаст сил, станет достаточной пищей, когда вокруг не будет ничего съедобного, используй ее с умом. И, конечно же, ты сможешь получить еще больше силы все также забирая жизни разумных, но запрещаю так рисковать.

— Как скажете господин, — склонив голову, со страхом и восхищением в голосе ответила Сильвия.

— Ты должна стать самой любимой народом баронессой, оставшись при этом жестким правителем. На этот год забудь о прибыли, прикажи сервам распахать в два раза больше земель под злаки, взамен обещай взять половинный налог после праздника урожая. Укрепи оборону замка, набери новых наемников и расчисть от всякой швали все мои земли и взимай чисто символичную плату за безопасный проезд. Показательно наказывай каждого преступника, наказывай как хочешь, хоть плети, хоть позорный столб, хоть колодки, но крестьяне должны понять, что госпожа не оставит их без защиты. Убийц и насильников можешь убивать сама, но без свидетелей, чтобы ни одна живая душа не смогла понять нашу природу. На этом все.

— Благодарю…

— Ты стала баронессой, замок — похвально, ты выполнила эту часть моего приказа, но не забывай про поиск знаний о демонах и призыве. Пока же можешь попользоваться магическим ядром и его энергией. Повторю, не забывай про призыв и не смей умирать! И раскатай этих мелких дворянчиков.

Что она мне ответила — слушать не стал, жестом отправив выполнять указания. Я остался один, стоя посреди огромного зала в окружении десятков трупов и крови. Посмотрел на свою ладонь, на ней пульсировал…, нет, не накопитель, который остался зажатым рукой эльфа, а проскочивший вместе со мной малолетний вассал. Хм, тоже мне заяц. А ведь здесь осталось несколько трупов магов…, самое то, чтобы попробовать сделать из них и моего дитя настоящего лурга. Круг поднятия, который должен помочь сохранить всю память и опыт былого хозяина, пока тлен и разложение не забрали этот ценный ресурс. Аккуратно уложенное в него наименее пострадавшее тело, знаки подчинения и искра моего безбилетного пассажира, все должно получиться.

Я произнес заклинание, все прошло как надо, и вот уже лург встает на ноги и подходит ко мне, как до этого делали мои скелеты, пока не получали задание. Нужно его как-то проверить…

— Сотри все следы некромантии в этом зале, — скомандовал я, и мое создание молча подхватило за ноги два изрубленных трупа и протащило вдоль всей нарисованной кровью рисунков. Есть контакт! Еще утром любой из скелетов на такой сложный приказ продолжал бы стоять столбом и тупо пялиться на своего создателя, не понимая, что от него требуется, и что такое следы, и как их вообще стирают. И почему я раньше не догадался совместить ритуал поднятия с подселением своего… низщего

демона? И, как оказалось, торчать в накопителе им совершенно не обязательно.

Но нужно торопиться, не ровен час, сюда заявится кто-то из слуг, и что он увидит? Демона, стоящего в лужах крови посреди кучи изуродованных трупов и развлекающийся, заставляя испещренное ранами умертвие выполнять свои прихоти. Оно надо, такая слава для той, кто собрался в храм пресветлой? Поэтому, захватив все, что сегодня удалось забрать у живых людей и магов, я с низшим вернулся в свое тело. Сегодня, впервые за долгие три месяца я был по-настоящему рад. Видно, хорошо сделанное дело, разрешившиеся тревоги, усекновение головы своими руками у одного-двух беспокойных товарищей не только укрепляет репутацию и позволяет выпустить пар, но и избавляет от стресса. Истинно демоническая логика!

В полумраке комнаты я блаженно устроился в удобное кресло, а по бокам от меня, стуча костями по каменному полу комнаты, встали пять безмолвных скелетов с мечами в руках, словно стражи охраняя мой покой, трое справа и двое слева. Именно в такой позе меня застал мой верный, но вечно излучающий страх слуга.

— Мне нужен материал. — Хмырь согласно закивал, с опаской поглядывая на моих созданий или, быть может, уже низших демонов? Бесплотных демонов, способных по моему приказу занимать тела мертвецов. — Мне нужен *свежий* материал.

Вновь поднимаю шестого, до этого неподвижно лежащего скелета, поднимаю без всяких камней накопителей и заклинаний, просто приказываю своему младшему занять бесхозный костяк, предварительно немного поделившись с ним своей силой. В одиночку Хмырю не справиться со столь сложной задачей, этой ночью у него будет новый помощник, не знающий голода и усталости. Бросаю поднятому существу черную ткань плаща с глубоким капюшоном, это до поры до времени надежно скроет его внешность, возможно, позже я уберу и этот недостаток.

— Надень. — Скелет послушно закутывается в плащ и застывает в неподвижности, присущей только мертвым, в ожидании новых приказов. — Пойдешь с ним, — я указываю на трясущегося Хмыря, — поможешь найти новые тела и знания для своих братьев.

Скелет все так же молча накидывает капюшон и разворачивается по направлению к выходу, но упирается в оцепеневшего слугу. От него идет непередаваемая смесь чувства страха и восхищения мной, моим умением, силой, тем с какой легкостью я заставил себя бояться и уважать обычно бесстрашных

пиратов. Я почувствовал поклонение, и мне это понравилось, понравилось настолько, что я не прочь и дальше наслаждаться этим направленным на меня потоком эмоций. Но приказ отдан и должен быть немедленно выполнен, закутанной в плащ фигуре надоело ждать, и, схватив человека за шиворот костлявой рукой, она устремилась на выход, утягивая за собой моего… слугу? Последователя…?

Глава 13. Дорога домой

Тот, у кого работают голова и руки
Никогда не сдохнет от голода и скуки.
/Наблюдение/

Хмырь вместе с самым умным из моих созданий рыскал по городу до самого утра в поисках безмерно храбрых пиратов. Да…, "уважаемые" граждане Сатории до моего появления частенько сбивались в группы по интересам, чтобы с диким удовольствием и веселыми песнями грабить и убивать любых одиночек, изредка рискующих появиться на ночных улочках города. Но, поди ж ты, парочка-другая пропавших компаний этих беспринципных, обвешанных оружием, пьяных, напыщенных индюков, чей-то мельком брошенный из далека взгляд, кем-то пущенный слух, и больше не раздается в переулках Сатории ни пьяных песен, ни веселого смеха под крики заживо разделываемых на мясо неудачников. С моим появлением как-то пусто стало на улицах Сатории…

Но упорство нежити не знает границ, ровно, как и бахвальство перебравших вина дураков. Не прошло и пяти часов, как Хмырь на пару с каким-то незнакомцем, закутанным в черный плащ, принесли мне две прекрасные единицы наисвежайшего, до сих пор дышащего материала с переломанными в нескольких местах позвоночниками. В надетом на незнакомце плаще я с любопытством опознал свой собственный, а в немного неуклюжем теле мужчины, которое он покрывал, вместо души обитала темная сущность моего создания. Надо же…, как интересно.

— Смотрю, ты быстро научился самостоятельно менять тела, — задумчиво протянул я, от осознания того, *какое* по силе оружие только что создал, и насколько могущественными могут стать мои низшие демоны, способные по своему желанию прыгать из тела в тело. Демоны, бескомпромиссно преданные своему создателю.

— Что ж, скоро тебе предстоит научить этому фокусу братьев, с их тугой соображалкой в бою будет очень полезно занять свежесделанный труп взамен собственной искромсанной туши. — Не говоря ни слова, низший склоняет голову в знак подчинения, разворачивается и отправляется закончить начатое дело, чтобы в скором времени приступить к выполнению нового приказа. Ему не надо повторять дважды или уговаривать, достаточно будет только намекнуть и, если это в его силах, задание будет выполнено.

Двое слуг, человек и смесь некромантии и демонической

сути, еще несколько раз уходили в полумрак улиц, чтобы перетащить в мой дом всех членов банды, которую смогли разыскать. И мое создание…, оно стало достаточно умным и сообразительным, чтобы получить собственное, уникальное в этом мире имя. Немного надоело говорить о нем, как об какой-то обыкновенной безымянной вещи, статус инструмента оно переросло сразу же, как из тела убитого мага получился лург. Думаю, имя Айн подойдет как нельзя лучше, потому что он первый, кто обрел разум и стал личностью. Пять его братьев, вскормленные на ритуалах поднятия из отборных кровожадных пиратских ублюдков без малейших зачатков дара, хоть каким-то значимым интеллектом похвастаться не могли, а потому для простоты так и остались с номерами со второго по шестой.

Но материал был потрачен не зря, по крайней мере, у них появилось другое немаловажное достоинство, они научились сносно управляться с ножами, абордажными саблями и топорами, да и координация стала что надо, а навык пиратов махать оружием в самых невообразимых позициях, вплоть до болтающегося с мачты каната показался мне полезным. А самое приятное, что чем больше ритуалов со своими…, для ясности все же буду называть их младшими, я проведу, тем больше навыков они получат, и тем разнообразнее они будут. Не за горами тот день, когда все мои младшие получат от меня дар истинной магии, пока на это право может претендовать лишь Айн, но честь стать магом нужно заслужить. Глупо раздавать поощрения ни за что, особенно, если младший прекрасно понимает истинное значение этого слова.

Без сомнений, (я не удержался от предвкушающей улыбки в полумраке отведенной для ритуалов комнаты) сегодня в пентаграмме поднятия, среди залитого жертвенной кровью пола, родилась гвардия, моя элитная гвардия, и это начало чего-то большего, куда более могущественного, чем в настоящий момент. Более того, сейчас я не беспокоюсь за то, что не смогу надавать по рукам аристократишкам, и держать баронство в ежовых рукавицах, под руководством Айна пятеро его братьев легко порвут в клочья хоть сотню, хоть две хорошо обученных воинов. Конечно, если в их рядах не будут мастеров меча либо магов, но кто мне мешает усилить отряд своей поддержкой? А почему не попробовать использовать амулеты?

Время… Вот его-то как раз частенько и не хватает, ремонт моего судна уже полдня как закончен, пора выдвигаться. И, чтобы не наступить в лужу, не напороться на старые добрые грабли или не попасть в еще более нелепую ситуацию, немного разузнал о

конечной точке своего маршрута. Естественно, я прихватил с собой всех своих младших, для надежности заключив накопителе, чтобы не нервировать команду ходячими мертвецами, конечно же, не забыл я и про Хмыря, столь исполнительные и не чурающиеся грязной работы подручные ценились во все времена и во всех мирах.

Итак, мой путь лежит через море, на второй по величине материк, в самую большую страну этого мира, империю Краста, западную окраину которой мне предстоит посетить, где после вольных баронств свое начало берет великая, бескрайняя степь. Знаете, во время плавания мой слуга рассказал мне множество интересных историй про династию императора и становление империи, в которой он, собственно, и родился. Если верить его словам, то сын первого императора династии Краста, что создал империю, был не самым лучшим правителем и совсем уж никчемным политиком, умудрившимся профукать треть страны в постоянных пограничных стычках. Богатством фантазии он не страдал и также как себя и отца, назвал своего сына Краст, не иначе, чтобы не забыть, как зовут свое собственное чадо.

К счастью сын пошел не в своего недалекого папашу, а в почитаемого народом деда и проявил фантазию, назвав государство "Империей Краста", а себя соответственно Крастом III. Быстренько под шумок недовольства народа сообразил небольшую революцию и обезглавил никчемного папашу за государственную измену на городской площади, прямо на глазах у тысяч своих подданных. Не трудно догадаться, что прилюдная смерть императора, а после горячей обвинительной речи — и основной причины всех бед и пороков, его авторитет и доверие народа поднялись до небывалых вершин, рождая в душах подданных пламя надежды и веру в нового императора. Что не говори, а манипулировать людьми и управлять толпой Краст III умел прекрасно.

Дальше он всеми правдами и неправдами заключил нерушимые договора о ненападении практически со всеми граничащими королевствами сроком более чем на двести лет, правда, при этом, правда, изрядно опустошив казну. Затем он под различными предлогами забрил в армию всех до кого только дотянулись руки, и устроил настоящую кровавую баню всем тем, кто отнесся к нему легкомысленно и не пошел на уступки. Все таки армия целой империи, выступившая против нескольких королевств, при том без опасения получить удар в спину… Война длилась ровно пять месяцев, включая дорогу до каждой из столиц завоеванных земель.

Безусловно, империя изрядно истощила свои людские

ресурсы, зато территория увеличилась аж вдвое, а казна в кои-то веки ломилась от золота и артефактов. Также дальновидный Краст III в конце войны создал прекрасную военную элиту, которая наглядно доказала свою преданность императору, пройдя через огонь, воду и медные трубы, после чего и стала дворянской опорой мудрого, дальновидного правителя, положив начало династий военной аристократии. Таким образом Краст не только объединил под своей властью значительную территорию, превосходящую в разы самое большое королевство того времени и завещал детям и внукам продолжить его дело по расширению страны, но и оставил для этого все необходимое. А все страны не одно столетие лебезили перед его семьей, стремясь продлить мирное время.

Но сынок императора не внял опыту истории и заветам вошедшего в историю отца, не иначе как весь пошел в казненного на площади деда. Не от большой оригинальности он по традиции назвал всех троих своих сыновей Крастами и всю жизнь тупо сидел на заднице, пользуясь плодами работ предшественника, мотивируя все это мирными договоренностями. В какой-то момент старший из сыновей решил немного подвинуть столь пассивного родственничка, расплодившего бюрократию и проматывающего семейное золото на бесконечные приемы. Но в один прекрасный момент узнал, что не оригинален в своих желаниях, оба старших брата Краста считали себя достойнейшими, еще бы, они же оба Красты!

В итоге порядковый номер пять получил последний, младший из братьев, прекративший гражданские междоусобицы просто-напросто отравив родственников и издав указ, что отныне Краст — это имя первого претендента на трон, наследуемое старшими сыновьями, в чьи обязанности входило *обязательное* обучение более чем по сорока дисциплинам и основательная подготовка к предстоящему правлению. Таким образом, раз и навсегда был разорвав порочный круг, и на трон *всегда* восходил адекватный, образованный и подготовленный к правлению монарх. Естественно, что получилось так, что впоследствии империя Краста процветала и потихоньку расширялась, людские ресурсы быстро восполнялись, казна богатела, и однажды один из императоров вспомнил заветы Краста III о расширении границ и захотел пойти много дальше своих предшественников.

Тут уж показали себя ростки, посеянных ранее семян. Кадровые офицеры. Они подобно своим благородным отцам, дедам и прадедам заняли свои руководящие посты в полках империи и доказали всем и каждому, что потомственные военные, с детских лет изучающие искусство ведения боя вместе с

братьями и остальными дворянскими детьми, на голову превосходят любого штабного, заплывшего жиром генерала. Они дали империи новый путь развития, сделали морской державой, и, конечно же, одной из сильнейших. Но на соседнем материке они столкнулись с не менее сильной и могущественной империей и война потека по новому кругу, в новом ключе, но быстро затухла из-за огромных расстояний, больших потерь и непредсказуемой морской стихии.

Однако с того времени там, куда тянет свои загребущие руки одна из империй, с другой стороны с пугающим постоянством появляется тень другой и по дешевке делится опытом, оружием и механизмами, таким образом щелкая по носу соседа и мешая его усилению. Да любая спорная территория, зажатая в тиски противостояния двух гигантов, была рада сама исчезнуть, самоустраниться, лишь бы перестать быть игровой площадкой для сильнейших и влиятельнейших людей мира. Естественно долго такое продолжаться не могло, и вскоре противостояние двух держав вошли в новую, скрытую стадию, когда самая подлая пакость ценилась выше старого проверенного кровопускания, теперь сражались уже не воины и полководцы, а политики, купцы и спецслужбы.

Бывало и такое, что нет-нет и сами императоры задирали нос перед друг другом. Например, так Краст VII ввел новую валюту со своим орлиным профилем на монете. Естественно золото от этого не перестало быть золотом, а монета так и осталась круглой, только серебряных в ней стало уже не двадцать, а сто и называться она стала гордо — империалом. Реформа коснулась и серебра, и меди, с той разницей, что в отличие от золотых, эти монеты напротив потеряли в весе, а не прибавили.

Так же по новому закону за подделку лика императора без снисхождения и жалости рубили голову, вдобавок конфискуя все имущество в пользу империи, при этом ненавязчиво искусственно занижался курс валюты соседей, всячески ограничивался ее оборот, образуя при этом еще одну статью государственного дохода — на обменных операциях. Не иначе как в ком-то из советников, а может и в самом императоре проснулась золотая экономическая жилка. Вот как-то так и жили, естественно, было это все довольно давно и от спокойной жизни без обоюдных кровопролитных войн империи немного подзаросли жирком, но кардинально ничего так и не изменилось, как было некое равновесие, так и осталось. Вот такой вот субъективный, быть может, немного однобокий экскурс на более чем тысячелетнею историю мне довелось выслушать, пребывая на корабле.

"Почему бы такой сильной державе не вырезать пресловутых

обитателей степи, этих полудиких зеленых орков?", "Как появилось такое недоразумение, как вольные баронства?" — спросите вы. А попробуйте поймать ветер в поле, и все поймете — ведь это то же самое. Великая степь и несчетные племена кочевых орков, на поселение которых можно наткнуть разве что случайно или при большой удаче. Их количество, сколько воинов насчитывает каждое — не сможет подсказать ни один оракул, потому, что они вечно перемещаются, объединяются, дробятся и исчезают. Не единожды уже посылались карательные отряды после очередного их набега, но каждый раз, после недели по изнуряющей жаре и выжженной солнцем траве находили только вытоптанную землю покинутой стоянки. А уж как зеленокожие варвары орки добывают воду для себя и скота при таком образе жизни, до сих пор остается загадкой, естественно, для всех, кроме самих орков.

В конечном итоге изнуренные долгим походом, изнывающие от жары и жажды деморализованные, прореженные ночными нападениями отряды возвращались назад с пустыми руками. Обуздать кочевников и выжить в великой степи не смог пока еще никто, не говоря уже о сытой комфортной жизни там, где не растут деревья и практически невозможно наладить сельское хозяйство. Как вообще можно жить там, где единственная тень на километр вокруг это та, которую отбрасываешь ты сам? И на кой черт сдались такие земли империи, когда под боком есть плодородные равнины, густые леса и богатые металлами рудники? Естественно, что на степь малость… подзабили, чем орки вовсю и пользовались, наглея год от года, а империя скидывала весь ворох проблем на гордых, спесивых баронч иков, возжелавших поиграть в независимость.

В общем-то, меня полностью устраивает такое положение дел, орки — это ведь не имперцы, от их набега достаточно забросить в центр стоянки одного только Айна с братишками и можно спать спокойно, ни орков, ни стоянки больше не будет существовать. При этом можно не опасаться, что прибежит целая армия во главе со святой церковью на поиски злобного, кровожадного демона, порубившего в капусту пару сотен разумных, зеленокожие они ведь не люди, императору жаловаться не будут. Удобно. Просто. Быстро. Скажете жестоко? А на кой ляд жалеть тех, кто смеет покушаться на мои земли и не против покушать моими подданными? Вот и я о том же, смысла нет никакого.

С недавних пор все организмы для меня делятся на три категории: друзья, враги и все остальные. Количество первых я всеми силами стремлюсь не уменьшить, последних стараюсь не

задевать, а поголовье врагов сокращаю в меру сил и возможностей. Как говорится, кто к нам с мечом придет, тот мечом промеж глаз и получит. Но до этого светлого момента еще нужно дожить, а пока стоит до конца разобраться, что, мать его, твориться в сами баронствах. Что-то мне подсказывает, что не все так гладко как хочется, и это что-то — трупы паладинов Пресветлой.

***

Этой ночью я навестил Сильвию и обсудил с ней ситуацию сложившуюся в моем новом доме, и с какой стороны к ней не подходи, с какого ракурса не рассматривай, выходит, что местный святоша решил погреть свои загребущие ручонки за счет пограничья. Вот уж что я с бароном упустил, так это жадность и вероломство презирающих богатство и несправедливость. Кроме него некому было организовать и помирить ту толпу из разношерстных дворян, большей частью уже покойных наследников своих владений, будем надеяться, остальные желающие усвоят урок, и никто не обратит внимание на мор среди баронов приграничья… И почему же зачастую случается так, что в мире всегда находится одно паршивое, с виду святое лицо, которое так и тянет руки из сферы духовной к богатствам мирским?

К счастью Сильвия не теряла времени зря. Как я приказывал, она при всем честном народе облила грязью жреца пресветлой, обвинила в нарушении всех ее заповедей и зачитала такой список грехов и преступлений, что любой другой сам наложил бы на себя руки на радость слушателям. Затем она, под шум и негодующие крики возбужденной толпы скрылась за воротами того самого храма, чьего жреца недавно обвиняла, и в который ее не смогли не пустить под такой аккомпанемент голосов.

Само собой, отправилась она туда для защиты и поиска справедливости у великой богини, чей слуга так неосмотрительно "оступился". Навредить ей там не могли даже в теории по той простой причине, что сразу же возникнет еще большая волна негатива к церкви со стороны простых жителей, да и далеко не все сочувствовали покойному, ведь жажда власти и богатств далеко не сразу рождается в людских сердцах. Так что если в храме и были враги, на какое-то время мы капитально усадили их в лужу, твердо обосновавшись в их собственном логове, как временная мера этого было достаточно, чтобы ненадолго почувствовать себя в безопасности или выиграть немного времени.

Сидя в четырех стенах своей кельи, Сильвия не столько

возносила хвалебные молебны, сколько внимательно слушала. Ее абсолютный слух давненько не приносил столько пользы и любопытной информации к размышлению, как за последние пару дней. Многие даже не догадываются, что случайно услышанный разговор, обрывки фраз, интонации, настроения подчас способны поведать куда больше, чем самый пристрастный допрос, хотя бы уже потому, что человек вращается в своей привычной среде, даже не помышляя изменить своим привычкам и держать язык за зубами. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, кто поверил во весь устроенный фарс, а кому требуется дополнительное "убеждение".

— Сильвия, рад, что ты выжила, — обозначил я свое присутствие в мыслях вампирши.

— А уж я-то как рада! — съязвила она, тем не менее, обрадовавшись моему появлению и незримой поддержке, но через секунду снова посерьезнела. — Мне очень тревожно, господин. Думаю, нам придется оставить эти земли и уйти, так будет правильно.

В голове стали прокручиваться ее воспоминания, десятки, сотни отрывков, голоса послушников, жрецов и адептов, которые она слышала, находясь взаперти в отведенной комнате. Расстояния, толстые каменные стены, закрытые двери — ничего из этого не стало препятствием. И мало кто догадался хотя бы заподозрить в ищущей убежище женщине такие таланты, а тем более скрывать свои мысли в кругу старых, проверенных друзей и знакомых.

— …погибли двое моих братьев! Мы должны узнать что произошло! Необходимо отдать ее в руки инквизиторов!

— …всегда был не чист на руку, вот и поплатился собственной жизнью…

— … всемилостивая пресветлая, прими их души, прости прегрешения их. Не обойди своим светом, укрепи силы наши и волю несчастной наследницы…

— …не иначе демон попутал Тура связаться с этими баронами. Бесспорно, нет более благого дела, чем усиление влияния церкви, но очернить лик пресветлой, угробить двух паладинов охраны… Старый бездарь! Я рад, что он отправился в чертоги пресветлой, может хоть она вправит мозги этому старому пердуну. Надеюсь, на его место назначат меня…

— А баронесса отнюдь не глупа, так все повернуть…

— … как думаешь?

— …В этом баронстве у храма не будет собственных земель, а тем более жрецам не предоставят право немедленного суда над отступниками, но если оказать поддержку баронессе…

— …Для расследования прибудет инквизитор.
— … инквизитор…
— …Инквизитор…
— … выберет нового первого жреца…
— … найдет виновных.
— … назначит… виновных…

Я с трудом вырвался из какофонии голосов и разговоров. Твою ж мать! Финиш! Хрен его знает, кто такой инквизитор, но добрая половина храма верит, что он волшебным образом решит все проблемы, как самой Сильвии, так и дела духовные. Черт возьми, да для любого крестьянина после снижения налогов моя вампирша милей любого дворянина-кровососа на всем белом свете, не говоря о святых отцах. Любой допрос с пристрастием подтвердит, что при покушении мы защищались, а простолюдины будут петь в уши про щедрость и благородство. Но смерть жреца и двух воинов натасканных на порубание в капусту всего нечистого — это, блин, косяк! Точнее то, как это выглядит.

Даже если никто не поймет нашей сущности, в чем я почти уверен (кто же в здравом уме заподозрит в светлом эльфе демона?), но как, черт возьми, объяснить тела, частью разобранные до состояния конструктора, а частью иссушенных почище мумии? Что выберет ревизор: доверие и почитание народа и признает жреца отступником или его гнев и непогрешимость служителей церкви? Впрочем, отвертеться от покушения на дворянку будет сложновато, многочисленные тела охраны говорят за себя. Но при должной фантазии неудачу, да и любой аморальный поступок легко можно превратить если не в победу, то в ее отдаленное подобие, как минимум хорошенько оправдать содеянное высокой целью и навешать лапши на уши доверчивым селянам для закрепления благородного образа.

Черт! Да какого демона этот хренов святоша вообще полез в политику?! Захотелось возможности самому, без оглядки на баронов, вершить праведный суд? Да кинжал ему в почку, а не судебная власть! Земли? А то, что покойный барон позволил построить небольшой храм на СВОЕЙ земле в черте замка уже недостаточно?! Да он просто охренел от собственной наглости! Ничего, я им устрою Варфоломеевскую ночь, пусть только заикнуться про право судить моих подданных без моего на то дозволения. Вырежу. Всех. Хотя нет, нужно же соответствовать образу светлого эльфа и их природной способности нести добро даже на кончике отравленной ядом стрелы! Я не сумею отбить набег страшных, кровожадных орков и защитить одну небольшую постройку, совершенно случайно уроню туда пару горшков с горючим маслом и подопру двери бревнышком. Безусловно,

потом я вместе со всеми погорюю об утраченном оплоте веры и справедливости и построю новый храм, раз в пять больше предыдущего. Где-нибудь подольше от стен, где на следующий год его снова гарантированно разворуют и сравняют с землей. Хе-хе, эльфы и демоны знают толк в красиво обернутой гадости, у них есть чему поучиться.

Ладно. Хрен с ним, сделать ноги всегда успеется, если потребуется, сделаю это с таким кровавым шоу и неоспоримым доказательством собственной смерти, что только законченный параноик станет меня преследовать. Заметать следы я умею, спасибо, научили. Что ж поиграем в кошки-мышки, ничем новым я не рискую, не призовут же, в самом деле, и церковники демона, чтобы прикончить меня наверняка! А смерть тела… Пф, ерунда, найду новое.

— Мы остаемся.

— Но господин…!

— Послушай, нас не в чем упрекнуть. Да, ты наемница, каприз покойного барона, который упомянул нас в завещании. Они — недовольные претенденты, устроившие покушение и жрец, поддавшийся соблазну в обмен на полную независимость и собственный земельный надел храма. Ты — жертва, они — куча охреневших от жадности стервятников. Пока симпатия крестьян на нашей стороне — никакой инквизитор не захочет поднимать волну недовольства верующих и разжигать новые кровавые стычки за власть. Люди хотят сытой жизни, порядка и стабильности, а порядок и стабильность — это мы, обеспечим порядок и процветание, и жители баронства сами встанут на нашу защиту.

Поэтому, для начала собери ополчение и обещай минимальную плату, как обычным наемникам, а не греби всех подряд под обязательную военную повинность, это хоть как-то поправит дела с оскудевшим гарнизоном и еще немного украсит твой народный образ. Естественно со временем из ополчения мы сделаем нормальных солдат, за просто так свой хлеб не будет получать никто. И маги. Нам нужны маги.

Сейчас не до жиру, поэтому нанимай любых, даже неопытных. И самое главное — разумник, нам как воздух нужен хороший разумник, в идеале сильный и опытный маг из гильдии, чтобы вышвырнуть из замка всех предателей и доносчиков, неважно, сколько это будет стоить, ты должна заключить контракт минимум на полгода. Причем маг разума нужен еще вчера, так что не мешкай.

— Это будет сложно…

— Плевать. Если нужно, поначалу найми недавних

выпускников, студентов, да хоть диких, лишь бы у них были какие-то способности, нахлебники мне и даром не сдались. Устрой им надлежащую проверку на профпригодность, особое внимание удели разумнику, пусть проверяет новый гарнизон на лояльность. С таким количеством заклятых соседей не нужны никакие враги, поэтому золото можешь сильно не жалеть, лучше уж потратиться сейчас, чем вскоре потерять все. И еще, передай разумнику, что если вдруг, внезапно абсолютно все красивые девки будут по первому слову задирать перед ним подол, то на следующий день у всех мужиков внезапно появится иммунитет к ментальным воздействиям — порядок в замке будет железный.

Теперь о деньгах. Через несколько недель начнется сбор урожая, все зерно нужно выкупить нам, чтобы ни грамма не попало за бесценок в руки приезжим купцам, я не умирающий старец, чтобы терять золото на перекупщиках, мы сами способны организовать караван. От каждой деревни возьми по паре охотников, что лучше других обращаются с луками, так же загодя найми бойцов для охраны, думаю, пятьдесят хороших мечников будет достаточно. И можно отправлять людей вглубь империи, где самые высокие цены на продовольствие. Даст бог, отобьем заниженный налог и немного заработаем.

Потом обязательно загрузи работой мастеровых: мечи, болты, копья, доспехи, что не пригодится — опять же потом продадим. Что-то мне подсказывает, замок штурмовать никто не решиться, но гарнизон все равно нужно удвоить, а ворота, стены и башни осмотреть и укрепить, соответственно плотники, каменщики и простые рабочие — чтобы никто не сидел без дела и платы, у каждого должна быть работа. Мы справимся, обязаны, а с инквизитором я побеседую сам, сомневаюсь, что он доберется до замка раньше меня.

— Как прикажите, господин…

Глава 14. От суши до края рассудка

Направо пойдешь — коня потеряешь,
Налево пойдешь — жизнь потеряешь,
Прямо пойдешь — о камень запнешься
/Точка зрения /
Отступление. Инквизитор

— Эх…, тяжела работа наказующих, — заметил инквизитор, переступая через тело отмеченного тьмой демонопоклонника.

— И однообразна, из дня в день одно и тоже, — добавил его коллега, платком оттирая с белоснежной парадной мантии каплю случайно попавшей крови.

— Инквизитор Турус! Вам надлежит немедленно проследовать в вольные баронства для инспекции и расследования смерти старшего жреца храма Пресветлой и ее паладинов. Повеление патриарха, — словно вихрь ворвался в комнату допросов один из молодых адептов ордена.

— Ну вот и разнообразие, а ты сомневался, — потер руки названный инквизитор

***

Перед самым рассветом мой корабль причалил к небольшой пристани побережного поселения, где я впервые за неделю ступил на твердую землю. Последовать за мной вглубь материка отважился один только мой верный и небрезгливый слуга Хмир, остальным членам команды хватило ума не испытать судьбу, и они посчитали за лучшее поскорее оказаться как можно дальше от "ужаса и проклятья Сатории". Наверное, оно и к лучшему, ведь хороший отряд наемников легко нанять везде, где есть трактиры и постоялые дворы. Хорошие воины найдутся в любом крупном поселении, а в мирное время у них не так уж и много занятий в перерывах между контрактами. Спросив дорогу у первого попавшегося полусонного прохожего, где можно нанять пятерку не боящихся ни черта, ни дьявола рубак, я буквально через пару минут стоял напротив дверей в местное питейное заведение.

— Господин, взгляните на знак, — Хмир, обратил мое внимание на резьбу, украшавшую дверной проем, — не мне вас учить, но в империи этот знак принадлежит охотникам — Я посмотрел на грубо вырезанное прямо на уровне глаз изображение скалящего пасть волка, и, не придумав разницы между хорошим охотником и неплохим наемником, шагнул внутрь. Как говориться и хрен бы с ним.

Несмотря на ранний час, в пустом зале за стойкой в окружении бочонков, кувшинов и бутылок с всевозможными хмельными напитками своим хмурым выражением лица нас встретил бывалый воин, успевший побывать в сотне сражений, нежели привычный типаж толстячка трактирщика. Однако даже этот колоритный персонаж перенял у него дурную привычку с умным видом полировать изнутри давно уже сухую кружку.

— Кувшин вина, блюдо хорошего мяса и немного информации на сдачу, — не став любезничать и тянуть кота за хвост сказал я, пододвигая золотой империал. Несколько секунд спустя на месте, где недавно лежала монета, оказался запечатанный воском глиняный кувшин без опознавательных знаков и приличных размеров поднос, на который громила уложил солидный кусок копченого окорока, принесенный из помещения за его спиной. Буквально своеобразный здесь, однако, сервис.

— Слушаю. — Пробасил воин и стал сверлить меня скучающим недовольным взглядом человека, которого сильно тяготит чья-то назойливость.

— Мне нужно нанять пятерку толковых ребят, которые в дороге смогут обеспечить безопасность до вольных баронств. — на меня посмотрели как на пришельца, упавшего с далекой планеты под именем самая высокая ветка столетнего дуба.

— Это трактир вольных охотников, здесь каждый в состоянии решить сам, чем ему заниматься и каждый отменно владеет мечом, каждый знает на что идет. Охота за головами — не самое безопасное дело, слабаки и одиночки не выживают. Если думаешь кого-то нанять, то в полдень соберутся новички для совместного… промысла, — человек за стойкой издал издевательский смешок, — попробуй спросить у них, чужеземец. — На стойке возле кувшина появилась сдача, окончательно пресекая возможность дальнейших вопросов. Хм, довольно грубо, зато коротко и доходчиво, надеюсь, в полдень найдется кто-то поразговорчивее.

Позже и вправду время от времени появлялись посетители, кучковались по три-четыре, подходили к бармену, разговаривали, брали документы на очередную "дичь" в виде оскалившейся пиратской рожи, или осунувшейся физиономии беглого каторжника и, закупив припасы, удалялись в неизвестном направлении. Эдакий аналог гильдии убийц, где на совершенно легальной основе вам приведут беглого раба, поймают заключенного и отрубят голову преступнику. За ваши деньги — любой каприз.

И вот все эти суровые дяди как один с непониманием

косились на двух странных людей, сидящих у стены и с ленцой поедающих кусман мяса, которого им бы хватило дня на три-четыре. К тому же эта странная парочка подходила к каждой группе с просьбой о найме охраны, и это к тем, кто предпочитал заниматься несколько противоположным ремеслом, а главное — заверенными империей контрактами. Вы себе не представляете, они мне не доверяли! Были ли виной тому мои дорогие одежды, покрытая голова в купе со смазливым лицом или бомжеватая непосредственность моего спутника, в которого буквально въелся запах разлагающейся плоти и отменной по некромантским меркам мертвечины, в которой ему частенько приходилось рыться последние дни, прям не знаю. Но, не завладев всецело их вниманием, о чем-то договориться решительно невозможно! Они предпочитают слушать козлиное блеяние сопливого менестреля, чем мое донельзя щедрое предложение. И мне это надоело.

— Хмир, сиди здесь и не влезь никому под горячую руку. Сейчас я либо стану здесь своим и добьюсь нормального к себе отношения, либо добьют уже меня… — Недолго думая, что случится при неудаче, я схватил за шкирку не бог весть как затесавшегося в этом рассаднике головорезов барда и одной рукой приподнял над полом.

— Ну, что, салага, не похож ты на настоящего воина! Немедленно пой самую любимую песню всех охотников или, клянусь богами, вынесут тебя вперед ногами! — да я, блин, поэт, прижал стихоплета старушкой рифмой.

— Я… э… — "засмущался" перепуганный парень, ища глазами поддержку у завсегдатаев, и не безрезультатно, но они-то еще далеко, а я-то близко.

— Я слушаю! — на нас с угрозой и нетерпением смотрела уже половина заведения, кое-кто стал вставать…

— Охотники, — начал бард после секундной задержки, пытаясь прямо на весу бренчать себе в аккомпанемент на видавшей виды лютне, — самые крутые вояки в миирее…

— Нихрена это не моя любимая песня! — Я в самом зародыше прервал завывания перетрусившего барда и швырнул его обратно на лавку. — Но, черт возьми, она имеет все шансы таковой стать! Трактирщик! Сегодня удача была на нашей стороне, каждому кувшин вина, за мой счет! (А барду молока за вредность) — Фух (я мысленно стер со лба несуществующий пот), теперь я более или менее влился в данный коллектив, по крайней мере, на меня обратили хоть какое-то внимание (правда не везде хорошее), но каждый, кому выпало счастье выпить на халяву, больше не будет воротить нос, от моей скромной персоны. Рецепт экстремального вливания в коллектив для особо без башенных

прост и стар как мир: сначала раскрыть рот на самого безобидного, вовремя помириться, пока за него никто не впрягся и не навешал люлей. А потом угостить примирительной выпивкой всех благодарных зрителей, у которых ты теперь ассоциируешься исключительно с приятными воспоминаниями о халявном вине и душевном человеке.

Короче, повезло, главное не пытайтесь повторить этот фокус дома…

В результате моего экспромта, распития спиртных напитков и пары продуктивных диалогов сразу четверо охотников любезно согласилось составить мне компанию с условием, что могут взяться за любой контракт, если он займет не более одного дня. Не думаю, что такой срок будет для меня критичен, так что я с радостью согласился. По факту мы стали кем-то вроде взаимовыгодных партнеров, я даю им работу, в то время, когда закончились контракты, они обеспечивают мою безопасность и, если повезет, наглядно покажут, чего стоит гильдия охотников в деле.

Судя по тому, что я услышал, эти бравые парни берутся вообще за любое дело, не зависимо от степени безысходности, ведь чем больше риск — тем больше плата. Что-то вроде третьей стражи (помимо дневной и тайной), свободная и независимая, организованная и действующая с одобрения и подачи самого императора в тяжелые для империи времена. Что сказать, идея прижилась, на дорогах, в городах и селах и вправду стало намного спокойнее, причем без малейших затрат со стороны казны на солдат и патрули, напротив в сокровищницу регулярно капал налог из каждой гильдии. Я начинаю задавать себе справедливый вопрос, а не старый ли добрый великий комбинатор протирает штаны на троне? Сначала своя валюта и барыши за ее обмен, потом частная стража, которая опять же, приносит ему доход, хитрозадый, блин, правитель.

Вас беспокоят разбойники? Из каменоломен сбежали каторжники — в гильдиях есть отличные следопыты. Объявился переступивший черту работорговец, с которым не рискнет связываться даже стража — (не тереби императора) решай свои проблемы сам, напряги систему, размести контракт и готовь золото, среди охотников обязательно найдутся отличные воины. Дворянин ради смеха забивает насмерть своих служанок, надругается над слугами, организует на чужих землях ограбления и убийства. Подтверди свои слова в ратуше перед любым городским магом (считай стукани тому же императору) и, кто знает, может во сне на губы убийцы попадет капля яда, пущенная по нити с потолочной балки ловким убийцей, или он в последний

раз упадет с лошади на охоте, кто знает, кто знает. Император постарался на славу, разгребая дерьмо чужими руками.

Честно говоря, мне абсолютно плевать, чем развлекаются посторонние люди, кого убивают, кого продают, но окажись это мои крестьяне. Хм… Не люблю подобно некоторым решать такие проблемы руками наемников, причем за свои же деньги. Найду сам. Схвачу живыми, подвешу за ключицы мясницкими крюками, раскачаю и дам *своим* низшим тренироваться в меткости, после чего с удовольствием вырву души. На долю секунды в моих глазах появилась тьма и жажда страха, страданий, мучений и криков врагов, желанием вкусить свежей крови, впитать мольбы приговоренных к смерти, а губы скривились в предвкушающей улыбке.

А в следующее мгновение уже ничего не напоминало о недавней вспышке недовольства, только наемники продолжали напряженно оглядываться, шестым чувством уловив промелькнувшую совсем рядом опасность, надежно спрятанную опасность. Я научился справлять со своим гневом, но желание залить кровью все вокруг просыпается каждый раз, когда я чувствую угрозу себе, своему дому или имуществу, особенно если это самое имущество люди. Мои новые подданные должны работать и процветать, быть счастливыми и приносить прибыль. Со мной они не должны и не будут ни в чем нуждаться, сомневаться или бояться, единственное, что от них требуется — это трудолюбие и подчинение.

— Может, сделаем привал? — Прервал мои неторопливые мысли один из сопровождающих.

— На карте в двух часах к востоку, есть небольшая деревня. — Подал голос Хмир, пытаясь казаться полезным в чем-то более престижном, нежели перетаскивание мертвецов и копание свежих могил.

— Ну-ка, дай сюда. — Наемник подъехал к моему слуге и грубо вырвал из рук кусок ценной бумаги. — Кретин (повернул карту на девяносто градусов), не на востоке, а на севере, не деревня, а селение. Любопытно, что за глупцы решили строить жилье так далеко от тракта, да еще у болот? Идиоты.

— Да хрен бы с ними, — махнул рукой второй, — провизию где-то брать и так и так придется, — потом поганенько заулыбался и хлопнул товарища по плечу, — зато пожрем и выпьем как нормальные свободные люди, выспимся в теплых кроватях, надеюсь, там найдутся красивые бабы. — И заржал уже в полный голос. Н-да. Заметка на будущее, когда ко мне в замок припрутся эти парни — поселить их в хлеву, подальше от слуг и поближе к свиньям. Ну, а на дома чужие, так уж и быть, будем

смотреть сквозь пальцы, пока наемники мне нужны — пусть делают что хотят, в конце-то концов, это их мир и их порядки, какое мне, к чертям собачьим, дело? Никто не умрет и ладно. Да и селение встретило нас весьма радушно, готов поспорить, не каждого близкого родственника так встречают, аж сам староста с порога удостоил нас встречи и пригласил к столу.

Четыре его дочери (лет по восемнадцать-двадцать) расставляли припасенную для гостей дорогую медную посуду с простой, но вкусной на вид едой, не говоря уже о манящем запахе. Молодые ладные фигуры с пышной высокой грудью, словно сами просили о близости, тянулись, прогибали изящную спинку, опуская блюдо на середину стола, наклонялись за, словно бы случайно, упавшим на пол фартуком, бросали томные, полные вожделения взгляды… Черт! Мне было неприятно, когда наемники намекали о "деревенских удобствах", но ведь и я же не монах!

— Присаживайтесь, дорогие гости, вижу, вы прибыли издалека, что же заставило вас заглянуть в наши глухие места? — спросил староста.

— Сопровождаем его в вольные баронства, — кивнул в мою сторону старший из наемников, уже примериваясь, как бы половчее ухватить за филейную часть одну из порхающих между кухней и столом девушку.

— Да… Далеко вас забросило провидение, славные воины, но где же остальные ваши товарищи из отряда? — продолжал расспрашивать хозяин дома.

— А мы и есть весь наш славный отряд! — не смог сдержать радостную улыбку второй охотник, ухвативший миловидную брюнетку за талию и усадивший подле себя. Та вяло трепыхалась, краснела, но, кажется, была рада такому вниманию.

— Отлично, — заулыбался старик, — значит все в сборе и практически все охотники, а значит, когда-то поклялись защищать граждан империи от воров и разбойников, и мы смиренно просим вас о помощи. Конечно же мы сполна отплатим, пусть в селе и не все так гладко, как было раньше. А беда наша в том, что наш скромный поселок повадились обирать разбойники, каждый божий месяц требуя провизию, утварь, деньги, вламываясь в дома к нашим женщинам. — Староста сделал паузу, давая в полной мере прочувствовать ситуацию, особенно хорошо это получалось у тех из нас, кто уже определился с занятиями перед сном, а затем продолжил. — По ночам всем здоровым мужикам приходится собираться вместе, чтобы хоть так обезопасить своих дочерей. Да что там, уже полгода мы живем в постоянном страхе и боимся выйти за пределы леса, а все кто

пытался — мертвы. Поймите нас правильно, да, нас больше, но мы простые крестьяне, среди нас женщины, а у них оружие и доспехи, мы ведь не воины. Мы заплатим, не сомневайтесь, все, что вы видите на столе, посуда, приборы, все это стоит золотой империал, мы соберемся всем миром, отдадим все, что еще осталось, только помогите! Прошу.

Девушка, сидящая рядом с моим сопровождающим, с мольбой посмотрела на знак охотника, поднесла его руку к самым губам и положила на свою щеку, и, всем телом прижавшись к наемнику, нежным, чуть грубоватым голосом прошептала, — мы *очень* просим. — Боже, я проглотил комок, подступивший к горлу, да от такого и айсберг растает! Старший в четверке сразу же завел разговор с хозяином дома о численности, расположении и вооружении противника, а староста будто и не замечал, что творят его собственные дочери и продолжал договариваться о размере платы. А я… Я уже был готов схватить прекрасную рыжую особу и уединиться где-нибудь подальше от мирских забот и разбойников. Но, к сожалению, сначала дело, а все удовольствия будут немножко вечером.

***

Со слов старосты нам предстоит разобрать на запчасти каких-то десять-пятнадцать то ли бывших солдат, то ли простых наемников, паразитирующих на земледельцах и мастерах. Плевое дело для мага и четверых охотников за головами, экипированных как для ближнего, так и для дальнего боя, мы даже не стали брать с собой Хмира, как от воина от него все равно мало толку, так что пусть следит за вещами. А мы, тем временем, вплотную подошли к местам, где устроили себе пионерский лагерь наши разбойнички, все как и говорил староста, скелет, привязанный к дереву и разбросанные вокруг кости пытавшихся сбежать из леса крестьян. Неудивительно, что они трясутся от страха и готовы отдать последнюю рубаху, лишь бы избавиться от этого гнета. Долбанное средневековье, здесь прикрученный к стволу труп действует надежнее всей современной системы налогообложения.

— Стой. — я вскинул руку в останавливающем жесте. — Сейчас подниму скелета, не бог весть какая боевая единица, но тупые разбойники обделаются от моего нежданчика, — и гаденько заулыбался своей задумке. Пускай хоть кто-то скажет, что у меня нет чувства юмора, глядя на то, как труп мертвого мужика пойдет резать глотки своим собственным убийцам, сделавшим из него пугало для односельчан. Призвав Айна, я сразу же вооружил его тяжелым полуторным клинком, что носил для правой руки, а легкий эльфийский перевесил на освободившееся место. — Так, парни, а теперь хватаем луки,

двигаем дальше и молчим том, как мы все провернули. Охотники посмотрели друг на друга, на Айна и, не говоря ни слова, уже с луками наготове двинулись дальше, пропустив скелета вперед.

Благодаря эльфийскому слуху, я оказался первым, кто услышал странные хлюпающие звуки, словно кто-то большой и тяжелый бежит по мокрой зыбкой земле, с силой и чавканьем вырывая завязшие ноги. И что-то не верится мне, что обленившиеся на легком и сытном пайке разбойники устраивают вечерние оздоровительные пробежки, а меж тем звук приближался, и его услышали все остальные.

— Что за…?

Айн сместился на звук, вставая между мной и его источником, закрывая собой. Прошло еще несколько секунд, звук быстро нарастал. Треск ломаемого кустарника и на открытое пространство вылетает совершенно фантастическая рептилия. Ммать! Неужели такие мутанты рождаются на болотах? На моей памяти во что-то подобное превращался лишь незабвенный доктор Коннорс, но там поработала радиация, а это… Как вообще в лесу могут существовать люди, если в нем водятся такие… монстры?!

Даже стоя на четырех лапах, его наспинные шипы были выше любого из нас пятерых, а все тело покрывала чешуя и костяные наросты. Гуманоидные задние ноги, трехпалые когтистые мощные лапы, оскаленная звериная морда с тремя парами острых рогов на голове и горящие ядовито желтым светом глаза. Глаза…, пожалуй, это самое страшное в его облике, они завораживают, подавляют волю, намертво приковывают и земле, не позволяя сделать и шага.

Айну было проще, у скелета нет привычных нам органов зрения, они чувствуют и видят иначе, поэтому он не стал изображать из себя жертву медузы Горгоны и, сместившись в сторону, атаковал зверя сбоку, но мгновенно превратился в костяную щепу после удара хвостом, разлетевшись на много маленьких Айников. Зрелище того, как один из моих низших демонов лишается физической оболочки, привело меня в чувство. В конце концов, это мои создания и ломать их, позволено одному только мне! Понемногу старая добрая жгучая ненависть стала вытеснять сковывающий иррациональный страх, возвращая возможность мыслить и действовать.

В ход пошло все, стрела выпущенная точно в глаз монстру из тугого эльфийского лука, после чего он отброшен в сторону как малоэффективное оружие против закрытого в чешую и хитин существа. Магия: лед огонь, вода, земля, воздух и тьма, еще не успела стрела попасть в цель, а следом за ней в лицо твари

летала уже добра треть моего арсенала, скомканная в одном наспех собранном нестабильном, и от того еще более опасном конструкте. Секунда, стрела входит точно в зрачок, секунда, заклинание попадает прямо в центр вставшей на задние лапы туши — взрыв и падающая навзничь тварь.

Мои спутники продолжают стоять, завороженно глядя на встающего после страшного удара зверя и тут же раздается его рев, рев полный боли, злобы и ненависти, потребности уничтожать, не важно, что или кого, главное растоптать, разорвать, раздавить…Рвутся барабанные перепонки, из чувствительных эльфийских ушей хлынула кровь, я практически оглох, голова кружилась, ноги дрожали, думаю, в тот момент я бы с успехом наложил в штаны, если бы от страха не забыл, как это сделать.

А снова вставший на задние лапы монстр ринулся на своего обидчика, но нас разделяло живое препятствие в виде четверых охотников, именно, что разделяло. От каждого удара когтистых лап люди распадались на части, фонтанируя кровью, толчками бьющей из разорванных сосудов и артерий, а на хлюпающую под ногами траву падали развороченные внутренности вперемешку с испражнениями и содержимым желудка. Страх снова замедлил тело, мешал действовать, но пока один за другим погибали те, кто невольно меня защищал, я окончательно пришел в себя, и удар, должный отделить мою голову от тела, наткнулся на мощный магический щит, созданный с добавлением моей темной сути. А с вытянутой руки на землю упала Нагайна, чтобы вогнать свои ядовитые клыки в крепкую чешуйчатую кожу и забрать часть силы демона, да, именно демона, больше никем иным эта тварь быть не могла, теперь я это отчетливо вижу.

— КТО ТЫ? — взбешенно взревел он, не сумев пробить моей защиты.

— Кто?! — нервно переспросил я. — Наверное, Демон-пожиратель душ по прозвищу МИРУ-МИР, МЛЯТЬ!!! — и атаковал снова, проклиная собрата за свою слабость и страх.

И вот уже шестеро бесплотных теней моих низших кружат вокруг ящера, по крупице вырывая его силу, огромная змея пытается оплести кольцами ноги, сомкнуть пасть на витиеватых узлах мышц, выпить суть, и я, эльфийским мечом и магией кромсающий спину. Впрочем, после первого знакомства с зубами и когтями, о ближнем бое приходится забыть, целиком сосредоточившись на попытках сковать подвижную смертоносную тварь и защитить своих слуг. Это тело слишком слабое, чтобы наравне биться с воплощением физической мощи, но достаточно ловкое и быстрое, чтобы не дать застать себя врасплох.

Он много сильнее, но нас больше, мы быстрее и нападаем с разных сторон, прикрывая друг друга. И вот уже оступившийся демон валится на бок, а его тело стремительно обвивает змея. Он ревет, катается по земле и телам мертвецов, пытаясь выбраться, беспорядочными ударами хвоста вырывая комья земли, ломая деревья. Клубок из двух тел змеиного и ящера, крушащий все вокруг, но Нагайна знает свое дело и продолжает виток за витком оплетать тело противника, лишая его самого страшного оружия — когтей. Мы с ней начали поглощать демона одновременно, Нага, вонзившая зубы в шею и я, положивший руки на открытые раны, а следом беснующейся стаей накинулись низшие, они же стали первыми, кто насытился. Следом свою пасть разомкнула Нагайна, чтобы не захлебнуться и переварить тот объем силы, что сумела забрать, а я все пил и пил ослабевшего врага, поглощал до тех пор, пока от него не осталось ничего кроме осунувшейся истерзанной плоти.

В ушах стоит звон, навалилась усталость, но бой окончен. Настало время собирать трофеи. Да, именно так, мы победили, я победил, и голову этого демона я заберу с собой, как первого поверженного врага, с кем я сражался вместе со своей маленькой гвардией, она прекрасно скрасит великую пустоту в моем доминионе. Ведь мои низшие прекрасно себя чувствуют в нем, так почему бы не забрать материальное напоминание, как опрометчиво доверяться продажному и подлому человечеству? Не думаю, что сумел бы выжить, не будь рядом моих созданий, и тем ценнее для меня они стали, и тем больше я задумываюсь о создании им живых тел, чтобы они всегда смогли находиться возле меня, не вызывая подозрений у разумных. Но сейчас не об этом, вначале нужно осмотреть раны.

После произошедшего я выглядел страшно. Один только разодранный на груди доспех наводил жуть белеющими сквозь прорехи белыми костьми ребер. А был еще и вырванный пастью демона из бочины солидный кусок плоти, кажется, вместе с ним я лишился почки, части желудка и печени. Нет, кровь уже не сочится, благодаря когда то сделанным модификациям она остановилась практически сразу, но я все равно с ног до головы густо покрыт чужой, кровью демона и людей, я весь измазан в их внутренностях и ошметках перемолотых в фарш тел. Кругом дымящаяся, исходящая паром и вонью пережженного мяса земля. Вырванные с корнем, сломанные в пылу битвы стволы вековых деревьев, и гнетущая тишина после душераздирающего рева умирающего демона. Да я "красавчик рыцарь" после битвы с драконом на цветущей поляне, мать его…

Как по мне, так один золотой, накрытая поляна и рыжая баба

в придачу — какая-то слишком скромная плата за жизнь и за собственную душу. Эти проклятые отродья с милыми улыбками на устах отправили нас прямиком в лапы к гребаному демону за сраный золотой! Я засмеялся злобным хриплым смехом человека только что на мгновение разминувшегося с костлявой леди. Зато, в случае нашей смерти, ушлые селяне наверняка обыскали бы мои останки. Староста, тварь, кормить демона людьми взамен на их золото и снаряжение, чертова святая душа, не давал зверюшке подохнуть с голоду. Но теперь голоден уже я, и не позволит же целая деревня добрых самаритян мне погибнуть?

POV. Хмир, преданный слуга своего господина. (POV — сокр. от Point of View точка зрения)

Высокая ссутуленная фигура медленно, но упорно двигалась обратно по направлению к селению подволакивая ногу и изрыгая страшные проклятья на головы попрятавшихся по домам крестьян. Больше абсолютно ничего в ней не напоминало того, ушедшего совсем недавно, вполне довольного жизнью, эльфа, следующего в свой новый дом, разве что силуэт все еще говорил о том, что когда-то это был обыкновенный путник. Сейчас все его естество наполняли одна только не затуманенная чувствами ярость, направляемая холодной жаждой мести. Сама земля стонала от его поступи, умирая вместе с травами и растениями при каждом шаге залитых кровью ног, от малейшего прикосновения в труху осыпались ворота и засовы, а бесплотные тени врывались в один дом за другим, не замечая даже этих хрупких препятствий, верша его страшную волю, и поблизости не было никого и ничего способного им помешать.

Истошные крики пытаемых мужчин, слезы, истерики и плачь женщин, на глазах которых лоскутьями сходит кожа с близких и родных, вытекают глаза, в чудовищных спазмах рвутся мышцы и сухожилия, ломаются хрупкие кости, и никакие мольбы, никакие уговоры не могут помочь избежать их очереди участвовать в этой безумной жестокой расправе, торжестве демонической злобы. С каждым новым изуродованным и скулящим от боли и бессилия телом вошедшая в селение фигура все больше и больше становится похожа на себя прежнюю. Вот перестала волочиться нога, кто знает какие мышцы были в ней повреждены, или тому виной была сочащаяся отвратительно черной, густой жидкостью дыра в боку до самого позвоночника? Как бы то ни было, но вопрос восстановления упирался только в то, как долго придется выковыривать очередное "лекарство" из хрупких скорлупок под названием избы.

Крестьяне…, они уже не пытались бежать или

сопротивляться, лишь изредка от очередного дома доносятся новые мольбы и уверения в своей непричастности, но их никто не слушал, когда начались первые пытки, не слушают их и теперь, зачем? Согнанные как стадо, покалеченные и все еще не тронутые они закрывались от жара собственных жилищ, на раскаленных углях которых они начнут корчиться в предсмертной агонии позже. Одновременно страшное и величественное зрелище, устроенное моим господином, с этого момента его месть — это моя месть, его враги — это мои враги, если понадобится, я отдам жизнь за своего повелителя, за того, кто спас меня от участи куда худшей, чем смерть.

***

Наконец-то я нашел среди груды разрушенных домов маленький погреб, где прятались дочери старосты, эти продажные девки. Нет, я не стану их убивать или пытать…, это будет слишком просто, мелко, легко… недостойно того кем я становлюсь, чтобы выжить. Я не стану трогать их *девичью честь*, зачем, если есть куда более изощренные методы? Снять с каждой твари скальп вместе с мягкими шелковистыми прядями, отрезать уши, нос, брови… И если гадины не истекут своей продажной кровью сразу, то позднее непременно покончат с собой, по всем мировым законам обрекая свою душу на долгое скитание в чистилище без шанса на беспечное перерождение. Жаль лишь две вещи: упускать из рук столь ценный ресурс как их души и что нет ростового зеркала для той рыжеволосой заразы, что так умело меня обхаживала. Но месть должна быть сладка, на нее не стоит скупиться, тем более мне. К тому же внешность сестер прекрасно расскажет, что произошло с ее собственным, прелестным личиком. Ни одна женщина не перенесет столь пугающий позор своего уродства, мои младшие вы полнили все максимально точно, быстро и жестоко. Живым из селения не ушел никто.

Глупцы, обрекая меня на смерть, они и вправду думали, что скормят мою суть тупому демону и останутся безнаказанными. Наивные! Сорванная одежда, в случайном порядке наспех содранная кожа, подрезанные сухожилия, выдавленные глаза и судорожные метания по пышущему жаром пепелищу собственных жилищ в поисках избавления от страданий. Думаете это конец? Как бы ни так! Это начало, после смерти все продавшиеся демонам душонки покинувшие покалеченные обожженные, наглотавшиеся дыма тела попадут прямиком в мои жаждущие отмщения руки. Отмщения за то, что хотели убить, за то, как задрожали мои колени при встрече с демоном, за то, какой страх и отчаяние исходило от охотников, за то, что испугался я сам.

Еще не знаю как, но конкретно душа старосты — будет страдать, это будет ад, ее личный ад.

Свою гвардию я отправил назад в доминион усваивать отобранные силы и зализывать полученные раны, а затем помог встать на ноги Хмиру, обнаруженному связанным и избитым в одном из сараев селения. До этого мне было совсем не до его подпорченной туши, но я обратил внимание, КАК он смотрит вокруг. Все ужасы, все бесчинства, что творили мои низшие, филигранную работу Нагайны, которая парализовала беглецов, парализовала, но отнюдь не лишила чувствительности, во всем этом он видел не жестокость и отвращение, а священнодействие, правильную, высшую, мою справедливость. Он был благодарен своему господину за спасение и восхищен жестокой красотой кровавой расправы за предательство. С того момента, как он увидел меня в гневе, его вера стала крепче, он увидел воочию — каждый иуда получит за свои дела, не спасется никто. Нет блага выше, чем служить столь могущественному и справедливому повелителю, а то, что я им стану — Хмир уже не сомневался. Невообразимо сильный, бессмертный, жестокий и воздающий по заслугам, как он признался, я единственный, кому имеет смысл повиноваться, он стал одним из немногих, кому я начал доверять без всяких клятв.

Кстати, свою плату за избавление поселения от опасности я взял в полной мере, более чем стократной мере, зажиточные оказались "крестьяне". Души, золото, серебро и драгоценная утварь — все это, как и голова демона, растворилось в воздухе, в тот же миг оказавшись в ставшей вдруг такой желанной и притягательной пустоте моего доминиона.

P.S. Возможно, некоторые моменты будут исправлены, уж больно нелицеприятно получилось, но любителям кровушки, думаю, оценят. Однако такое хрена с два где-то напечатают. Короче, тестовая версия главы на ваш суд.

Глава 15. Между ангелом и бесом

Хорошо прокрашенное белое, старательно отмытое черное,

и как-то непонятна становится разница между добром и злом…

/Из трактата об изменчивости вселенной/

Отступление. Сильвия — вампирша.

Не спалось. Бесконечные заботы и тревоги вытягивают последние соки. До чего же дьявольски трудно управлять крупным баронством, безвылазно находясь взаперти в четырех стенах и каждое утро распевая осточертевшие молитвы и замаливая грехи, которые я бы с превеликим удовольствием повторяла вновь и вновь. Надоевшие приказчики, скупердяй казначей и управляющий замком, бесчисленные посыльные — с того момента, как я стала баронессой де Ганзак на моих плечах накопился такой груз усталости, что невозможно даже уснуть. Осталось лишь одно желание — вот так неподвижно лежать, смотреть в потолок и ни о чем не думать.

— …привет. — Я едва не свалилась с кровати, настолько неожиданно оказалось ЕГО появление. Фигура, сотканная из ставшей материальной тьмы, голос, в котором нет и тени эмоций, выжженный, потусторонний, пустой… Я поежилась от пробежавшего по спине холода, порой я забываю, он не человек — демон. Тем временем Анст молчал, даже не пытаясь облегчить всю гнетущую тяжесть наступившей тишины, разглядывая меня своим жутким, пустым немигающим взором, такое ощущение, что его ничто не волнует в этом мире. Мне стало страшно. Сколько он здесь? Минуту, две, а может быть час? Что произошло? Почему он вдруг так разительно изменился? Что собирается потребовать в этот раз?

— Не бойся, я не причиняю вред своим. — И снова тишина. Я что-то сделала не так? Налоги, охрана, караван, гарнизон, кузнецы, плотники… Несколько указов, ревизия, опись, сверка книг управляющего и казначея, что не так? В чем я ошиблась? Почему нет новых указаний, почему он молчит?!

— Наверное, по приезде мне понадобится демонолог. — Что!? Какого черта?! Причем тут демонолог, сейчас совершенно не до этого, к тому же он и сам…

— … и священник. — От удивления у меня отвисла челюсть. Я молча переваривала услышанное, зачем демону может понадобиться священник и демонолог? Ладно демонолог, всегда полезно самому вытащить из своего врага все о его методах и оружии, но священник… Предположим, демонолог у меня есть,

точнее ученик, сбежавший от мастера, пусть не идеальный, зато стабильный и безопасный источник информации о ритуалах, заклятьях и прочем, прошлый приказ о сборе информации давно выполнен. Теперь священник или жрец, с этим сложнее. Есть серьезные опасения, что пропажу духовного лица удастся скрыть так же легко, как безусого юнца, тем более после смерти одного из них и паладинов. Значит нужен кто-то со стороны, издалека, и лучше бы никто так и не узнал, кто и откуда появляется в подземелье родового замка де Ганзак, а главное, куда потом исчезает. За этими новыми заботами я так и не заметила, когда исчез мой господин.

***

После памятных событий моя старая одежда пришла в негодность — одно сплошное пятно и дыры. Пришлось распрощаться с курткой, капюшоном и доспехами, на смену им пришли исконно эльфийские легкие одежды, те, в которые изначально было облачено мое нынешнее тело. Я одел их на следующее утро, после того, как несколько часов просидел в ручье, пока Хмир помогал отскребать засохшую черно-багровую корку, покрывавшую меня с ног до головы. Весь путь я ехал все как во сне, изредка просыпаясь и реагируя на внешние раздражители, невпопад отвечая на какие-то вопросы… Безразличие, апатия… Кажется, я не ел несколько суток, у меня нет стремлений и желаний, да и зачем? Это тело продержится без еды и воды как минимум неделю, так стоит ли обращать внимание на такую мелочь, как голод в то время, как меня переполняют мысли и воспоминания о том дне?

Кажется, мы зашли в какое-то здание, вокруг люди, живые люди, пока живые…, я сразу вспомнил, как легко под когтями демона распадались на части тела охотников, как легко срезалась кожа под ножами моих низших. Нет. Меня так легко не убить. Я обвел зал полный хрупких тел пустым ледяным взглядом — им меня не убить, никогда, я сильнее их всех. Однажды, еще в моем мире, убийцу спросили, почему он лишил жизни стольких людей. Он ответил: "Я хотел, и я мог". Я тоже могу, многое, очень многое, и я сделал именно то, что хотел. Точка.

— А, снова "Доблестные" эльфы, — мне плюнули под ноги. — Доблесть…, вся их доблесть состоит в том, чтобы стоять в тылу, поближе к полевой кухне, в то время, как мои товарищи умирали в первых рядах, не подпуская к ним зеленомордых тварей! — А, отголоски старых битв. Я поморщился. Противно. Неужели от страха близости окончательной смерти и я могу превратиться вот в такой же кусок пьяного, жалеющего себя гумуса, который

переживает давно прошедшие дни вновь и вновь, как вот это пускающее слюни и жалеющее о прошлом ничтожество?

— Ты знаешь сколько стрел в моем колчане? — без тени раздражения или заинтересованности спросил я сидящего в паре шагов от меня человека. — Двадцать — двадцать смертельных ран. Ты говоришь со стороны моих сородичей пришло только десять лучников? Вспомни о нашей хваленой меткости. Не смотря на броню, каждый эльф отправил на тот свет не менее двух десятка орков. А учитывая дрянное качество их доспехов и привычку переть на пролом, то и все три. Хоть кто-то из твоих товарищей может похвастаться таким счетом? А теперь напряги свои никчемные мозги и скажи, сколько бы они навоевали в первых рядах без их поддержки? Молчишь… Что же касается доблести, воин навсегда должен оставаться воином, даже сидя за столом в трактире, даже когда сама смерть стоит за плечом, настоящие воины всегда идут до конца, а не пускают пьяные слюни над кружкой вина, поминая товарищей и собственную мертвую гордость. — Для кого я это говорил, для него или для себя? Кого пытался убедить? Но, как бы то ни было, именно зрелище опустившегося пьяницы, глушащего свою память вином окончательно вернуло меня в чувства.

Я с легкостью опрокинул на бок добротный дубовый стол и вплотную приблизился к лицу "солдата" — Думаешь, кто-то из мертвых обрадуется от такого внимания? Забудь войну, а если не можешь — мсти. Собери отряд, вырезай врагов ночью, по одному, спящих, бодрствующих, женщин, детей собак… Убивай пока не почувствуешь, что отомстил, или пока твоя душа не сгорит от криков и крови. Передо мной не воин, передо мной ничтожество! — И уже спокойно продолжил, — выведите его, пока он еще жив, — и проследовал дальше к свободному месту у самой стены. Я ни за что не стану подобно ему точить себя изнутри. Такого не будет никогда! Да… Я как-то резко вдруг осознал, в каком аффекте и прострации пребывал и под каким углом покатился, зато вовремя.

— Хмир, я немного устал. Помоги служанке поставить стол на место и закажи ужин, приличествующий высокородному эльфу. — За два дня я впервые его о чем-то просил, на что он искренне обрадовался, почувствовав, что я снова становлюсь прежним.

— С превеликим удовольствием, господин! — на мой столик опустился кувшин и чистая кружка, перекупленные прямо по пути. — угощайтесь, ничто так не успокаивает и не прочищает голову, как кружка доброго вина.

— Ага, и ничто ее так не туманит как вторая. Лучше

поторопись. — Нет, в чем-чем, а в предприимчивости и находчивости моему слуге не откажешь.

И кормят тут достаточно хорошо, жаль, что по статусу эльфам не положено жаркое со свиной поджаркой, а уж как жаль мою старую одежду, хранившую мое инкогнито… В принципе все поправимо, я развернул плетение диагност, нашел сегменты, отвечающие за цветовой пигмент волос, заменил с золотистого на черный и применил на себя. Оригинально, эльф с волосами цвета воронова крыла, навряд ли издалека кто-то признает во мне перворожденного. Теперь уши…, тут сложнее, излишки проще отрезать, чем убирать иным способом, зато можно сделать тугой хвост, прижав уши к голове, но увы, лень.

Меж тем в зале собралась самая разнообразнейшая публика, среди которой мелькали личности, которые мне бы очень пригодились. В конце концов, я потерял всю свою охрану, было бы разумно озаботиться наймом новой ну, или на крайний случай поиском достойных попутчиков. Хотя, пускай всем этим занимается Хмир, пусть восполняет недостаток умений расторопностью и умом, хватит делать все своими руками, раз обзавелся свитой.

Пронюхав о найме, за мой стол садились различные люди: возжелавшие приключений юнцы, слинявшие из-под юбки матери и стырившие родительский меч, заботливые отцы, решившие пешей прогулкой заработать дочери на приданное. Была и парочка воров, после нескольких приметных дел решившая двигать дальше, причем эти парни отнюдь не собирались пилить со мной в далекую даль, приноровившись обдирать путников при поддержке сонных трав. Да, умение смотреть на грешные людские души и отличать ложь от правды — творят чудеса. И конечно же ни один из кандидатов мне и даром не сдался, обуза — она и на пустынном континенте остается обузой, и единственным толковым собеседником из всего зала оказался странствующий послушник, вот кому было абсолютно пофиг в какую сторону идти, так это ему. В принципе, священник мне как раз пригодится, так почему бы и нет? одного убил, другого привел — чем не поддержание всемирного равновесия?

Он подсел ко мне за стол в надежде получить небольшую плату или же пожевать на халяву сочный окорок, как делали все его предшественники, поверьте, такие помыслы я вижу насквозь, сам когда-то был точно таким же. Совершенно неожиданно мы разговорились, и мой собеседник Турус оказался отнюдь не ярым фанатиком, несущим в массы слово богов, каким хотел показаться вначале, если честно, именно такого человека я бы хотел видеть жрецом в своем баронстве. Если в двух словах — то

он четвертый сын ничем не примечательного лесоруба, которому, в отличии от вкалывающих от зари до зари старших братьев, в детстве повезло три года проучиться в приходской школе. Где, собственно, он и проникся мудростью богов и нежеланием тяжкого отцовского труда.

После он с радостью стал одним из десятков послушников в храме, пять лет терпеливо помогал своему наставнику в мирских заботах и постигал тонкости службы пресветлой богине. Ну, или говоря проще, жил на правах слуги, в надежде на получение сана и отправку в какую-нибудь церквушку в качестве святого отца, здраво рассудив, что это куда как проще, чем остаток жизни косить дрова. Но, как "внезапно" оказалось, все теплые места давным-давно забиты на сто лет вперед, и в один прекрасный день наставник "наградил" своего послушника символом веры, и отправил нести слово божие в невежественные массы, чем молодой человек и занимался, шатаясь по деревням и читая проповеди. Народ особо просвещаться не желал, стать послушниками тем паче. В общем, кормили слабо, платили плохо и через какое-то время странствующий монах остался не только без кола и двора, но и без средств к существованию…

***

— Мне позарез как нужен нормальный жрец, что скажешь?

— "Что случилось с предыдущим?", естественно! — а парень-то, оказывается, не дурак, понимает, что к чему.

— Мертв, конечно, — Турус аж закашлялся, подавившись куском окорока и весь как-то напрягся.

— Гх, гх. А поподробней можно?

— Если подробно, то со жрецом приключилась трагический и нелепейший казус, он с парой паладинов попытался устроить на одну баронессу покушение, и та его случайно разрубила, пополам, вместе с паладинами и парой баронских сынков, их телохранителями, и парочкой магов. (и такие невинные эльфийские глазки, словно это ребенок уронил печенюшку, а не у взрослого дяденьки из распоротой брюшины выпали кишочки, а отрубленная белокурая головка закатилась за диван) Ну, ты знаешь, деньги, власть, карьера, у самых лучших из нас иногда случается такой досадный недуг. Даже немного жаль, что лекарство, оказалось излишне… действенным. — Парень "понимающе" закивал.

— Но не переживай, как вольный барон, я вполне могу повлиять на избрание нового жреца на своих землях, и готов поклясться, пока религия не пересекается с властью и не разлагает подданных, я буду оказывать ей всяческую поддержку, в разумных пределах, естественно. Сам понимаешь приграничье,

вольные земли, постоянные стычки…, вера там нужна как воздух. В принципе, мне абсолютно плевать кто, что боготворит, хоть мать природу, хоть пресветлую, хоть ни разу не стиранный, вонючий, но донельзя счастливый носок, главное, чтобы подданные были довольны, сыты и здоровы. (И взгляд честный-честный) Ты, вроде, парень толковый и не строишь иллюзий всеобщей святости, вот я и предлагаю тебе занять теплую должность там, где нужны упертые реалисты, где частенько в гости захаживают орки и людям нужна настоящая, искренняя поддержка, а не стоны о пожертвованиях и обещания лучшей жизни. Что скажешь? — он аж закашлялся.

— Что скажу?! Скажу, Что все маги, вшивые беспринципные извращенцы, сидеть вам всем в нижнем мире голой задницей на здоровенной сковородке под дружный ржач тысячи чертей! Сравнивать какие-то нестиранные носки и богов, немыслимо! Бездушный богохульник! Когда это последователи пресветлой отказывали в помощи нуждающимся? — При выгодных условиях-то? Да никогда! Потом парень почесал затылок, прикинул что-то у себя в голове и добавил, — но если обманешь, я лично принесу себя в жертву демонам и попрошу заживо содрать с тебя шкуру. — И *это* священник?! Сработаемся, однозначно сработаемся.

— Выговорился?

— Да…

— Согласен?

— Естественно я согласен, демон тебя раздери, там, где люди нуждаются в поддержке пресветлой, вкусно кормят, не заставляют трудиться и полагается быть ее ярым послушникам. А спасение твоей души мы когда-нибудь непременно обсудим, попозже.

— Спасибо, я как-нибудь сам спасусь, не утруждайся, береги силы, — я хохотнул и мы на пару сосредоточились на еде.

Вот так совершенно случайно я нашел будущего духовного папашу для своих земель. В меру религиозный, в меру эгоистичный, с парочкой тараканов в голове и со своими, твердыми представлениями о долге и справедливости, но самое главное мотивы его поступков мне кристально ясны и понятны. Этот человек успел вдоволь находиться по империи и узнать, что такое настоящая жизнь и нужда, узнать, что нет ничего кристально белого, ровно как и чисто черного, а значит смотрит вокруг точно так же, как и я сам. Добро пожаловать в мой новый дом, отче (я улыбнулся своим мыслям). Дальше мы продолжили путь втроем, да и идти нам оставалось…

***

— Эм…, а это что за "храбрые воины"? — удивился я заметив

в паре сотен метров три одиноко стоящие по среди дороги фигуры с копьями наперевес.

— Господин, не знаю кто это такие, но может обойдем? — неуверенно спросил Хмир.

— А парень ведь дело говорит, не будут добрые люди втроем преграждать дорогу конным путникам, и не конным тоже, тем более лицу духовному.

— Какое единодушие, прямо и не поспоришь. (Да и как тут спорить? Даже полный идиот догадается, что в близлежащем лесу отсиживается моральная поддержка данных добровольных пограничников. Вот только зачем баронству сдались такие погранцы)

— Ждите здесь, пойду, поздороваюсь, что ли. — Я тронул лошадь и направился прямиком к веселой троице, понемногу начиная расстраиваться от такой откровенной наглости в половине дня пути до замка. Варварский, блин, мир, ни оного леса без разбойника и ни одной дороги без потомка Робин Гуда, понаехали, мать их, нахлебники. Доберусь до дома, сразу же устрою праздник на эшафоте, нет в этой жестокой реальности лучшего мотиватора для честной жизни, чем стара добрая публичная казнь. Куда только смотрит Сильвия?

— Здорово, мужики, чего стоим, кого ждем? — осведомился я, остановившись в пяти шагах от моих разбойничков.

— Приветствую тебя на землях вольного баронства де Ганзак, путник. — Ох ты ж, вежливые попались. — За проезд полагается уплатить налог в размере всего имущества. — И наглые…

— Какие *грабительские* налоги у новой баронессы! — с неприкрытым сарказмом удивился я, делая акцент на слове грабительские, — Интересно, она в курсе, или по прибытии ее стоит уведомить? — Мои губы разъехались в издевательской улыбке. Оказывается это очень приятно вывести врага из себя, особенно, когда мимоходом отправляешь на тот свет пятерых лучников, устроивших уютные гнездышки в кронах деревьев. Не то, чтобы это было очень сложно, какие трудности могут возникнуть у мага целителя, чтобы пережать артерию сначала у одного идиота, потом у второго? А привязав себя веревкой к стволу, чтобы не грохнуться в самый не подходящий момент, они лишили себя и этой простейшей дедовской сигнализации.

— Стало быть ты здесь самый главный, — обратился я к заговорившему со мной разбойнику, — а эти двое тебе, наверное, помогаю? Хотя нет, что же я, помогают тебе всемогущие потусторонние силы, эти дрыщи помочь не в состоянии, хотя… (я задумчиво прислонил палец к подбородку), на то чтоб

подбодрить еще сгодятся. — Мужики насупились и сильнее сжали древко копий, в общем-то все что хотел, я уже сделал, остались только эти трое, дальше тянуть смысла нет. — Эх, писец вам, мужики…

Я прямо за их спинами призвал из доминиона свою любимую, раздобревшую после встречи с демоном пятиметровую кобру и она медленно, с неповторимой грацией и легким налетом сытой лени расправила свой капюшон над головами разбойников.

— Ах ты сук…, - хрусь, челюсти Нагайны сомкнулись на голове мерзавца, посмевшего раскрыть свой рот для оскорблений, резкий рывок пасти влево-вправо, и в сторону летит обезглавленное тело, а моя питомица заглатывает вкусняшку. Хрусь, и развернувшийся к опасности лицом главный "пограничник" лишается львиной части своего копья и садится задницей в придорожную пыль. Еще одно ловкое движение гибкого змеиного тела, и схваченный поперек торса третий разбойник с легкостью пушинки взмывает в воздух на высоту нескольких метров, слышен хруст раздавленных костей и на землю падают две ноги и остатки грудной клетки, а моя красавица снова заглатывает честно отработанный кусочек свежего парного мяса. Умничка, сделала все как я и просил. Наиболее горластого я успокоил сам, хорошего усыпляющего будет вполне достаточно, иначе кого же я буду казнить?

***

Турус, "странствующий монах".

— А он точно справится? — Как мне кажется, это вполне логичный вопрос, если кто-то в одиночку, сознательно, я бы даже сказал, с упорством достойным осла едет прямо на копья к разбойникам в сто процентную ловушку.

— Могущество господина не знает границ! — с каким-то суеверным преклонением выдал этот ненормальный Хмир, преданно глядя на своего хозяина. Происходящее начинает мне нравится все меньше и меньше, наверное, мне следовало поехать вместе с ним, благословение пресветлой оградило бы нас от стрел, а владение мечом этот эльф наверняка совершенствовал не одно столетие. В любом случае милость богини, да будет ему в помощь. — Пресветлая, в милости твоей, прошу защиты для раба твоего… — Но слова благословения комом застряли в горле, как только за спинами разбойников свою голову подняла гигантская змея, истинное чудовище, переполненное первозданной тьмой. Я со священным ужасом взирал на порождение хаоса, взявшись за символ веры, чтобы божественным светом поразить создание мрака и сохранить наши жизни, но…

— Что ты творишь?! Отпусти мою руку или мы все покойники! — Сумасшедший, неужели он НАСТОЛЬКО верит в своего господина?!

— Это слуга повелителя! — заявил этот несчастный и повис на моей руке словно гиря не давая через реликвию призвать все очищающий свет, а неимоверных размеров змея тем временем расправилась уже со вторым разбойником, просто на просто перекусив его пополам, лишь ноги и руки упали на землю, все остальное же сгинуло во чреве нечистой твари. Такое просто не может кому-то служить!

— Немедленно отпусти меня, иначе умрем! — Закричал я, но чертов фанатик спрыгнул с лошади сам и сбросил меня на дорогу, навалился всем телом и попытался вырвать из рук благословленный в храме посох. Безумец! Вместо того чтобы помочь или со всех ног бежать прочь, он решил сдохнуть на этой дороге вместе со своим хозяином и утащить меня с собой на встречу со светлоликой! Я вырывал посох, бил его по лицу, но чертов фанатик вцепился как клещ, словно готов отдать жизнь, лишь бы я не произнес очищающей молитвы.

Что все кончено я понял, когда нас накрыла огромная тень, можно было даже не поворачивать голову, чтобы убедиться, все было ясно как день — мое время пришло, бежать бесполезно. Прозрачная капля яда упала с саблевидного белоснежного клыка и земля рядом с моей головой зашипела, растворяя подвернувшийся камень, словно готовый взорваться реактив в лаборатории алхимика. Да, это конец.

Анст.

Я торопился разнять двух мутузящих друг друга идиотов, у которых не хватило ума объясниться словами, но Нагайна успела раньше. Всего пара капель ядреной слюны, упавшие рядышком с Турусом и он спокоен словно одурманенный ягненок на заклании (принесении в жертву). Я тоже не стал выделяться и с любопытством наклонился над застывшим в причудливой позе священником.

— А…

— Не бойся, она не кусается, — мой голос был спокоен.

— Но…

— Это она со всеми так здоровается, ты только не делай резких движений, а то мало ли что, ну…, сам видел… (Моя "малышка" раскрыла капюшон и зловеще зашипела нависнув над самой головой духовного папаши всея моих земель.)

— Выглядит весьма… устрашающе, — едва вымолвил разом побледневший Турус.

— Да ладно, — я повнимательнее всмотрелся в выражение лица Нагайны, — мне кажется, она тебе улыбается!

— Я чувствую в ней тьму и хаос…

— А я только непоколебимую верность и повиновение, — возразил я со стальной уверенностью в голосе и без какой-либо тени насмешки, — она не умеет предавать, — время шуток закончилось. Если он займет место первого жреца и будет постоянно находиться внутри стен замка, то в любом случае рано или поздно узнает часть правды обо мне, так пусть лучше это произойдет на открытом воздухе, без посторонних свидетелей, чем в получить скандал в замке на глазах у десятков подданных. А самое главное он узнает только ту правду, которую ему дам я, и будет верить именно в нее, пока я не дам повода усомниться в себе.

— Сатаэль-Аннстис, демонолог, некромант, стихийник, — заново представился я.

— Впервые слышу, чтобы среди эльфов встречались демонологи и некроманты

— Всякое случается. — Я задумчиво пожал плечами на такую однобокость светлых рас. — Быть может, погулял в молодости кто из родителей, может, уронили в детстве, к чему гадать? Что вышло — то вышло, случившегося не исправить.

— И то правда. — Мысленная команда и недовольная Нагайна исчезает, заняв свое место в доминионе, что поделать, ей почему-то не по душе тишина и покой великой пустоты.

Я перевел взгляд на своего малость помятого слугу. Бедняга Хмир, не ожидал, что с ним все так выйдет, но парень показал себя с лучшей стороны, не побоялся поднять руку на будущего первого жреца. И дело даже не в том, что Турус пользуется популярностью у светлой богини, а что он на голову выше ростом, старше, шире в плечах и в довершении всего сын лесоруба, у него просто не было шансов против такого противника. Картинно возложив руки Хмиру на голову, я умиротворенно закрыл глаза и явил благодарным зрителям присущее исконно светлым героям чудо исцеляющего прикосновения. Ну ладно, ладно, я просто заранее заполнил энергией давным-давно подготовленный эльфийский конструкт, которым не так давно сам вовсю эксплуатировал для модификации своего организма. Не думал, что пригодится так скоро, но парень давно заслужил возросшую силу, реакцию и выносливость. Мои верные слуги просто обязаны быть способны на нечто большее, чем умение раздобыть информацию и контрабандой достать всякую мелочь. А Турус пусть знает, что в противовес тьме во мне присутствует и изрядная доля самого что

ни на есть чистейшего света, это как нельзя лучше дополнит мой новый образ, некромант-целитель, неразрешимая загадка противоречий.

— За поворотом будет последний постоялый двор, выпьешь?

— Спрашиваешь? — … - Или предлагаешь? — все еще пребывая в легком шоке уточнил Турус.

— И то и то, мой друг! — довольный завершившимся представлением ответил я, — и то и то…

Глава 16. В родных стенах

Нежданный гость просто обязан сгладить
возможную неловкость хорошим подарком.
/Из правил хорошего тона/
Не ждали? А я пришел… Подпись 3,14здец.
/Анекдот/

Сидели, молча, каждый думал о чем-то своем. Старина Турус старательно переваривал произошедшее за последние дни, обдумывал новые перспективы, понемногу потягивая легкое вино и неспешно пережёвывая закуски. Один литровый кувшин мы уговаривали почти второй час, так что каждый из нас оставался в состоянии принять твердое, обдуманное решение.

— Я должен быть уверен, что поступаю правильно, — заявил он.

— …?

— Я хочу знать, что в твою душу не проникли те хаос и тьма, которые переполняли призванное тобой существо. Я своими глазами видел, ты действительно сумел подчинить его, обуздал бушующую в нем мощь, но темная сторона слишком коварна… Она обманывала лучших из нас, соблазняя, незаметно, капля за каплей проникая в душу, ты сам не успеешь заметить, как начнешь становиться точно таким же алчущим чужих страданий орудием хаоса. — Кхм… Любопытно… и чертовски похоже на правду. Но полагаю, что если он здесь и сейчас не сможет развеять свои подозрения, я потеряю доверие своего спутника, а главное ту поддержку, которую он может оказать в качестве жреца, в такие моменты нужно быть максимально честным.

— Как ты понял, мне сложновато верить в тех, кого я никогда не видел, но ведь стремление к свету можно доказать и иначе, нежели простое чтением молитв. — Турус в ожидании посмотрел на меня, наш взгляд встретился. — Поступки красноречивее любых слов доказывают кто мы есть на самом деле. К примеру, я всей душой ненавижу демонов, и не в первый раз они мрут от моей руки, и уже раз магия спасает жизни обратившихся ко мне за помощью, это ли не признак света? — Турус молчал. — Ну и какие еще доказательства тебе нужны?

— Прими очищение. — М-да. Но думаю было бы глупо в такой ответственный момент начинать интересоваться у священника, что это вообще такое за божественное вуду, и какими неприятностями оно грозит… Но черт побери, моя вампирша не первую неделю протирает штаны в самом сердце храма светлого божества, от скуки поплевывает в потолок и

периодически рулит баронством, по вечерам неистово молясь о спасении своей души. Как-то сомнительно, что со мной произойдет что-то непоправимое.

— Приступай, — легко согласился я, вполне уверенный в результате, и на мое плечо опустился выданный Турусу по окончании обучения символ веры, а зал таверны заполнила ярчайшая, режущая глаза вспышка света.

Малая частица божественной силы проникала через кожу, без препятствий проходя через остатки эльфийской души, вызывая небольшой дискомфорт и легкий неприятный зуд. Ничего особенного, перед богами я чист аки младенец, не поклоняюсь, но и не отвращаю верующих, не помогаю, но и не приношу вреда. Однако у неразумной божественной силы были свои выводы на этот счет, и с моими они абсолютно не имели ничего общего. Добравшись до моей сжатой сути она стала обволакивать ее, сдавливать, разъедать. Я не специалист и не знаю, что происходит, когда свет сталкивается с тьмой, но если огонь встречается с водой образуется пар, причем если это происходит в закрытом котле — обычно случается взрыв. Надо ли говорить какие нехорошие мысли посещают голову, когда подобные антагонисты враждуют внутри твоего собственного тела?

Турус, колючий, но пушистый.

Ну вот и подвернулся подходящий случай прощупать этого эльфа, даже если ненароком и умрет, то сам же ведь и согласился, впору самодовольно потирать руки. Хотя это еще тот пройдоха, вреде бы и светлый, но тем не менее ему беспрекословно подчиняется тварь, целиком состоящая из тьмы и хаоса, вылезшая из преисподней, думаю, не трудно понять мой скептицизм, даже не смотря на некоторые возможные проблемы от его соплеменников. Если этот человек, тьфу ты, эльф и вправду владеет обширными землями, на которых мне якобы предстоит жить и заведовать храмом, я как бы должен быть уверен, что не ввязываюсь ни в какую грязную историю, завязанную на темных богов.

— Приступай. — Этот Анст спокоен как латник перед голозадым ополченцем, что ж, уж я то изгоню из этого безбожника всех демонов вместе взятых. Вместо обычного прикосновения божественного света, как поступил бы простой священник, я одарил его почти всем запасом той силы, что собрал в молитвах за весь последний год, зал наполнил мягкий ласкающий тело свет, привлекая к нам всеобщее внимание. Прошла секунда, затем другая, эльф все так же неподвижно сидел зажмурив глаза и, кажется даже не дышал, и это странно. Если бы

он был чист душой или на ней присутствовали темные пятна, божественная сила давно бы вернулась обратно вымывая и выжигая все, что неугодно богине, если бы передо мной сидел демонопоклонник — его бы разорвало на части от той мощи, что была некогда заботливо собрана. Но не происходило ничего…

Внезапно Анст сделал глубокий вдох и открыл глаза, они светились. Нет, сияли от переполнявшего их первозданного света, который совершенно не спешил ни навредить, ни покинуть эльфа. Я сидел и завороженно смотрел, как медленно его взору возвращается привычный зеленоватый оттенок природы, которую они, вроде бы, должны почитать. Невероятно! Большая часть божественной силы, что хранилась в моем артефакте была проста взята и усвоена смертным! На такое способны только адепты богини или по настоящему чистые душой избранные… Наверное, теперь я должен быть спокоен, мало того, что в момент убийства жреца его не было в замке, так еще и богиня не отвернулась от него свой лик, пусть немного и жаль стольких дней проведенных в молитвах.

— Ты чист, — я с легким налетом недовольства убрал с его плеча посох, не думал, что он сможет выжить. — Но как ты удержал…

— Э не-т! — протянул эльф и помотал указательным пальцем. — Что упало — то пропало, сам отдал — считай подарил, а подарки обмену и возврату не подлежат. — И как ни в чем не бывало с довольной сытой ухмылкой и захмелевший от удержанной мощи головой принялся за вино. Вашу мать, да как такое корыстное, самодовольное существо вообще может быть чистым душой?! Да по сравнению с ним я гребаный аватар богов! Прости пресветлая мои недовольные речи. Но с другой-то стороны, с ним довольно интересно, и простая формальная проверка может вылиться в нечто большее, еще бы, с таким-то ручным питомцем у новоиспеченного барона. Пожалуй на некоторое время я все же задержусь в этом захолустье…

Анст

— Турус, да не переживай ты так и сделай лицо попроще, скоро у тебя будет целая паства и храм в придачу! Считай это справедливым приветственным даром единственному ушастому барону вольных земель. Все рады, все довольны (Особенно я, а рядом с кристаллом первородной тьмы появилась маленькая песчинка божественного света, как оказалось, создание я вполне себе всеядное).

Ну да ладно, посидели, покушали и хватит, замок сам сюда не придет, пора и в дорогу собираться. Но тут я заметил как

какой-то невзрачный оборванец тихонько смачно выругался, и украдкой положил половому золотой, причем тихонько он матерился для людей, а эльфийский слух позволил расслышать намнооого больше.

— Какой подозрительный богатый оборванец, — все еще не отойдя от недавнего события пробормотал я, глядя на объем сдачи, — в деревне столько не заработать честным трудом, он обязан поделиться…, в смысле внести пожертвования на благо церкви и покаяться! — Пришлось немного сгладить углы под вдруг потяжелевшим взглядом Туруса, как-то не замечал я раньше за сыном лесоруба подобной мимики. А, ерунда, у меня сегодня праздник новой плюшки, прощаю всех! — Пойдем, Турус, я покажу тебе наш новый дом!

***

И к вечеру мы таки достигли моего замка. Раскинувшийся на холме, окруженный крепостными стенами, он потрясал воображение городского жителя своей величиной и внушительностью, красота идеально совмещенная с мощью и величием, моя прелесть. Глядя на это великолепия, я задавался вопросом: "как вообще раньше жил без этого замка?" Вблизи, в лучах предзакатного солнца, когда вокруг на сколько хватает глаз раскинулись леса и поля, весело стрекочут кузнечики, умиротворенно шелестит трава и мелодично щебечет свою последнюю на сегодня песенку пичуга* (разг. маленькая птичка) — невозможно представить места приятнее глазу.

— Стой! Кто идет? — А вот стражу лучше не замечать.

— Идиот, Эльф идет! — страж пропустил оскорбление мимо ушей, а не такой уж он идиот…

— Замок на осадном положении, незнакомцев пускать не дозволено. — мне в нос уперся кончик алебарды и с десяток ее сестричек держали поднятые с лавки пинками солдаты.

— Тогда доложи Баронессе, что приехал первый наследник Аннстис, да поживей.

— Баронесса на вечернем молебне, господин, беспокоить не велено.

— Слушай, ты совсем дурак или только прикидываешься? Зови старшего, раз сам нихрена не можешь, тебе ж здесь еще служить и служить. — Вперед сразу же вышел молодой, пока еще безусый парень, до этого лихо построивший десяток, в нем чувствовалось нечто отдаленно родное, близкое. Я перешел с эльфийского на демоническое зрение. Ну точно, так и есть — вампир, свежеслепленный птенец Сильвии с ма-аленькой частичкой моей темной сути, позволяющей ему свободно гулять под солнцем и не пускать слюни на каждую людскую шейку.**(имя**

Сильвия является небольшим косяком и расходится с первой книгой, дабы не вводить в заблуждение заменю после написания)

— Как ты смеешь называться именем моего господина?! Наш барон человек!

— Ты совсем охренел что ли? Да стоит мне только приказать и ты… — Хрясь! И я в растерянных чувствах упал с подбитой челюстью, Боюсь на ближайший час моей нормой станет 31, 32 остались в прошлом…

— Чагой-то не признали? — ввернул шпильку Турус.

— Просто здесь так фдороваются, — ответил я выплевывая выбитый зуб и по старой привычке нащупывая в пыли добротный камень. С должным усердием приложенный к голове он работает одинаково надежно хоть в первобытном строе, хоть в двадцатом веке.

— Мой господин никогда бы не опустится до того, чтобы путешествовать в компании со святошей и вонючим нищебродом. — Каков гавнюк! Дать по роже собственному сюзерену и обгадить его свиту! Вот удивил, так уж удивил! Но ничего, я тебя научу родину мать любить. Пока я поднимался выбрасывал бесполезный рефлекторно взятый камень и возводил магические щиты, жучара Турус, насвистывая мелодию, отошел в партер, и всем видом демонстрировал, что вообще не при делах, так мол, мимо проходил, а тут такое!

— ПОДОЙТИ! НА КОЛЕНИ! (хрясь) ВСТАТЬ (хрясь) Встать (хрясь), встать! (о защиту ударилась первая арбалетная стрела). Ну что признал?! — Сплевывающий зубы аки семечки, пускающий кровавые слюни, стоящий на коленях вампир силился что-то прошепелявить. — Громче!

— Фда! Профтите, гофподин!

— Ну вот и поздоровались, а ты боялся. Суровые, мать вашу, у меня тут обычаи. Веди, что ли к Сильвии, а то давненько мы не виделись.

Вы только не подумайте, ее я так приветствовать не собирался, но кое-какие нестыковки надо бы прояснить. Идти по городу, ведомым избитым вампиром и сопровождаемым почетным эскортом из двух десятков напряженных наемников, старательно следящих, чтобы я окончательно не добил их дражайшего нанимателя, — навевает некоторую неловкость, не находите? Вот это самое ощущение и нужно было поскорее разрешить. Поднимаясь по ступеням храма в келью, где расположилась моя вампирша, я все же решил не сильно торопить события и дать ей возможность самой прояснить ситуацию.

Постучав и, не дожидаясь ответа, я вошел в монашескую обитель.

— Минут…, - Сильвия попыталась притормозить не званного визитера, но увидев кто входит в комнату, оборвала себя на полуслове. — Господин, — она склонила голову в знак приветствия.

Я кивнул в ответ и обвел взглядом комнату. М-да, а тут многое изменилось с момента моего последнего посещения, стало как-то теплее и уютнее что ли. На цветных витражах, сквозь которые была видна сменяющая солнечный день ночь, появились ниспадающие темно багровые занавески, прикрывшие изъяны грубо сложенных каменных стен, холодный серый пол устилали пушистые ковры с причудливыми рисунками, на и без того заваленном бумагами столе добавились книги, карты и новые документы, а шкафу явно прибавилось одежды, и далеко не вся она напоминала скромную монашескую робу. Благодаря присутствию Сильвии простая келья понемногу стала приобретать черты самых богатых помещений баронского замка, сколько же она тут живет? Кажется немногим меньше месяца, или около того… А в довершение картины, простенький деревянный табурет, который стоял здесь в самый первый день, сменило массивное кресло, покрытое дорогими тканями, на которое и опустилась моя баронесса, и по тому как она сжимала в руках меч, поглядывая на лежащий неподалеку точильный камень, я понял, что молитвы у нее не в чести.

— Раньше ты выглядел иначе, — удивленно сказала она, а я почесал длинное эльфийское ухо.

— Люди меняются, чтобы выжить.

— Люди? — она удивленно изогнула бровь.

— И они тоже…, - уклончиво ответил я.

— А я запомнила тебя человеком… В завещании первым наследником указан Аннстис, человек… — наступила минута тягостного молчания, пока я переваривал услышанное и проводил параллель со случаем у ворот. В первую нашу встречу я и вправду выглядел как человек, а после появлялся исключительно в виде невзрачного силуэта, сотканного из теней. А в завещании указан человек…

— ЧТО?! Да куда ты смотрела?! Дьявол! Делай что хочешь, дари, завещай, да хоть усыновляй, но я должен быть хозяином своего собственного дома! — Сказать, что я немного расстроился от такого крутого поворота — значит тактично промолчать. Столько времени, всей душой стремиться посетить эти земли, разумом привыкнув считать их своими, что бы потом узнать… Рррр. Демон тебя раздери! Конечно Сильвия выполнит каждый мой приказ, ровно как и любой разумный, который принял хоть

малейшую частицу моей сути, но черт, как же обидно, вместо правителя неожиданно оказаться серым кардиналом.

— Ладно, отставить усыновление, — успокоил я шокированную Сильвию, — в общем-то так тоже не плохо, в конце концов никто не станет докапываться как эльф стал бароном в человеческих землях, это уже плюс. Тем не менее тебе придется представить меня всем ключевым фигурам, как свою правую руку, чтобы каждый усвоил: мои приказы — это твои приказы и не задавал глупых вопросов.

— Как прикажете, господин.

— И перестань называть меня господином, а так же повелителем, князем и владыкой, это будет по меньшей мере странно, хотя и здорово тешит самолюбие (разве что наедине, и да, от скромности я не умру)…, - я задумчиво замолчал. — Зови меня просто Анст или Сатаэль, а вообще, что-то многовато у меня становится имен…

— Как вам…, тебе будет угодно, Сатаэль. — постаралась принять правила игры Сильвия

— Моя комната готова?

— Покои барона де Ганзак с самого первого дня дожидаются твоего приезда.

— Отлично, тогда я пошел. И да, чуть не забыл, со мной прибыл странствующий проповедник Пресветлой, его зовут Турус, он будет новым первым жрецом, и Хмир, мой верный слуга, ему можешь доверять как себе, им обоим так же нужно найти комнаты и устроить на ночь. Остальное решим утром, а до тех пор мне нужно немного подумать. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Анст. — успокоившись выдохнула Сильвия вслед удаляющемуся эльфу.

Сильвия, старательно замаливающий грехи чистокровный вампир

Наконец прибыл мой господин и, как всегда, я оказалась не готова к его очередным выходкам, такое ощущение, что ему доставляет удовольствие ставить меня в тупик. То он демон, то человек, то бесплотная тень, а теперь и вовсе предстал передо мной светлым эльфом, но почему-то с черными волосами. Да он меняет обличия и расы точно так же легко, как я меняю перчатки! Вот скажите, как мне следовало занести его в завещание покойного барона де Ганзака? Первый встречный, который назовется Анстом станет вашим сюзереном? Или, быть может, оставить пустую графу, в которую вписать его очередное имя? Интересно, сколько их у него, десятки, сотни, или же тысячи? А, какая разница, в любом случае ни один здравомыслящий маг бы

не заверил подлинность такого завещания, посчитав де Ганзака выжившим из ума старым маразматиком. А это его усыновляй, да он в своем уме? Как человек, пусть даже он вампир, может усыновить эльфа, который на самом деле демон…? Оу, что я вообще сейчас подумала? Этот чертов демон сведет с ума любого! О, моя несчастная голова, пресветлая помо…, тьфу, привязалось, после стольких молитв и испытаний я скоро стану святой! И до этого было несладко, а теперь вообще чувствую себя сидящей на бочке взрывоопасных алхимических реагентов посреди лужи горящего масла. Боги, лишь бы господин смог сдержать свой гнев, когда узнает, в каком печальном положении пребывает его баронство!

Глава 17. Решая проблемы

Дома и стены помогают. Так что обзываем
стены палаты домом и они нам помогут!
/Сумасшедший оптимист/
Рай для слабаков, Ад — вот выбор настоящий мужчин!
/Жизненная позиция грешника/

Доброго утра добрым людям! Сегодня Турус принимает дела в храме, так что у него теперь своя головная боль, как обеспечить процветание своей вотчины и тому подобное. Хмир на птичьих правах шастает по всему замку в компании с тем самым пострадавшим вчера вампиром, чтобы вечером сообщить мне все области, в которых требуется мое внимание, а также последние слухи и сплетни. Ну а я сейчас встречаюсь с "первыми парнями на деревне": казначеем, управляющим, главой гарнизона и старшими из наемников, для них меня представили как вторую персону после баронессы, и прозрачно намекнули, что в первую очередь следует слушать меня и только потом всех остальных.

— Приветствую вас, господа! Мое имя Сатаэль, для друзей просто Сат или Анст, — с порога я представился и выразил свое почтение целому десятку неодобрительно смотрящим на меня людям. Сегодня для них я неизвестная величина, не весть откуда свалившаяся на их головы и не заслужившая ни авторитет, ни доверия, но ничего, это поправимо.

— И так, начнем с самого важного, управляющий, вам слово.

— Положение незавидное, милорд. Очень непросто снабжать провизией тысячу с лишним наемников, еще несколько месяцев и мы начнем голодать. — Я нахмурился, но заскучать не позволили сами наемники.

— Ах ты выкидыш свиноматки, то гнилье, что нам поставляют ты называешь провизией? Да ты сдохнешь от поноса, если сам сожрешь хоть один фрукт из тех, что нам привозят! — И далее пошел такой объем брани из глоток наемников, что срочно пришлось восстановить статус кво.

— ТИХО! Мать вашу. С сегодняшнего дня управляющий питается только тем, что отправляет наемникам! И сами наемники за этим проследят. — С их стороны раздались одобрительные возгласы, управляющий скис. — У крестьян, в том числе из близлежащих баронств, скупить все излишки продуктов, до сбора урожая дотянем, дальше будет легче. Плакали мои поставки зерна в империю, но ничего, раз будет избыток хлеба, значит все будем жрать хлеб.

— Нам не хватит золота на выплату жалования! — подал тонкий голосок оплывший жирком казначей. — В настоящий момент на жаловании одна тысяча сто тридцать наемников, из которых триста конные, гарнизон замка триста пятьдесят воинов, конюшни на пятьдесят семь голов, также баронесса набрала сто человек ополчения и двоих магов! В этом году у нас почти не будет налогов, а если мы начнем хоть что-то закупать…!

— Какой годовой доход был у баронства в минувшем году? — прервал я театральные стенания едва не пускающего слезу казначея, у которого стремительно пустеет кормушка.

— Не многим больше двух тысяч золотых.

Я присвистнул от такой цифры, хорошо тут до меня жили, не жирно, но хорошо, не удивительно, что на сладкий кусок по налетело столько наследников. Что сказать, налоги рулят! Следующей ступенью по уровню заработка стоят замковые мастеровые. Один только хороший опытный кузнец может за тот же год принести полторы сотни золотом, а то и больше.

— И в чем тогда проблема?! Сомневаюсь, что беспомощный старик, коим последние несколько лет являлся покойный барон, промотал такие бабки на балы и продажных дев…

— Милорд! На дорогах баронства стало не безопасно, караваны отказываются ходить через наши земли, предпочитая безопасность коротким путям, с южной границы деревни постоянно грабят, от туда, где нет лагерей наемников, уходят люди! Мы едва сводим концы с концами, наши запасы золота не безграничны! Часть пашен пришли в негодность! — Вот те на…

— Остаются старшие наемников и гарнизона, остальным выйти вон.

— …

— ВОН, я сказал! — кок только лишние люди вышли, я продолжил.

— Так мужики, какого хрена вы еще не прирезали тех уродов, что пускают кровь моим подданным, чего ждали? — Вполне резонный вопрос, но все же надежнее будет следовать аксиоме, что если нужно, чтобы все было хорошо — сделай это сам. А вопрос пока оставим риторическим.

— В замке остается гарнизон в две сотни солдат, один маг и ополчение, остальные идут на юг умывать кровью ублюдка, который возомнил себя бессмертным. Возражения?

— Мы не сможем взять замок де Геррот одной тысячей и четырьмя магами, нас сомнут. — Заявил самый старший из вояк. — Тамошний новый барон сошел с ума, вдолбил себе в голову, что за счет нас расширит свои северные границы и копит силы для вторжения.

— Что на эту тему говорила Сильвия?

— Дождаться вас, господин, — так…, понятненько…

— Устранить пробовали?

— Четыре покушения. Подонок даже в сортир не ходит без мага телохранителя после смерти своего отца, а еду проверяет специальным артефактом. — Я стал нервно теребить край куртки, одно дело разрулить дела с налогами и провиантом, а совсем другое выиграть пусть маленькую, но войну. Причем основная задача не напортачить и не раскрыться.

— Сколько магов?

— Семь, — ответил один из наемников, — и две тысячи мечей. — я задумался.

— У нас?

— Вдвое меньше и четыре наших мага плюс замковый, не считая вашу магичку с ментальной магией. — Не очень хорошо, разница более чем в два раза. Можно попробовать скомпенсировать, закинув моих низших и таким образом убрать половину мечей, но костью в горле останутся маги, сомневаюсь, что мои создания настолько сильны, да прибавятся паладины и церковники. Я конечно маг не из последних, но будем реалистами, опыта сражений у меня нулевой и, если откровенно, то без демонической силы максимум на что меня хватит это дуэль с по-настоящему опытным противником, иначе снова… церковники.

— Многие понимают к чему все идет, и не все согласны идти на верную смерть за золото…, - еще хуже, но хотя бы честно.

— Значит попробуем рубить гидре голову. Я сам прикончу засранца уж на это меня точно хватит (отыграю камикадзе, не впервой), нужно только придумать как до него добраться.

— В этом-то как раз нет нужды, — заметил начальник стражи, — завтра днем будет его официальное принятие титула, юный де Геррот твердо верит в традиции. Как представителя баронства де Ганзак на это мероприятие вас не посмеют не пустить, только это все равно бесполезно. Там наверняка будут все семь магов, личная охрана и десятки дворян, чтящих этикет, которые не слишком обрадуются, если на их глазах прирежут одного из них.

— Посмотрим… — немного задумчиво протянул я, взвешивая все за и против, все-таки потерять очередное тело — сомнительное удовольствие. Но что меня по-настоящему волнует, так это будут ли маги и наемники верны этому де Герроту и продолжат ли мне гадить после смерти нанимателя или все же разбредутся по своим делам? И, кажется свой вопрос я задал вслух.

— Пока платят, нам все равно кому служить, — флегматично пожал плечами наемник.

— Что ж, вот и посмотрим сколько у него останется воинов, когда им станет нечем платить. Решено. Готовьте людей, обозы и провиант, через неделю мы идем расширять мои южные границы, — я предвкушающе улыбнулся, от чего все присутствующие подались назад, а по их телам побежали мурашки. — Военный совет окончен, все свободны. Да, и позовите назад казначея и управляющего, к ним у меня есть еще пара вопросов.

— Итак, для начала давайте определимся, какой суммой мы располагаем в настоящий момент?

— Три тысячи четыреста империалов, — недовольно признался казначей.

— В таком случае нанимаем еще минимум троих магов…

— Невозможно! На десятки километров вокруг не осталось ни одного наемника!

— Неприемлемо! — вторил управляющему казначей, но оба напоролись на мой переполненный сталью взгляд. — То есть, я хотел сказать, это нас разорит…

— Это не должно вас волновать, вообще. Не стоит подвергать сомнению мои указы, иначе я могу подумать, будто это ваш личный кошель внезапно показал подкладку, а не моя казна. (Что может быть лучше политики кнута и пряника? Сухарик и гильотина!)

— Да, и на будущее, я не собираюсь подобно Сильвии копаться в толстенных книгах приходов и расходов, это абсолютно бесполезное занятие, чиновники всех мастей с молоком матери получают способность скрывать свои делишки. — Я посмотрел на честное-честное лицо казначея, стопроцентно завышающего расходы, на котором не дрогнул ни один мускул и на управляющего, который наверняка за бесценок скупал, а то и просто собирал с крестьян гнилые продукты для наемников.

Один мой "предок", граф в одном небольшом королевстве, очень любил сажать своих врагов на кол. Причем так, чтобы он не задел жизненно важных органов. Несчастного поили, регулярно смачивали губы влажной губкой, так он мог продержаться в сознании недели, в редких случаях дольше. Так вот, Влад (Цепеш, он же протыкатель) в изобилии выставлял такие украшения из врагов перед своим замком и частенько любил поставить там обеденный стол и пригласить некоторых людей разделить с ним трапезу, в процессе смачивая хлеб в крови, словно в соусе. Так он

разговаривал с заклятыми друзьями и… чиновниками. До меня еще не дошло ни одного слуха о том, что кто-то из слуг осмелился его предать, — на этих словах казначей невольно сглотнул вставший в горле ком.

— Поэтому давай не будем возвращаться к прошлому и останемся четными друг с другом. Наш уважаемый управляющий наймет несколько магов и закупит свежие продукты, казначей выдаст ему строго необходимое количество золота, а я приложу все усилия, чтобы в кратчайшие сроки раздобыть еще, мы друг друга поняли?

— …д-да…

— вот и замечательно. Вы можете идти, — тоном заботливого доктора я отправил немного задумчивую спевшуюся парочку немного поработать на благо меня, а сам решил занять другими важными делами, взглянуть на свое ополчение, например.

А вот и плац, на котором с самого утра тренируется пополнение, м-да, неприглядное зрелище. Большинство ополченцев — юнцы, держащие меч так, будто это какой-то дрын. Совершенно не нужно быть гением, чтобы понять — это крестьяне, совсем недавно взявшие в руки нечто, хоть отдаленно напоминающее нормальный меч, и наилучший их успех — держать его с нужного конца. Звучит как приговор, верно? Случись начаться маленькой войне среди вольных баронов. В строю, в доспехах и с железом в руках, они станут пушечным мясом, смазкой для мечей намного более опытных бойцов — такое никуда не годится. Основная задача этих парней будет не стоять в чистом поле, а удерживать стены замка и осыпать атакующих стрелами, пока они не подберутся близко, а затем скидывать особо рьяных вниз и охранять ворота. Вроде не слишком сложно, не нужно же быть снайпером, чтобы стрелять по толпе, особенно если в руках артефактные стрелы (а уж я об этом позабочусь, хоть по десятку), и не обязательно быть мастером меча, чтобы кидать со стен камни и рубить топором взбирающихся наемников. Но как только они закрепятся на стене — пиши пропало. Я посмотрел, как один единственный стражник из гарнизона с довольной рожей играючи лупцует деревянным мечом сразу троих ополченцев и понял, воинами они станут в лучшем случае через год, так пусть лучше будут посредственными лучниками уже через месяц.

— Ну вот — выдохнул запыхавшийся солдат, — вы снова убедились, что мастерство побеждает силу.

— А пока мастерство гордится своим превосходством, сила наносит ответный удар, — я плашмя заехал зазнавшемуся воину

по спине, — запомните парни, поле боя не место для болтовни. — потом посмотрел на солдата и предложил, — Может сразимся? — рядовой неуверенно кивнул, опасливо поглядывая на деревяшку в моих руках.

Не тратя напрасно время, мы практически сразу же обменялись несколькими пробными ударами, прощупывая оборону друг друга. Стражник начал первым, считая неожиданно сильный напор наилучшим путем к победе, но не судьба слишком разной оказалась выучка у тридцатилетнего солдата и трех векового эльфа, и моя очередь наседать на противника настала раньше, чем он ожидал. Мой первый удар мягко отведен в сторон и прошел в нескольких сантиметрах от тела, второй, колющий, жестко отбит в сторону, в расчете, что я не успею вернуть меч в защитную позицию, и точный, резкий удар в ответ.

Неплохая контратака, чувствуется опыт во владении этим оружием, удары уверены, точны, идеально отработаны, сильны, но слишком предсказуемы и медлительны, для меня медлительны. Я не стал блокировать или парировать, зачем? Просто развернул корпус, пропуская клинок, шагнул вперед и приставил деревяшку к горлу еще недавно гордого своей победой над новобранцами солдата. Бой окончен, проигравший с достоинством принял мое превосходство старшего, как в возрасте, так и в статусе.

— Среди ополчения есть стоящие бойцы? — намного более уважительно обратился я к стражнику, он доказал не только свою компетентность, но и сообразительность.

— Есть, господин, семеро толковых охотников, хорошо читают следы, не дурно владеют луком и кинжалами, и несколько осевших наемников. Остальные годны лишь стоять в строю и убегать, если страшно станет. — еще и юморист, я развернулся к собравшимся поблизости крестьянам и задал один единственный вопрос:

— Что должен уметь воин?

— Владеть мечом. — я отрицательно покачал головой, самый очевидный ответ не всегда правильный.

— Стрелять из лука?

— … убивать…

— Нет, воин должен уметь воевать. (это же очевидно) А это значит убить как можно врагов и при этом выжить, прикрыв своих товарищей. Сегодня мы как раз будем учиться воевать и ваша задача поразить лучника и не превратиться в ежа. — Я отошел в самый край тренировочной площадки, там, где были сложены обмотанные войлоком тупые стрелы, основам парней обучат и без меня, но кое-что я бы хотел объяснить сам. — Первый десяток на

позицию. Начинаем!

Самые умные схватили щиты еще до того, как я взялся за лук, оставшиеся трое почему-то решили пробежаться зигзагами налегке или за спиной товарищей закономерно первыми получили по стреле, выбыв из общего веселья. Опытные наемники вообще бы никуда не побежали, а взяли бы точно такой же лежащий в стойке лук и прикрыли своего стрелка щитами — тест на сообразительность провален, смотрим дальше. Молодежь надрывает жилы, стараясь не дать мне время для очередного выстрела, логично и правильно, но опасно бежать настолько кучно. Стреляю в ступню самого быстрого и тот, спотыкаясь, теряет темп, и тут же его толкает щитом бегущий следом, оба теряют равновесие, падают, катясь кубарем по песку площадки, бегущие сзади, целиком сосредоточив свое внимание на скорости, не успевают перепрыгнуть препятствие и ложатся следующим слоем, и следующим. Н-да…

— С завтрашнего дня тренировки будут состоять из четырех частей: разминка, стрельба из лука по мишени и по бегущей навстречу мишени. Затем стрельба, стоя на замковой стене, и это основное, что вам предстоит освоить, учиться махать мечом, будем позже. Разойтись.

Вух, образ бывалого полководца отыгран прилично, основные указания розданы, теперь и с магами не грех познакомиться, как никак это ключевые фигуры, основа, гарант легитимности власти дворянина над людьми, мол если и маги на него батрачат, то и нам не зазорно, и чем магов больше, тем незазорнее становится, КПД возрастает, соседи добреют и уважают. К сожалению, маг огня в настоящий момент вовсю пытался вытравить из близлежащего леса паразитов, досаждающих жителям, о чем отчетливо свидетельствовали клубы черного дыма в самой чаще. Эдак у меня и леса-то не останется… Но второго мага, вернее магичку, в чьи обязанности входит проверять слуг на верность, я нашел за столом в обеденном зале, не торопясь обедающую по всем правилам этикета. Все же маг в виде опрятной, скромно одетой девушки доставит куда как меньше неприятностей, нежели это окажется некто другой, особенно, когда дело касается адептов разума.

— Приветствую вас, магесса, — я кивнул в знак своего уважения.

— Рада приветствовать перворожденного, чем могу быть полезна? — ох уж эти традиции, чтоб их.

— Для начала небольшая проверка, — я сел рядом с ней, пожалуй, сел бы и напротив, но в таком случае мы оказались бы

метрах в пятнадцати друг от друга, да уж, достойная барона мебель… Затем подозвал прислуживающего парнишку и сходу ошарашил требовательным, не допускающим возражений тоном:

— Это ты таскал серебро из обеденного зала? — в общем-то простой, заданный наобум вопрос заставил его напрячься.

— Нет, господин! — через чур быстро ответил он.

— Врет. — подтвердила нахмурившаяся магичка.

— А зачем ты подложил его обратно?

— Испугался… Вернее, так было бы правильно! — пребывая в легком шоке ответил паренек, а девушка на секунду задумалась, затем посмотрела на меня, уловив мою игру, и, лукаво улыбнувшись, ответила:

— Правда.

— Так это ты положил его обратно?

— Конечно! В храме говорят, что Пресветлая осуждает воров, и я…, как это…, вот…, искупил свой проступок? — Полувопросительно, полу утвердительно ответил слуга, не понимая уже ничего. Нет, что втихую воровал серебро, он как-то и без нас отлично догадывался, но кто же подложил его обратно? А главное зачем?! И значит ли это, что там, куда он положил свое богатство, его уже нет? Ответы на эти вопросы он не мог себе даже представить, но, тем не менее, продолжал врать самозабвенно и от чистого сердца!

— Снова врет.

— Тогда иди и положи где взял, пока я не приказал тебя высечь.

— Да, господин, уже иду, господин, спасибо, госпо…! — окончание фразы потонуло где-то за поворотом коридора, ведущего в комнаты слуг. Да, действительно интересно вышло, что называется пальцем в небо, местами даже забавно, когда тебе рассказывают о чем, скрипя шестеренками думал парнишка. Сидящая рядом девушка вовсю улыбалась, глядя вслед убегающему юркому парню, с легким намеком осуждения, но довольная, что все кончилось благополучно, ведь в этом есть частичка и ее вины.

— Так чем я могу быть полезна, Сатаэль? — она знает мое имя…, впрочем как и я ее, было время и возможность поинтересоваться. Ее зовут Сатина, довольно приятно звучит, не правда ли? И ложь она чувствует ничем не хуже меня, при этом успевая уловить недавние воспоминания и намерения, умение настолько же полезное, насколько и опасное… Интересно, а сможет ли она копнуть немного глубже?

— Ответь, о чем я сейчас думаю. — Сатина напряглась. С минуту ничего не происходило, вскоре с ее лба скатилась

крошечная капелька пота, кожа чуть побледнела.

— Простите, — выдохнула она, будто вынырнув с большой глубины, — мне не под силу пройти вашу защиту. Что бы я не делала, ощущение, что вы без сознания или крепко спите. — Чего? Ах, ну да! Хрен его знает чем я думаю, но только не мозгами… В том смысле, что и без них неплохо получа… Вот черт… Ладно, замяли, главное в мозгах эльфа никто ничего про меня не раскопает и ладно, а вампиры и созданные мной демоны не читаемы по определению, такая уж у их рас особенность. Это добрая весть, когда так важно оставаться в тени, иначе бедную девушку пришлось бы убрать…

— Считай, что первую проверку ты прошла, настало время навестить наемников, сегодня мне открыто намекнули, что люди редко бросаются в безнадежный бой за горсть желтого металла.

— Можете не беспокоиться, перворожденный. Госпожа Сильвия при найме требовала, чтобы каждый прошел личную беседу со мной. Все кто подписал контракт достаточно честные люди…, вернее… они… из тех, кто по настоящему чтит кодекс и бережет репутацию. Как минимум сначала они нас предупредят о своем уходе, а некоторые могут даже вернуть часть задатка. — Верится, конечно, слабо, но примем за данность. Оказывается, Сильвия неплохо сработала, а де Геррот, видимо, добрал остатки.

— В таком случае пойдем беседовать с солдатами, — в принципе мне все равно на ком ее проверять, интереснее, как ее можно использовать в полной мере.

…

— Имя? — в который уже раз произнес я.

— Крит, сэр!

— Сколько лет в гарнизоне?

— Семь лет, сер! — Не думал, что это настолько приятно стоять перед пятью десятками воинов в полной амуниции и при оружии, каждый из которых по первому требованию касается кулаком сердца и называет свое имя, готовый служить аристократу, в разумных пределах, естественно. Но, тем не менее, все равно начинаешь чувствовать себя чем-то большим, нежели блуждающий по дорогам путешественник или городской лекарь. Маленькая армия — это обширные возможности, одно наличие которых тешит мое самолюбие, нечто подобное со мной случалось лишь однажды, когда я создал своих низших и Айна.

— … предатель…, - раздался едва уловимый шепот, словно отдаленный шорох листьев на ветру, но я услышал и обернулся. На тренировочной площадке, спиной ко мне стояла Сати и не обращая на окружающих ровным счетом никакого внимания сосредоточенно рассматривала оружие и тренировочные

манекены, словно устроенный мной смотр давно ей наскучил. — … получил золото за мятеж… — Я не подал вида, ни намека на вынесенный приговор не отразилось на моем лице — за семь лет службы, этот Иуда наверняка оброс связями и заслужил доверие многих в гарнизоне, его скоропалительная казнь может стать не решением, а новой проблемой.

Я опросил все пятьдесят солдат, дежуривших этим днем в у ворот замка, узнал имя каждого. Большинство из них были из близлежащих деревень или же младшие сыновья мастеровых, в любом случае родились и останутся жить они именно в этих землях, теперь уже моих землях и по логике должны защищать свой дом и мои интересы. А чтобы это было именно так, мне придется об их благополучии, ведь насколько я знаю — лучшие союзники это те, кто, помогая тебе, помогает и себе. Как может лекарь помочь гарнизону и семьям солдат? Естественно поставить на ноги пострадавших в сражениях бойцов, вернуть в строй калек и обеспечить достойную жизнь вдовам и сиротам, и как минимум, мои слова пришлись по душе каждому, кто их услышал.

— И запомните! Золото — это квинтэссенция людских пороков. Предательство, жадность, лесть презрение, кровь, все это впитало в себя золото. Разумные годами работают, собирают, грабят, чтобы в один момент сдохнуть от ножа в спину и потерять все. Оставаясь преданными баронству, вы сохраните честь, будете уверены в своей судьбе и судьбе своих близких, мои воины никогда не будут зависеть от такого дерьма как золото. — К концу моей речи я сорвал с пояса кошель побледневшего стражника Крита и опрокинул, монеты, чье количество и цвет говорили сами за себя, начали падать к моим ногам, на лету превращаясь в черную пыль на каменном полу. — Предавший раз не достоин доверия, остальные получат право, право на достойную жизнь!

Солдаты сами скрутили своего товарища, который не стал даже сопротивляться или оправдываться, молча разоружили его и утащили в сторону тюрем. Им понравился новый барон и его слова, почти все они готовы отдать жизнь за свой дом и благополучие близких, а я, я снова взвалил на свои плечи очередной груз, ведь вскоре придется выполнять обещания и стать гарантом этого самого благополучия.

***

В это время где-то в доминионе, один из низших, втайне от братьев с блаженством в глазах перебирающий небольшую горку монет.

Господин хозяйственный, вторая порция золота за неделю, если так пойдет и дальше — имеет смысл сделать хороший

тайник… Господин умен, сказать красивые слова, отобрать у предателя золото и, ничего не дав взамен, заставить его товарищей работать за идею — это так… прекрасно! — Совсем недавно созданный демон, получивший знания и опыт десятка воров, убийц, насильников и каннибалов с пиратского острова едва не прослезился от величия своего повелителя.

Глава 18. В логове врага

Безгрешных людей не бывает, и, если
ты считаешь себя таковым, то грешен
вдвойне, ибо грех тот зовется гордыней.
/проповедь демона, поджаривающего
истинного праведника/

Настал тот самый день, день, когда я посмотрю в лицо источнику проблем своего баронства — горячо любимому соседу. Сегодня наступило яркое событие, не так часто вольные бароны принимают титул и по давней традиции приглашают всех соседей разделить с ними радость торжества момента, даже, если эти соседи непримиримые враги. В этот день у аристократов вольных земель не принято мстить, воевать или строить козни, но и я ведь не король Артур, а потому плевать мне на честь, традиции и чужие земли. Что-то мне подсказывает, что именно сейчас самое время оставить соседа без армии, магов и продовольствия, в идеале без жизни, но тут уж как повезет. И именно для этой торжественной встречи я должен выглядеть как истинный дворянин, чтящий сложившиеся за столетия обычаи, улыбаться, глядя в лица людей, которых с удовольствием бы придушил собственными руками и которых не способен даже поцарапать в присутствии семерых магов охраны. Как я докатился до такого лицемерия? Хм… Нужно было и догадаться заранее, что перед тем, как почивать на лаврах, придется разгрести кучу грязи после скоропалительной смены династии.

— Ну, как я выгляжу?

— Анст, ты выглядишь бесподобно, хватит сомневаться, портные постарались на славу. — Сильвия как всегда, как поддержать меня в сложную минуту, и не пустым словом, а делом. Она рядом, когда это действительно нужно, например, сейчас отставила в сторону все дела, чтобы помочь. Хотя наряд и вправду хорош, сшитый в лучших традициях светлых эльфов в светло-зеленых и белых тонах, дополненный золотым обручем с тремя изумрудами из фамильной сокровищницы де Ганзак, он делал меня похожим скорее на эльфийского принца, нежели на формального правителя баронства. Все подобрано великолепно, за свои века Сильвия встречала намного больше благородных эльфов чем я, а потому и мои сегодняшние одежды результат именно ее трудов, ее и нескольких десятков людей, которые трудились весь вчерашний день и сегодняшнюю ночь не покладая рук и не отвлекаясь ни на секунду.

— Господин, — уставшим после многочисленных примерок

голосом пожаловался мой слуга, — я совсем не привык к такой одежде, давит воротник, натирают туфли, без кинжалов я буду чувствовать себя мышью в логове льва… Разрешите взять хотя бы ножи!

— Успокойся Хмир, слуге первородного, идущего с миром не престало выглядеть как последний оборванец, вонять конским потом и таскать в рукавах заточенные железки. Ты забыл? Мы сама добродетель, мирные и невинные представители баронессы де Ганзак, посланные выразить свое почтение, наилучшие пожелания долгих лет жизни и преподнести подарки! — На этих словах Сильвия рассмеялась, пришлось даже немного пригрозить вампирше, чтобы она прекратила свое веселье. — К тому же мои остроконечные уши защитят нас не хуже самой лучшей стали.

— Вы правы, господин. — он виновато потупил взор.

Сегодня Хмир, так же как и я, не похож на себя повседневного, с его лица исчезли все отметины, которые хоть как-то притягивали к себе взгляд, с тела пропали шрамы и пиратские наколки, пропал нехарактерный здесь бронзовый загар. И без того неприметный юркий молодой человек, одетый в серые и черные одежды превратился в незаметный предмет интерьера, с которого так и норовит соскользнуть внимание. То что нужно, чтобы раствориться среди толпы незнакомых друг другу похоже наряженных слуг, приехавших с многочисленными приглашенными и прикинуть, где расположено нужное нам помещение. Чтобы не потерять в статусе, всю шестичасовую дорогу от замка до замка мы проделали влегкой, быстрой карете, запряженной четверкой первоклассных лошадей и украшенной гербами баронства и эльфийской знати.

— Сатаэль Анст! Светлый эльф западного леса, представитель славного рода де Ганзак, — представил меня камердинер, прежде чем уступить дорогу и пропустить в зал торжества, в огромнейшее по моим меркам помещение, наполненное людьми. Десятки дам разодетых в неимоверно дорогие пышные платья, украшенные драгоценностями, выставляющие напоказ лучшие ювелирные изделия, десятки сопровождающих их мужчин ничем не отстающих в намерении всем своим видом подчеркнуть статус и утереть нос менее удачливому соседу. Всех их сопровождают старшие дети, в намерении найти наиболее выгодную партию, создать или укрепить уже существующие союзы, расширить влияние рода и, само собой, сотни снующих вокруг слуг и прихлебателей — идеальный по своим меркам гудочник, полный лживых улыбок. Сильвии повезло, что ей, как единственному представителю знатной фамилии пока еще опасно высовывать нос

за пределы крепостных стен. Меж тем, пока я спускался в зал по широкой мраморной лестнице, Хмир уже растворился в толпе и исчез из поля внимания.

— А, эльфийский прихвостень паршивой наемницы. Не думал, что кто-то из вас решится прийти на *мое* торжество. — Ну, здравствуй сосед, и я рад тебя видеть. На меня выплеснулась первоклассная, не зажатая условностями желчь. Я понял, ты не остановишься никогда и не перед чем, пока мы живы и отравляем твое самолюбие самим фактом своего существования.

— Наверное ты безумен, раз осмелился сказать такое в лицо вечно живущему, — нейтральным тоном ответил я, по старой привычке едва не попытавшись выхватить оставленный дома клинок. В расход, определенно в расход, осталось решить придумать как.

Барон рассмеялся.

— Так же высокомерен как и вся эльфийская раса! До чего самонадеянно думать, что я опущусь до дуэли с тобой, или убийства. Нет, я не настолько глуп! Уже сегодня под мою руку перешли две деревни, завтра через твои земли не сможет проехать ни один торговый обоз, через месяц побегут крестьяне, и нечем будет платить наемникам, что скажешь на это? Что сможет сделать один эльф против моей армии? — Наглый урод. Будь я обычным человеком, мое лицо уже давно бы перекосило от злобы, но в моем положении есть свои плюсы, не дрогнул ни единый мускул, и я все так же спокойно продолжил:

— Что скажу? Что абсолютная власть уродует личность…, - ответил я, отходя в сторону от обнаглевшего человека и его прихлебателей. Похоже, избавив его от родственников, я собственноручно помог встать к рулю злобному, амбициозному существу с атрофированным чувством меры и маниакальной жаждой власти.

С этого момента стало понятно, никакой междоусобной войны не будет и в помине, с негласного согласия всех собравшихся здесь, меня обложили словно в осаде, медленно и неторопливо давят со всех сторон, без возможности огрызнуться на превосходящего численностью. Прекрасная стратегия, время неотвратимо работает на него, все что нужно — это немного подождать и не дать мне опомниться и победа в кармане. Интересно, он сам догадался или нашелся помощник? В любом случае я имею дело с жестокой, беспринципной сволочью, к тому же умной. В расход, однозначно в расход и как можно быстрее.

С пол часика пошатавшись по залу, перекинувшись по паре слов с несколькими гостями и вручив свой подарок магу

именинника, я присел за стол поближе к виновнику торжества напротив шикарного блюда с овощами и фруктами. Бедняги телохранители прям извелись, над первой попавшейся дорогой безделушкой, которую я прихватил из замка, обсмотрели, прощупали, просканировали амулетами, только что на зуб не попробовали — отрабатывают свой хлеб, лизоблюды. Для виду я отведал парочку особенно привлекательных кушаний, и невзначай, из рукава на отполированные плиты пола выпала настолько маленькая змейка, что с успехом смогла укрыться в щелях между ними. В час продвигаясь не более чем на несколько метров, она неумолимо приближалась к барону. Нет, не чтобы ужалить и впрыснуть в кровь смертельный яд, нет, и тем более не для того, чтобы внезапно увеличившись в размерах оторвать ему голову, все это слишком заметно и обречено на провал в присутствии семерых обученных магав, один из которых целитель. Сегодня Нагайна безобиднее червяка, она лишь капнет немного своего самого лучшего медленного яда на одежду барона и вернется обратно, а уже потом, если пропитавшаяся отравой ткань соприкоснется с кожей и, по прошествии нескольких дней, когда изменить что-то будет нельзя, внезапно наступит долгожданный итог. Никакой "быстрой и прямой угрозы" но ничего, я подожду.

Спустя два часа вернулся Хмир и сообщил приятную весть, он нашел, где располагается вход в святая святых замка рода де Геррот, в место, где хранятся самые дорогие предметы, амулеты и артефакты и, конечно же, старые добрые империалы. Неплохо бы было еще вынести оружейный склад и испортить ледники и амбары, но с чего-то же нужно начать? Спросив ни кого иного как капитана стражи сопровождать меня, я вышел из зала и свернул ему шею в ближайшем тихом уголке, и сразу же его место занял Айн, реанимированный, с бьющимся сердцем и обрывками души капитана вместо маскировки, остальное он вероломно сожрал. Теперь перемещаться по замку стало намного приятнее, а самое главное направление выбирал Хмир, а не преданный барону человек.

Троих охранников казны "капитан" убил лично, с большим удовольствием, а место убитых снова заняли мои создания. Дальше все просто: капитан возвращается в зал и сообщает, что эльф со слугой изволили покинуть гостеприимного хозяина, карета, обождав положенное время покидает замок. Стража после конца своей смены идет в ближайший трактир, выпивает по кувшину вина и, воняя перегаром, под маловразумительным предлогом покидает стены замка и идет в ближайший лесок копать себе могилы, капитан, как только подвернется

подходящий момент, к ним присоединяется. Ну а я все это время перетаскиваю в доминион сундуки с золотом и драгоценностями, блестяще, не правда ли?

Чтобы пройти ко мне в сокровищницу достаточно только того, чтобы фамильный артефакт признал меня, как хозяина, в моем случае как Сильвию, не суть, но тут не та дверь, на которой я тренировался, а форт Нокс какой-то! Диск артефакта еще возможно обмануть, немного под редактировать внешность, чуть-чуть поправить ауру, все это в моих силах, но оттиск ладони и кровь-то я где возьму?! Они бы еще сканер сетчатки сюда присобачили, параноики! Во плоти я туда точно не проберусь.

— Хмир, стой здесь и стереги тело, и не дай бог тебе его испачкать. — Я снял с плеч белоснежную накидку и заботливо расстелил на грязном полу и тонкой дымкой аккуратно начал просачиваться сквозь переплетение линий защитных и сигнальных заклинаний, на бесплотных духов они точно рассчитаны не были и через какие-то двадцать минут я был внутри.

— Так, это мы, пожалуй, возьмем. И это мы возьмем. Черт! Да мы возьмем тут ВСЕ! — я больше двух часов как проклятый перекидывал мешочки с монетами, шкатулки и футляры с драгоценностями, особо ценные экземпляры приходилось отдирать с пола вместе с замагиченными постаментами, частично вмурованные в стену, закрытые магией шкафы с артефактами своими ножками оставляли в полу глубокие борозды до самого портала. Я отодрал все, даже светильники по паре золотых за штуку — со стороны Геррота было очень опрометчиво экономить на сигнализацию внутри, вложив все средства в стены. Видимо это сделали для того, что снаружи невозможно было повлиять на то, что хранится внутри и наоборот. В самом деле, кто мог предположить, что некая сущность просочится в сокровищницу буквально сквозь замочную скважину и откроет в полу проход в свой доминион?

А ведь мой портал не выделяет никаких заметных эманаций хаоса или порядка, не оставляет излучений, не требует пентаграмм, только как пылесос всасывает из пространства ману… (не иначе сказывается разность давлений), так что отсюда я спиз…, забрал даже воздух. После того, как я кучу времени добросовестно изучал профессию грузчика-мародера, бедняга барон остался нищим, как церковная мышь, и от того как надежно он свяжет этот прискорбный факт со мной зависит многое, очень многое. Не дождавшись моего возвращения, в установленный срок карета давным-давно выехала из замка, минут сорок назад

моих низших сменили новые стражи… и "капитан" доложил, что барон лично идет разложить по полочкам свои подарки, буквально вот-вот подойдет к заветному коридору… Еще никогда Штирлиц не был так близко к провалу! Пройдя сквозь дверь, я снова открыл проход в доминион, и, дав пинка Хмиру, опрокинул его в черный зев портала, столкнул туда свое тело и как можно быстрее прыгнул сам. Нас поглотила пустота.

Где-то в доминионе

Один из низших в священном экстазе возносил хвалу своему повелителю и носился взад-вперед над свалившимся на голову сокровищем, отделяя артефакты от золота, золото от серебра, серебро от меди, сортируя все монеты по весу, номиналу и году чеканки, с обожанием касаясь каждого драгоценного камня, и недоумевал, почему его братья не стали помогать, а бросились к свалившемуся в портал чужаку?

Айн же просто поражался на этого неправильного низшего, до ритуала и принятия личности принесенного в жертву мага у него не должно быть собственных желаний, кроме инстинктов и повиновения создателю. Но этот… дефективный первым делом бросался на ценности, а только потом на души и совершенно игнорировал вторжение в доминион незнакомца, во плоти! Черт бы подрал этого идиота, нужно звать остальных и разбираться с нарушителем!

***

Анст

Я застал Хмира висящего в пустоте и непрерывно махающего руками и ногами в тщетных попытках определить, где верх, а где низ, падает он или нет. Для него стало шоком оказаться здесь, неподготовленный разум отказывался понимать что-либо, давал сбой, а снующие вокруг, источающие черно-багровое свечение тени только усугубляли тот ужас, что сейчас испытывал мой слуга. Я создал поверхность, просто ровную серую поверхность на которую можно встать привычным нам образом и испускающую тусклый серый свет, я захотел, и она появилась, впитав в себя часть разлитой вокруг силы. Хмир распластался на этом импровизированном полу в позе морской звезды и потерял сознание.

— Знакомьтесь, Хмир — это низшие, низшие — это Хмир. Его не трогать, не убивать, не пытать и так далее. Вопросы?

— По-моему пятый сошел с ума, — осторожно заметил Айн.

— Да ладно, — я махнул рукой, будто так и должно быть, в самом деле, что может случиться с демоном без личности? — Ему всего месяц, может еще перерастет… — обсуждаемый субъект

явно заметил посторонние внимание, чахнущий над разложенным неподалеку златом демон начал терять свою форму, постепенно его ноги исчезли, оставив увеличившийся силуэт висеть над горками и столбиками монет, он распростер удлинившиеся руки, с острыми как иглы когтями, пытаясь охватить все пространство, на котором оказались разложены ценности.

— Повелитель, повелитель, повелииииитель! Позволь мне хранить твое богатство! Ну пожалуйста, пожалуйста, пожаааааалуйста! — Только что очнувшийся Хмир, спрятавшийся за моей спиной, сделал шаг назад, запутался в собственных подгибающихся ногах и завалился на спину, на одних животных инстинктах стремительно отползая подальше от сбрендившего демона.

— Спятил. — повторил Айн. — Как только в доминионе появилось золото, держится особняком от всех остальных, перестал интересоваться душами, только сидит и без конца перебирает дурацкие кругляши.

Я посмотрел на открытые шкафы, раскуроченные футляры, к которым даже я побоялся прикасаться, а не то чтобы вскрывать и задумался, а кого мы тогда отловили в Сатории и скормили этому… низшему? Вора? Вряд ли. Гениального до безумия вора? Ближе к истине… Да и хрен с ним, с блаженным, раз так хочет — пусть хранит, здесь все равно некому воровать. И если я правильно понял, то единственный, кто сможет заполучить хоть песчинку драгметалла — буду я, остальные прорвутся только через его хладный труп (если так можно выразиться), к тому же рассортировано все неплохо, ему бы на складе работать. Хм… Интересно, а что если вручить ему всю замковую библиотеку и сказать, сколько стоили купленные в порту книги?

— Горлум, я назову тебя Горлум! Храни мои богатства, второй, обретший… эм… разум.

— Горлум хозяйственный! Господин будет доволен! — Но скормить ему суть сильного мага все равно придется, иначе он тут нахранит…

Окинув взглядом доминион, раскиданное в округе барахло, как ценное, так и не очень, я понял, что мой маленький мирок медленно, но верно превращается в большую свалку, нет, так дело не пойдет. На серой, безликой поверхности ввысь начал подниматься величественный замок с толстыми и прочными стенами, точная копия того, в котором я живу. Точно такойже, но безжизненный, пустой. Без картин, барельефов и фресок, без магических светильников и выставленных на показ пустых доспехов — пустая основа. Задача Айна заполнить эту пустоту тем, что мы смогли собрать в разрушенной до основания деревне,

в чужой сокровищнице и это только начало. Остальные мелочи я создам позже, слишком много сил было сегодня истрачено и слишком многое произошло, так что вначале стоит передохнуть и набраться сил, а только потом приниматься за дело.

Окончательно пришедший в себя Хмир, до которого наконец-то дошло, что загадочные и пугающие до глубины души демоны все как один повинуются каждому слову его господина, стоял рядом и уже не трясся как осиновый лист на ветру, а пораженно взирал на выросшую в пустоте крепость, и разложенные поблизости богатства. Он снова восхищался силой своего повелителя, боялся служащих ему существ, боялся умения поднимать мертвецов, с содроганием смотрел на зловещего хранителя золота, но всем своим существом восхищался возможностями того существа, которому добровольно служил. До чего же приятно чувствовать такой, направленный на тебя, коктейль из эмоций и чувств.

— Хмир! — позвал я слугу. — Нам пора… — Чем плохи проходы, которые я открываю, так это тем, что их невозможно создать без привязки, а единственным якорем, который мне известен — это мои создания, так что у Сильвии появилась парочка совершенно непрошенных гостей.

— Анст… А ты зачастил в мою спальню. — Лежа в наряде Евы на внушительных размеров кровати, она не спеша приподнялась на локтях, прислонила указательный палец к сочным алым губам, задумчиво на меня посмотрела, томным, мягким, завлекающим голосом произнесла. — Сегодня мы не в монастыре…

Но непревзойденную пикантность и неповторимость мгновения разрушил выглянувший из-за спины излишне любопытный Хмир, довольный, что снова в нормальном мире, и не в какой-нибудь отвратной вонючей дыре полной крыс и нечистот, а в спальне самой баронессы! Ко мне в голову впервые закралась мысль оставить кое-кото на хранение Горлуму только потому, что тот оказался не в том месте, не в подходящее время.

— Тьфу, Анст! Какого дьявола?! Я думала… Черт тебя побери! — она закрылась одеялом. — Пошли вон! Оба! — Меня не нужно упрашивать дважды, я прекрасно знаю, что представляет из себя рассерженная женщина, а уж с таким поводом… Сделав морду кирпичом, я удалился как полагается настоящему английскому джентльмену, молча, с достоинством победителя, быстро и ни с кем не прощаясь, замешкавшийся Хмир вылетел в закрытые двери сам, с треском и шумом, как последний деревенщина.

Парой секунд позже, подумал, что же только что

произошло (жест рука-лицо). Я самый совершенный хищник из когда-либо существовавших, я пожираю все. Впитываю чужие страх и отчаяние, забираю саму суть живущих — их души, выпиваю жизнь, подобно дорогому вину. После меня не остается ничего, чем могли бы поживиться падальщики, мне подчиняютсясмертоносные демоны, которых уничтожить почти невозможно. И так опростоволоситься перед собственным созданием…

Придя в комнату барона, то есть в свои покои, я распорядился сделать мне ванну и с наслаждением расслабился в горячей воде, пока миловидная служанка разминала мои плечи. Кажется, перетаскивая сундуки и шкафы, я все же немного перетрудил мышцы, и сейчас они приходили в норму, даруя давно забытое чувство с пользой прожитого, старого-доброго рабочего дня. Тихо открылась дверь в купальню и, с кошачьей грацией, ступая босыми ногами по полированным мраморным плитам, должно быть пришла еще одна служанка с очередным кувшином горячей воды.

— Брысь отсюда! — сидя спиной к двери, я расслышал едва уловимый шепот и удивленно приподнял бровь, наблюдая с какой скоростью удаляется служанка. Сильвия? Сразу после того, как за купальщицей хлопнула дверь, моя баронесса сама опустилась на колени, чтобы помочь мне мыться.

— Надеюсь, мой господин простит мне мою бестактность и недавнюю грубость? — Она появилась сзади в полупрозрачной легкой накидке и стала нежно водить губкой по спине, спускаясь все ниже и ниже, так сильно склоняясь над водой, что намокли ее тонкие одежды, облегая высокую грудь.

— Ты умеешь просить прощение… — Представшие виды путали мысли, — надеюсь это лишь предлог? Я бы никогда не стал никого принуждать. — Она рассмеялась.

Анст, ты как ребенок! Наверняка живешь не первое столетие, а все так же наивен. Ты спас мою жизнь, наградил даром магии, стал главой нашего клана, и я с готовностью добровольно служу тебе, мои птенцы беспрекословно подчинятся твоим приказам. И, наконец, ты просто красавчик, не оставлять же тебя этим человеческим малолеткам? — Прекрасная логика, мне нравится.

— Но утром ты же не перестанешь называть меня господином? — притворно испугался я.

— Да хоть повелителем мироздания, мой барон, — то ли на полном серьезе, то ли шутя, ответила Сильвия, с предвкушением целуя мои губы. Не смотря на поздний час, сегодняшняя ночь только начинается.

[Амур закончен]

Глава 19. Клан возрожденных

Большие возможности подразумевают
большую ответственность.
/Белокрылый праведник/
Или ежедневный разврат, веселье и
талант вовремя скрыться. Выбор очевиден!
/Ответ рогатого антипода/

— Повелитель! — прорвался в мою голову голос Айна

— …у? — Я лениво открыл один глаз и не заметил никого кроме лежащей рядом Сильвии, чья голова удобно устроилась на моем плече, а руки обнимали грудь. От представшего манящего своей красотой вида губы сами непроизвольно разъехались в самодовольной улыбке. Когда-то давно я не мог даже мечтать о красивой беззаветно преданной лично мне женщине. Тогда я жил и работал в миллиардном мегаполисе, ежедневно встречался с тысячами разных людей, чьими-то мужьями, женами, детьми и ни разу, ни разу не встречал в их глазах и тени того чувства, что мы так привыкли идеализировать. Это оставляет свой отпечаток, я перестал верить, и именно поэтому мне абсолютно плевать, что моя красотка более чем трехсот летняя вампирша, за свою жизнь пережила слишком многое, чтобы без оглядки отдаваться чувствам.

Мы оба такие, какие есть, нас поздно менять, наш взгляд на мир сформирован. Считайте меня эгоистом, циником, да кем угодно, но мне выгодно быть рядом с точно такой же эгоисткой, как я сам, чем с теми, кто может предать, позарившись на богатства или поддавшись эмоциям. Я не променяю нашу странную близость и на сотню тысяч красивых, но непредсказуемых женщин, что это если не любовь? По крайней мере, так ее понимаю я…, вернее мы.

— "В доминионе появился Хмир."

— "Что? Как?" — сон и тусклый налет романтики как рукой сняло. С каких это пор без моего ведома кто-то сумел попасть в доминион?!

— "Не могу знать повелитель, Горлум запер его душу в хранилище"

— "Вашу ж мать! Сейчас приду. Постой, душу?" — следующие слова я произнес уже вслух

— Сильвия, будь умничкой, прикажи найти и доставить тело Хмира в подвалы донжона, сама тоже спускайся.

— …? — не поняла она

— Хмир…, это тот, чьей головой ты вчера открывала двери.

— А…?

— А убийца моего слуги должен быть найден. Немедленно! — Накинув халат, я исчез в черноте портала.

Где-то в доминионе

— Давай подробно, Айн, как он тут появился и что делает у Горлума? — сразу же, как появился, спросил я.

— Всего пару минут назад возник прямо в замке, недалеко от казны, в том самом месте, где в последний раз открывался портал. К сожалению, Горлум первым заметил его душу, а затем заперся в хранилище и пытается вытянуть из него силу, не поглощая.

— Что? — в изумлении переспросил я. — Кто додумался рассказать ему о душах?! — Айн понурил голову.

— Простите, повелитель, кто мог предположить, что дойдет до такого…

— Не предположил? Да ты хоть понимал, с кем разговариваешь?! — Орал я на свое создание, со всей возможной скоростью подбегая к хранилищу, и вскрывая двери. Если не поторопиться, еще не известно в каком "не поглощенном" состоянии останется Хмир. Уронив слетевшую с петель створку, я застал Горлума ковыряющего когтем дыру в моем слуге и слизывающего вытекающую призрачную дымку. Страх, перерастающий в отчаяние, боль, обреченность, безысходность…, сила этих эмоций, идущих напрямую из души, опьяняла даже меня, еще немного и мои зубы сами бы вцепились в этот лакомый кусок.

— Я даже не знаю, кто из вас обоих умней: ты упустивший моего слугу, которого я приказал не трогать или Горлум, догадавшийся не жрать, а пытать людские души, черпая из страданий силы, растягивая удовольствие. — Мой голос хрипел от сдерживаемого желания и внутренней борьбы. — Или все же ты, раз дал возможность поработать фантазии, не здоровой фантазии! Ты меня разочаровываешь, Айн.

— Горлум догадливей. — Даже помешанный на собственности демон с уровнем развития подростка, продолжавший вылизывать корчащегося в муках Хмира, различил в моих словах нотки раздражения и не преминул ткнуть Айна в его же собственную неполноценность.

— Простите, повелитель, я приму любое наказание! — пошел на попятную Айн, пока я забирал измученную душу своего слуги.

— Отними у Горлума золотой, — прорычал я.

— НЕ ОТДАМ!!!!! — Дальнейшие вопли остались в мертвых стенах замка демонов, в которых впервые стало шумно.

***

Подвалы замка. Личная тюрьма барона.

Тишина и пустые, чистые камеры без разводов крови, нечистот и иных следов прежних обитателей, здесь почти так же хорошо, как в моем маленьком темном мирке. В этой спокойной, располагающей к творчеству обстановке, я потратил полтора часа сосредоточенной работы по возвращению бедняге Хмиру плоти и крови, сращиванию ран, восстановлению костей и улучшению тела. Над здравым рассудком, после короткого, но чтезвычайно насыщенного общения с Горлумом, пришлось попотеть отдельно и не только заглушить воспоминания истязаний, но и приказать частично забыть. Сегодня Хмир из верного и полезного слуги наконец-то превратился в моего полноправного вассала, встав на одну ступень с Сильвией, так же как и она, познав смерть и возродившись из мертвых.

Я потратил настолько много сил, времени и эмоций, на новый манер перекраивая старый, мертвый сосуд в нечто более совершенное и смертоносное, что увидев убийцу — того самого вампира, что съездил мне по роже у ворот, не сдерживаясь выпустил пар, в очередной раз лишив его части кусалок. Подлый гаденыш, сумел доставить море неприятностей.

— И какого черта ты свернул ему шею?! — Я потребовал ответа у встающего после очередного удара вампира.

— Он дуфно отозфался о госфоже. Хфастался, фто фидел ее фолой…

Как назло, где-то в середине его "фыпилявых" оправданий открыл глаза Хмир и, увидев рядом с собой типа, что буквально только что разорвал ему глотку, раздробил позвонки и обрек провести пару минут в гостях у демонов, без раздумий выхватил из рукава кинжал и молниеносным движением вонзил тому под подбородок, пробив череп насквозь. Отличная скорость, сила и реакция, не зря я так тщательно подбирал баланс…

— Повелитель! — тут же раздался непривычно потасканный голос Айна.

— …?!

— Горлум схватил новую душу.

— Ммм… (от избытка чувств я на секунду закрыл лицо руками и пару раз пнул тело мертвого засранца) Сволочь, не смог сдохнуть по-человечески! Даже после смерти умудрился подгадить! Не доминион, а долбаный проходной двор!

— …? — на меня с недоумением посмотрели две пары глаз. Я

спокойным голосом обратился к вампирше.

— Извини, Сильвия, как и своего слугу, твоего птенца я обязательно верну к жизни, — затем жестко продолжил, повернувшись к Хмиру. — А потом эта парочка одноклеточных будет умирать раз за разом, пока не поймет, что убивая друг друга, они в первую очередь отнимают мое время и ослабляют замок!

Три тела, два живых и одно мертвое практически одновременно исчезли из подвалов донжона.

Доминион

Тьма и порядок? Да черта с два. С моей легкой руки создания тьмы веселятся во всю и сводят на нет все, что мне так нравилось в этом месте. Айн — достаточно опытный в схватках демон, поэтому не стоит удивляться, что не сумев с ходу ограбить Горлума самостоятельно, он приспособил к этому делу низших. Корень его неудач заключен в узком проходе, ведущем в святая-святых обитания "хранителя всего ценного" — одновременно сражаться с ним могут лишь двое. И они, несомненно, одержали бы верх, если бы не одно крупное НО — Горлум сумел обзавестись жутковатой на вид, бездонной аптечкой, которой пользовался с удовольствием и без зазрения совести.

Еще бы, какая ему нахрен разница, что это душа моего слуги? Естественно, никакой, в отношении этого индивида никаких распоряжений не поступало, его учесть — бесконечные пытки демона, с детской непосредственностью и жадностью голодного пса пожирающего каждую каплю силы. И если Хмира Горлум лично "гладил" когтями, то на вампира у него не хватает времени, и тот призрачной фигурой, заключенной в клубок колючей проволоки сиротливо висит в центре хранилища, остекленевшими от ужаса глазами наблюдая за битвой демонов.

Как только очередной пропущенный удар низшего оставлял Горлуму сочащийся тьмой рубец, ловушка души сжималась, приходила в движение, каждый утыканный шипами виток стремился переместиться по окружности на новое, только ему ведомое положение, оставляя мелкие, быстро затягивающиеся раны, вынуждая испытывать приступы острой невыносимой боли. Сила страданий питала демона, и какую бы рану он не получил, от нее тут же не оставалось и следа, в то время, как остальным приходилось сменять друг друга и ждать, когда повреждения затянутся сами. Беспощадная, бесконечная бойня…

— Пока у него эта душа, мне никогда не переступить порог хранилища. — С горечью в голосе отметил Айн, в то время как на меня накатило отстраненно созерцательное настроение.

— Ерунда. — спокойно ответил я. — Знаешь, как забрать не украв?

— …?

— Убедить, обмануть, запугать, предать. Враждуя напрямую, мы тратим силы. Оттачивай разум, Айн, манипулируй, тасуй факты, как колоду карт, пока они не выстроятся выгодным для тебя образом, вводи в заблуждение, говори полуправду, заставь врага с идиотской улыбкой на лице самому рыть себе посмертную яму. Но помни, предавая братьев и моих слуг, ты вредишь в первую очередь мне самому.

Не смотря ни на что, Айн не просто так получил свое имя и по праву может зваться первым среди равных, сильнейшим из созданных мной существ, оставалось только подтолкнуть, указать верное направление, в котором следует мыслить и действовать. Он понял все, что я хотел сказать, понял мои слова, настроение, переосмыслил события без дальнейших намеков и разъяснений. После чего прекратил бесполезные нападки на Горлума растолковав тому, что жизнь он пьет не из кого иного, как из слуги самого повелителя, словами и доводами добившись его свободы, чтобы передать мне.

Да, пройдет долгое время, но каждый поймет (даже Горлум), о своих нужно заботиться как о семье (богатстве). Надеюсь, поймет и Хмир с клыкастым "другом", ведь каждый раз возвращая их к жизни, я трачу время. Однажды мне может надоесть вытаскивать душу одного слуги, которого убил другой из лап третьего, и все они останутся ждать своего часа здесь, в доминионе. Но ничего, Айн поддержит достойный порядок внутри моего маленького мирка, а уж я сумею помочь и навести его снаружи.

— С сегодняшнего дня, в мое отсутствие, старший Айн. Обо всех попавших душах немедленно сообщать ему и сажать в камеры. Никаких пыток, пока я не разберусь, что с ними делать дальше, спорные вопросы также решает Айн. — подвел я итог событий.

Выжав из клыкастого еще пару капель силы для "поцарапанных" низших, я, наконец-то, подарил ему свободу и тело. И по тому, как стремительно стали седеть его волосы, стало ясно — минуты, проведенные здесь, он не забудет никогда. Или до тех пор пока они вдвоем с Хмиром не почувствуют каково это ранним утром вытаскивать своего повелителя из теплой, мягкой, НЕ пустой постели. Чернота портала снова вернула нас в слабо освещенные казематы замка баронства, где меня ждала моя отчего-то хмурая баронесса. Неужели мы отсутствовали так долго?

— Сильвия, я тебя поздравляю, — глядя на двух притихших бестолочей, с явным сарказмом говорил я, — твоих птенцов сможет убить только очень хороший черный маг…, или мое дурное настроение. — Потом обратился к причине испорченного дня, который настолько хорошо начинался. — А для вас, недоумков, у меня целых две новости: хорошая и плохая. Плохая, это что вы не самые незаменимые существа во вселенной, хорошая — это поправимо. И раз уж вы так обоюдно "полюбили друг друга" с первого взгляда, править будете вместе. Друг познается в беде, так что берите доспехи, оружие и вычищайте наши леса от засевшего там гнилья, и чтоб я вас больше не видел, пока не сдохните или в баронстве не закончатся разбойники! Надеюсь, через смерть, пот и кровь до вас дойдет — креме клана вам не кому доверять! — Под конец я повысил голос, чтобы вразумить двух разумных жаждущих мести. Спустя какую-то секунду после начальственных криков, два незадачливых убийцы, побывавших в аду, предпочли за лучшее скрыться с глаз, не в силах сопротивляться приказу, и мы с Сильвией наконец-то остались одни.

Не слишком ли жестко я поступаю? Но на ком-то же нужно проверить работу системы? Как четко будут выполняться приказы, справится ли Айн, а главное, на что вместе способны два полу демона, человек и вампир, действуя сообща, обладая телами прошедшими ряд улучшений. Мне нужна статистика, я хочу знать, скольких воинов будет стоить каждый возрожденный слуга. Наконец обратив внимание на вампиршу, я очень удивился ее озадаченному и задумчивому виду, казалось ее мало волнует происходящее здесь и сейчас.

— Сильвия, что-то случилось?

— … Случился де Геррот. Он слишком умен и инициативен, чтобы, лишившись всего, не попытаться вернуть свое влияние и отомстить. Дворяне вообще крайне мстительные твари. Очем ты думал, когда оставлял его в живых?!

— О том, чтобы не спровоцировать десятки таких же мстительных тварей, конечно (ну и хапнуть побольше, не без этого). Скажи толком, что произошло?!

— Произошло?! Наши рудники разграблены, три сотни наемников и маг убиты, двенадцать солдат ранено, трое тяжелых, шахтеры угнаны в рабство, выработка более чем за месяц похищена, и ты спрашиваешь что произошло?! У этого ублюдка снова есть чем заплатить своей армии за один последний поход, и он не успокоится пока не вырвет наши сердца и не скормит собакам, вот что произошло! И как ты думаешь, куда денется толпа вооруженных наемников, после того, как пройдут половину

баронства и возьмут замок?

— …?

— Пройдутся огнем и мечем по второй полове, не в сторону степи же им возвращаться! Проклятье, Анст, либо завтра де Геррот будет мертв, либо через день-два у стен будет целая армия, которой даже тебе приходится опасаться. — Выговорившись, Сильвия немного успокоилась. — Я знаю, у тебя наверняка готов план, в живых барона ты оставлять не собирался, твои указания еще ни разу не были ошибочны…, прошу, приказывай, господин. — Она остановилась напротив меня в ожидании. Признаться в моей голове и вправду бывают светлые мысли, но сейчас явно не тот случай. Как минимум Сильвия в этом деле помочь мне точно не может, вся надежда на яд Нагайны, только он слишком поздно станет смертелен… Но я найду выход, во что бы это мне ни стало, я отстаю свой дом у какого-то никчемного барончика!

— Подлый гаденыш хочет оказаться слишком высоко, не осознавая как опасно будет падать. Это моя забота и моя месть за погибших и схваченных. Скольких подданных мы потеряли?

— Девяносто восемь…, рабочие и гарнизон.

— Выдай семье каждого по пять золотых, народ должен знать, что мы заботимся и дорожим ими, а наемники…, они и так знали, на что шли.

— Пять сотен золотом…, - поморщилась Сильвия, на что я только хмыкнул.

— Мы далеко не бедны, Сильвия, а вскоре станем еще богаче, это я тебе обещаю. — На лице вампирши впервые с начала разговора появилась тень улыбки.

— Как прикажете, повелитель. — Успокоилась она. После моих слов, ее уверенность во мне, что все закончится хорошо, снова окрепла. Но если бы все было так просто, если бы…

— Тела погибших необходимо собрать и доставить к замку, часть придется похоронить, но тех, у кого не окажется родственников или о ком не будут расспрашивать, тайно складируйте на ледник.

— Будет исполнено, — ответила Сильвия и, не желая терять время по пустякам, вышла, а я так и остался сидеть в пустом темном помещении, прикидывая, что мне делать и как.

Безусловно, в первую очередь все мои демоны обретут плоть, их помощь в бою будет неоценима. С птенцами Сильвии они станут авангардом, который благодаря своей силе, скорости и выносливости трупами проложит путь для наемников, остальное люди сделают сами, а главное, каждый из них должен свято поверить, что именно они одержали победу. Но прежде всего мне

самому придется обеспечить некое "равновесие сил", чтобы затея не казалась немыслимой. Число магов и воинов должно быть сопоставимо, а о быстрой победе позаботимся мы — демоны.

— Ссслушаю, повелитель, — прошипела явившаяся на зов Нагайна.

— Когда твой яд подействует на барона?

— Чересс два дня, госссподин.

— Проклятье! — выругался я, долго, слишком долго. — Тогда отправляйся в замок, где мы были недавно, и отрави воду, каждый колодец, каждый источник, сделай так, чтобы любая капля жидкости стала смертельно опасна, но не сразу… К примеру, при контакте с вином или определенными приправами, а отравление начиналось с различных симптомов. Пусть в первую очередь ищут причину в ином месте, так больных окажется больше, а на магов свалятся заботы, отнимающие запасенную на нас силу и время. Выходящие отряды преследуй от самых ворот, возьми с собой низших, не попадайтесь магам, травите, убивайте одиночек, развлекайтесь…

— Ссслушаюссс! — прошипела обрадованная приказом Нагайна, ей нравилось убивать и становиться сильнее, за нее можно быть спокойным, все будет сделано как надо.

Вот и первый увесистый булыжник, нацеленный в смазанные шестеренки чужой военной машины, теперь на первом же привале начнется форменный мор среди нарушителей дисциплины и любителей посетить кусты в одиночестве. Возможно, при стольких одаренных много жизней это не унесет, человек сто, максимум двести, но нужное влияние, безусловно, окажет, а главное истощит резервы магов. К сожалению сам де Геррот не пострадает, это самодовольное наглое существо в числе первых, кому окажут помощь. Но! Сколько таких будет среди наемников, сотни? Тысяча? А среди слуг и рабочих? Конечно, немного жаль невиновных обитателей баронства, которые неминуемо погибнут по моей вине, но нацелившись на меня, де Геррот лично подписал всем им смертный приговор, честная битва больше не для меня, успел насмотреться и не раз умереть, теперь я предпочитаю победу, какая бы грязная она не была.

Разумеется, утром мы тоже выступим в сторону границы, чтобы основная масса войск моего "соседа" не успела "для поднятия духа" разграбить деревни, "победить" безоружных селян, вытоптать и сжечь посевы и пашни, не один я умею играть грязно, рабы и обобранные рудники тому доказательство. Если сейчас я потеряю посевы и крестьян, будет уже не важно, чем закончится наша маленькая война, без людей и рабочих — мои земли мертвы. Черт, я-то простодушно считал, что сам нагряну к барону

во главе победоносного войска, когда он будет мертв, а многочисленные наемные отряды, без платы расползутся по империи — наивный дурак! Чуда не произошло, меня переиграли. Хреновый из меня интриган.

Но это все позже, сейчас меня ожидает длинная, бессонная ночь в подвалах, рядом с ледником, в попытках сделать подходящие по живучести оболочки для воинов, не страшащихся смерти. Завтра все мы идем в свой первый настоящий бой.

Глава 20. Подбивая итоги

Война — это сначала надежда, что нам будет хорошо;
потом — ожидание, что им будет хуже;
затем — удовлетворение тем, что им не лучше, чем нам;
и наконец — неожиданное открытие, что плохо и нам, и им.
/ Карл Краус/

Настало утро. Я собрал всех, кого смог, даже мой слуга Хмир со своим спутником за ночь успели попасть на точку перерождения и пополнили строй своими клинками. Демоны, люди, вампиры, все, кто имеет отношение ко мне и входит в наш малочисленный клан возрожденных, пойдут на острие атаки, чтобы кровью проторить дорогу к основной цели — кодаренным. Их смерть означает победу, и победитель будет известен по прошествии каких-то минут сначала сшибки двух армий. Либо мы, либо они, затяжная борьба — разорение обоих. Два игрока, два плана — один победитель.

Мои наемники выступили в сторону границ еще ночью, с трудом, но мне удалось убедить их в победе, золото и красивые слова творят чудеса с людскими сердцами. Трое суток на разграбление замка моего оппонента их главный приз в предстоящей резне, а клятва взять на себя магов противоположной стороны избавляет от части обязательств. К счастью, что де Геррот беден как последний нищий, а каждый жалкий медяк вложен в компанию, им не известно, так что сильно много я не теряю, напротив, солидный кусок территории стал бы прекрасным дополнением к моим землям и неплохой компенсацией за затраты.

Но это будущее, то, что я видел сейчас, мне не нравилось. Наемники стали лагерем всего в семи часах пути от замка, а это значит, что дальше поселения в сторону границы пусты…, ни один крестьянин не добрался до своего сюзерена, чтобы сообщить о несчастье. На войне никто не ошибается дважды, и эти люди ошиблись в последний раз, все, что мне остается сделать для своего дома — это быстро довести войну до конца.

— Нагайна.

— Госсподин? — Всего за одну ночь в компании с низшими она успела убить двадцать бойцов, прежде, чем маги начали на нее охоту всерьез. Три души остались заперты в хранилищедоминиона, и Горлум в нетерпении ждал команды, чтобы начать делать то, что нравится ему более всего — добывать богатства и силу для своего повелителя. А мне понадобится

много сил для противостояния семерым магам, и совершенно не жаль троих неудачников, угодивших в ад из-за чужих амбиций.

— Ты знаешь, что делать. — Я отпустил змею в свободное плавание, ее задача в горячке рубки нежно выводить из строя офицеров и самых умелых бойцов. Не стоит забывать, что для прогресса моих низших война наилучший источник материала и из нее следует выжить максимум пользы.

Тем временем наемники выстраивались в шеренги, мечники готовили щиты, за их спинами проверяли готовность оружия лучники, маги перебирали весь свой арсенал смерти, полностью оставив защиту на меня. А я вправлял мозги и настраивал на нужный лад свою малочисленную гвардию.

— Мы последний рубеж, за нами дом, земли клана! Нашего клана, клана возрожденных! — О магический щит разбилось первое пробное заклинание, враг пока еще медленно двинулсянавстречу, а от стоящих рядом со мной повеяло страхом. Еще не каждый из них верит в возможность воскреснуть, но, похоже, каждый пройдет этот непростой ритуал посвящения.

— За повелителя, за солнечный свет, за бьющиеся сердца и горячую кровь! — вторила Сильвия и девять вампиров воодушевленно поддержали ее криками и лязганьем мечей о броню.

— Мы покроем наши имена воинской славой и умоем кровью врагов! Мы первые среди лучших! Следуйте за мной, и я приведу нас к победе. В бой! Все в БОЙ!!! — Заорал я и первым бросился вперед, а за мной последовали два десятка таких же безумцев, как я: люди, вампиры, демоны — все кто вольно или невольно присоединился ко мне и Сильвии. Мы выглядели горсткой сумасшедших, с двумя мечами наперевес несущимися в пасть к гигантскому льву, в то время как остальные вытягиваются в клин за нашими спинами.

Тоненький ручеек силы от трех пребывающих в муках душ непрестанно пополнял силы, сметенные порывами ветра зачарованные на преодоление защит стрелы по оперение утопали в земле, постоянный приток манны делал свое дело, и многочисленные заклинания оплывали и разрушались, касаясь полусферы, закрывавшей нашу армию. Магия столкнулась с магией, постоянно пребывающая сила, против мастерства и количества, один против семерых, и я держался, прикрывая себя и сотни бегущих за нашими спинами, в то время как мои маги, убедившись в своей безопасности, начали отвечать, все больше сил вкладывая в нападение. Начался обратный отсчет, потекли те самые малочисленные секунды, в которые ни одна сторона не могла нанести другой урон, щиты держались, а слабые амулеты

личной защиты дарили надежду стоящему в первых рядах мясу.

Ровные шеренги врага все ближе, прозвучала команда, и они прикрылись щитами, выставив вперед копья и мечи, не забывая раз за разом осыпать нас стрелами. Сила атаки армии равна ее массе, помноженной на ускорение — на последних метрах, взяв максимальный разгон и смяв передние ряды магией, мой маленький отряд вломился в образовавшуюся брешь, непрестанно орудуя клинками, чтобы не терять темп. Через несколько секунд нашему примеру последовали наемники и воины баронства, пользуясь полной поддержкой наших одаренных. С этого момента воцарилось время честной стали, больше не выпускали стрел лучники, опасаясь попасть по своим, маги перестали обращать внимание на защиту солдат, полностью сосредоточившись на убийстве друг друга. Уже много позже, когда в их поединке определится лидер — положение изменится, но не теперь.

Сейчас власть стали, и в этом мои воины лучшие — сила, скорость, выносливость, во многом превосходящие доступное людям, помноженные на навыки и опыт, но даже нам приходилось несладко. Определив направление прорыва группы, на меня обрушился весь возможный арсенал всех известных стихий: спрессованные в копья потоки воздуха ударяли в удерживаемую защиту, земля растекалась под ногами болотом, затянув троих, бежавших впереди, прежде чем его удалось заморозить. Бьющие из земли иглы, пробивающие доспехи насквозь, хитроумные, невообразимо сложные плетения, разъедающие щит, непрестанные попытки остановить, замедлить уничтожить… — через минуту нас осталось тринадцать в окружении сотен.

Айн в паре с одним из низших, как ледокол, прорубает путь через орущую, лязгающую металлом и огрызающуюся сталью стену наемников, пока остальные закрывают меня — единственную причину, по которой нас еще не превратили в пыль. В какой-то момент на редкие магические атаки не остается времени, все внимание уходит на сдерживание пришедших в беспокойство магов, продавшихся де Герроту за золото. Мы движемся к цели. Резанные, колотые раны, бьющая струями кровь из отрубленных конечностей, голов — настоящая мясорубка, где роль говядины исполняют люди. Если доспех не удавалось пробить мечем, мои создания сминали его своими ударами, превращая в отбивную хрупкую плоть под излишне прочной скорлупой брони.

Брошенное кем-то копье останавливает наше шествие. Вошедшее под ребра низшего, оно пробивает бок Айна, и оба падают, насаженные на древко словно бабочки на иглу.

Сцепленные вместе, они не могут быстро подняться, и налетевшие, обезумевшие от страха наемники буквально разрубают их на части, не удовлетворившись отрубленной головой — мы успели себя показать. Нас одиннадцать. Вперед выходит Сильвия, она еще слишком посредственный маг, но мечник от бога — снова уши ласкают стоны и крики раненных, снова лязг металла и висящие в воздухе капли крови, их так много, что они не успевают падать, настолько быстро их место занимают новые, и новые. Мы движемся вперед.

Я не успел заметить, в какой момент в моей груди оказалась стрела, и как они смогли пробить мой щит, недавно казавшийся неуязвимым. Для мага страхующего группу отвлекаться на собственные раны непозволительная роскошь, и, тем не менее, я не справляюсь. Против атаки четырех стихий с четырех разных точек не выстоял даже я, меня переиграли не напором, а мастерством, взломали одну часть защиты, пока я судорожно латал три других. На отряд обрушился всепожирающий огнь, не щадящий ни своих, ни чужих. Сильвия успела использовать вампиров как щит, но все равно не смогла укрыться полностью, зато прикрыла меня. Нас осталось шестеро.

Половина ее лица горела как факел, она стонала, рычала от боли, но не выпускала меча. Мне не известно, как она еще не сошла с ума, не потеряла сознание, полуслепая, неспособная потушить магический огонь, унять причиняемый им ужас. Пламя не унималось, получив пищу, оно как голодный зверь жрало плоть, расползаясь сантиметр за сантиметром, и вот уже мечами орудует не облаченная в доспехи вампирша, а объятая пламенем фигура, исполнившая свой долг до конца. Нас пятеро, но мы все ближе.

Навстречу бегут два десятка личной охраны, которые будут стоять до последнего, им лучше, чем кому-либо известно, после гибели магов мы возьмемся за остальных, и большая численность перестанет быть такой уж проблемой. Чтобы выиграть время и расчистить путь, низшие, как голодные волки кидаются вперед, наплевав на свои жизни, и один за другим вспыхивают как спички, едва успевая забрать с собой двоих-троих наемников. Сзади, боясь подойти и десяток шагов, нас поливают стрелами лучники. Мы с Хмиром стоим спина к спине, шаг за шагом двигаясь вперед, нас двое.

Отвожу несущийся в лицо меч в сторону, взмах и чья-то отрубленная кисть с зажатым в ней оружием, хаотично вращаясь, летит в сторону, а потерявши равновесие боец, падает на колени, так удобно подставляя шею. Еще один шаг по дороге, вымощенной частями разорванных и разрубленных тел,

сожженных в огне или раздавленных тисками проклятий — за моей спиной только суеверный страх, кровь, и трупы. Осознание этого дарит силы, быстрее гонит по жилам кровь, пресыщенную адреналином, для меня все вокруг давно окрасилось алым, и больше нет иной цели, как остановить бьющиеся в ужасе сердца и забрать положенный по праву приз. Я даже не заметил, когда остался один.

Один из магов, больше других ценивший свою жизнь, истощив резерв до дна, истошно заверещав, дрогнул и побежал, не далеко, ведь никто из оставшихся даже не подумал прикрыть его отступление. Сделав несколько шагов и выйдя за предел объединенного щита, он упал, укушенный только и ждавшей этого мгновения Нагайной. "Минус один" — промелькнуло в голове. Последний из одаренных, что еще хоть как-то пытался ограничить магов, сражающихся на моей стороне, присоединился к своим товарищам, в едином порыве желавшим уничтожить меня как можно быстрей.

Я едва устоял, под их слитой воедино мощью, отступив на несколько шагов назад, и пропустил страшный по своей силе удар топора в спину. Противно хрустнула разрубленная ключица, сломанные ребра при вздохе разорвали легкое и горлом хлынула кровь, меч выпал из ослабевшей левой руки. Толчок ногой в спину, топор с чавканьем выходит из плоти — импульс жизненной силы и осколки костей встают на положенное им место, разворот, и обрадованный успехом здоровяк остается без ног. Прямо на ходу поднимаю в пустую руку щит и наконец-то пронзаю сердце одаренного, под обреченным взором остальных, выпивая метающуюся в поисках спасения душу. Это моя награда, МОЙ трофей!

Глаза наливаются алым цветом инферно, только пятеро стоящих напротив знают кто я, и они должны сдохнуть, осознавая свою обреченность и неизбежность, ведь это придает такой приятный аромат их сущностям. Думаю, если бы не шум и лязг вокруг, мой смех и радость победы услышали бы многие, а не два последних цепляющихся за надежду, опустошенных попытками выжить мага. Испещренный рунами меч без труда проходит через защиту амулетов и пронзает очередное сердце, но и сам рассыпается в прах. Я огорчен, мне нечем убивать последнего…

Немного расстроившись, бью кулаком в грудь, перемалывая кости и вырываю достаточно длинный и острый кусок ребра, прорвавший одежду, чтобы воткнуть в висок его же владельца. С самого момента смерти первого из магов вокруг нет ни одного наемника, все кто понял, что происходит, уже отступают в сторону леса — я в безопасности, и демонический огонь покидает

тело. Растянутые мышцы, надорванные связки, не раз сломанные и вновь сросшиеся кости, этот бой дался тяжело.

Я опускаюсь на колени, чтобы забрать последнюю душу, мой вид оставляет желать лучшего: с тремя стрелами в груди, пробившими тело насквозь, рассеченный на спине доспех, смятый в десятках мест, где я пропустил очередной удар. Магия все еще прикрывает меня, но я остался один, каждый пошедший вслед за мной пал, разделанный на части, словно поганая нежить, поскольку убить нас не просто. За спиной осталась широкая просека, заваленная трупами, измятыми, изрезанными, иногда разодранными когтями и зубами, когда уже ничего не оставалось под рукой, или даже самих рук. Черные вороны, словно заранее прознавшие о будущей бойне начинают кружить над полем, ожидая своего часа полакомиться телами более чем тысячи погибших сегодня. Но мы победили… — это главное.

Но хватит рассиживаться, наемники не из тех людей, кто осознав неизбежность поражения спешат сложить голову и сражаются до конца, это не та порода людей, которые способны лить кровь за идеалы — приближается время собирать трофеи. Тела магов, чтобы возвысить низших, офицеров и лучших из бойцов, чтобы поднять навыки на качественно новый уровень, рядовое мясо очень пригодится, чтобы вернуть в строй павшую гвардию. Осталось не так много времени, чтобы погрузить тела мертвецов и все еще живых на телеги и отвезти достаточно далеко, чтобы без свидетелей отправить в доминион. Нельзя терять драгоценные минуты, особенно когда из помощников имеющих плоть осталась только Нагайна, и пора бы уже к дьяволу вырвать из груди эти чертовы стрелы! С ними невозможно дышать! Опираясь на застрявший в чьем-то доспехе меч, я медленно поднимаюсь с колен, чтобы встав в полный рост и осмотреть место подходящей к своему завершению битвы.

Понтий, второй сотник баронства де Ганзак.

Сегодня многие проклинали тот день, когда принесли клятву верности баронессе, а еще больше день, когда рядом с ней появился надменный эльф, считающий себя хозяином. Пока был жив старый барон, ни разу, вы слышите, ни разу не было столь масштабных сражений между баронами. Даже находясь при смерти, не вставая с постели, он продолжал твердой рукой держать свои земли в строгости, а соседей на почтительном расстоянии. А это без малого два десятка лет порядка и тишины, которые помню лично я, а что сейчас? На каждый меч два чужих, на каждого мага двое куда более опытных и умелых! Неужели это наш последний бой?

Я посмотрел на стоящий рядом первый десяток. У каждого в деревнях остались близкие, у многих жены, дети… При воспоминании о семье я крепче сжал меч. Пусть любой из нас не раз рыл носом землю вдоль тракта, в поисках разбойников, хотя бы однажды лицом к лицу сталкивался с орками и сообща, всеми вольными землями, выбивал этих тварей обратно в степи, но сейчас каждый из моих парней недобро косится на командиров и всерьез боится за жизни родных. Раньше на нашей стороне были дружины всех баронов, без исключения, мы стояли на толстых стенах замков и крепостей рядом с десятком сильных магов — тогда мы знали, за что отдаем свои жизни, знали чего ожидать, верили, что выстоим и победим. А сегодня вынуждены резать глотки тем, с кем когда-то бились плечом к плечу с общим врагом, делали общее дело, и все из-за ссоры паскудных дворян, которые привыкли разгребать жар чужими руками. Я зло посмотрел на эльфа вместе с баронессой расхаживающего перед своей охраной.

— Мы последний рубеж, за нами дом… — Дом… Любой из моей сотни без колебаний отдаст жизнь за то, чтобы ни один наемник не дошел до дверей, за которыми укрылись его дочери. Дьявол, будь прокляты эти междоусобные войны, нам нужна эта победа, *мне* нужна эта победа!

— …В БОЙ!!! — Раздался крик, поддерживаемый сигналом рожка, и нам ничего не оставалось, как двигаться вперед, для прорыва перестроившись клином, но даже самые опытные солдаты не смогли бы предположить, что произойдет дальше — сама баронесса в числе первых ринулась на ряды наемников.

Два десятка фигур, закованные в одинаковые черные доспехи, как демоны войны единым ударом ворвались в строй противника и не останавливаясь, расшвыривая наемников словнослепых котят двинулись прямиком к магам. Безумцы! Их слишком мало для прорыва! Вопреки приказу, не произнося ни слова, как умеют только бойцы не единожды сохранившие друг другу жизнь, мы одновременно усилили натиск и последовали за баронессой.

— Первый десяток! На прорыв! — Пока брешь не успела закрыться, мы ударили в самый центр, расширяя ее, закрепляя успех. Если противника удастся разделить, появится шанс, пусть призрачный, но все-таки шанс, и хлынула первая кровь.

— Раненных в центр!

— Сигун, Торн, помогите же, черт бы вас подрал!

— Держать строй!

— Стрелы!

— Вторая линия, поднять щиты!

Команды сыпались со всех сторон, но уже мало кто их

слушал, крики, стоны, лязг, все слилось воедино, но каждый и без того знал, что ему делать. Мы рубили, кололи, потом снова рубили и все равно не успевали за воинами в черном. За всю бурную молодость и две компании я ни разу не видел, чтобы *так* владели мечом. Чтобы приблизиться и ранить хоть одного, свои головы теряли минимум десятеро, а раненный поднимался вновь и кидался вперед, к магам. Меч немногих беспомощно ударялся о доспех, чтобы секундой позже упасть вместе с держащей его рукой, остальные наемники даже не успевали приблизиться, словно сами собой, распадаясь на части или падая изломанными куклами, настолько быстро они двигались. А в центре всего этого безумия спокойно шел эльф.

Вскоре мы завязли, отбиваясь от постоянно наседающего врага, на нас давили с двух сторон, а все, что я видел впереди это десятки тел и черные спины, неумолимо двигающихся вперед воинов из отряда баронессы. В какой-то момент несколько из них по пояс ушли во внезапно ставшую мягкой землю, их кинулась рубить целая свора шакалов, но даже так они смогли дорого продать свои жизни, в то время как остальные, не обращая внимание на отставших, продолжали прорыв.

— …удачи вам, — прошептал я и еще усерднее чем раньше заработал мечом, мы продвинулись достаточно далеко, успешно прикрывая спины безумцам, решившим двумя десятками пробиться к магам сквозь более чем двух тысячную армию. Их начали бояться, трусливые наемники предпочитали отскочить назад, натыкаясь на клинки собственных товарищей, чем приблизиться к черным фигурам. Вскоре стрелы и копья стали мелькать чаще, чем честный меч, но неминуемо бессильно опадали столкнувшись с защитной магией эльфа.

— Отступаем! — отдал я единственно верный приказ, если нас отрежут от основного войска, смерть парней будет напрасна, мы и так слишком рисковали, покинув строй.

— Отступаем! — повторили мой приказ десятники, им не нужно повторять дважды. "Прорвутся", — подумал я глядя вперед на отдаляющийся отряд и хватаясь за древко стрелы, торчащее из груди, — "обязаны прорваться…, никогда не видел, чтобы так… владели мечом", — меня подхватили чьи-то руки и свет померк.

***

Пришел в себя от страшной боли в груди, кажется, меня спешно несли, безжалостно шатая из стороны в сторону, правый глаз ссохся от залившей его крови и пыли. Попытался поднять руку к лицу, чтобы вытереть грязь, оглядеться и понять, что творится вокруг, но новый приступ боли от резкого движения

отправил меня в беспамятство.

***

Снова боль, но вскоре она утихает, оставаясь назойливым фоном. Не знаю, сколько прошло времени с того момента, как началось сражение. Надо мной небо, бескрайнее яркое синее небо, ни одного облака нет на нем. Правой рукой почти невозможно шевелить — боль возвращается с новой силой. Старательно вытираю лицо левой и смахиваю крошки застывшей коркой крови, грязи и пота, наконец-то получилось взглянуть нормально на мир. Это, казалось бы, простое действие вытянуло из меня последние остатки сил, в изнеможении рука опустилась на грудь, боль, стон, темнота.

***

— ААА!!! — я кричал и скулил, позабыв о гордости, из груди вырвали стрелу. Я пытался рассмотреть, кто это сделал, но от внезапной боли из глаз хлынули слезы, и не удавалось увидеть ничего, кроме мельтешения мутных образов.

— Держите его. — Раздался твердый спокойный, но какой-то безжизненный голос, боль уходила, сменяясь приятной прохладой от чужого прикосновения, оставалась только усталость, неимоверной тяжестью навалившаяся на плечи.

— Господин, разведка вернулась, на час пути все деревни сожжены, тел селян нет, думаю, их захватили. Уверен, такое творится до самой границы. — "Деревня, там и моя деревня…" — вспомнил я. Тяжело думать, мысли путаются, но воспоминание о доме, жене, детях разожгло в груди огонь ненависти ко всем этим баронам, их проклятым ссорам и жажде власти, я попытался подняться.

— Да держите же его, черт бы вас подрал! Ты. Найди коменданта, пусть соберет оставшихся в живых солдат, возьмет одного из магов и возвращается в замок за золотом. Думаю, тысячи будет достаточно, чтобы выкупить рабочих и крестьян. Если удастся нагнать конвой — еще лучше, вырезайте не задумываясь.

— Комендант мертв, господин, из офицеров жив только Понтий, он перед вами. — Я продолжал лежать более не в силах пошевелить и пальцем, из глаз катились слезы. Мои дети, я должен быть рядом, я должен быть с ними!

— Черт! — сквозь зубы выматерился голос. — Слышишь?! — На до мной склонилось залитое кровью лицо эльфа, облаченного в черный доспех, и жестким уверенным голосом продолжило, — вижу что слышишь. Через два часа придешь в норму, да и солдаты переведут дух, потом собирай сотню. Что делать дальше ты понял, медлить нельзя, если людей успеют продать… — Что

будет, если их успеют продать додумать было не сложно, рабы потекут в сторону от империи, где рабство запрещено императором, возможно, часть попадет в степь к оркам в качестве мяса. Я смотрел эльфу прямо в глаза, в моем сердце возродилась надежда, я вдруг осознал — мы победили, победили благодаря ему. Остается самая малость — во чтобы то ни стало вернуть семью.

Анст.

Я отдавал приказы как пулемет, не давая ни минуты покоя, ни себе ни солдатам. К границе на разведку тут же был отправлен конный десяток. В близлежащие деревни за лекарями и телегами отправилась часть наемников, остальные ищут раненных и относят в сторону трупы. Как жест доброй воли, я предложил недельный контракт всем, кто сложил оружие и сдался, а таких набралось более двух сотен. Раненным же я, не медля ни секунды, оказывал помощь, не разбирая на правых и виноватых, с той малой разницей, что наемникам приходилось платить за мои услуги. Отрубленные пальцы, руки и ноги я ставил на место не менее чем за клятву год отслужить в замковой страже, ведь первое время я буду остро нуждаться в солдатах, особенно после сражения — не стоит забывать, что в вольных землях много баронов, и не все спокойно переживут смерть одного из них.

— К телам магов не прикасаться, солдат завернуть в сукно и отослать в замок для похорон, с остальными поступайте, как знаете, но всех, кого убил мой отряд, принадлежат мне, как и трофеи. — Никто не смел мне возражать, многие видели, как дорого мы заплатили за смерть одаренных. Да и мой потрепанный вид говорил о красноречивее всяких слов.

— Господин, у вас кровь…

— Млять! Такое бывает, когда получаешь топором по хребту! Пошел вон и не смей путаться у меня под ногами! — Солдат попытавшийся проявить заботу шарахнулся в сторону как ошпаренный, едва не сбив с ног своего товарища. Проклятье! Чтобы бросить до сих пор зажатый в руке меч, пришлось по одному отгибать одеревеневшие пальцы. Я устал. Очень устал, почему-то никто и никогда не упоминал о тяжелом запахе крови и нечистот в месте, где скопились сотни убитых, о голодном зверье, которое обглодало лица и руки тех, кого смерть застигла глубоко в лесу. Обратная сторона войны поражала, ни благородства, ни рыцарства, ни принцесс и великой цели — только политика, любая подлость за победу, а после только стоны и проклятия, раненых. Только непрерывный поток силы из доминиона до сих пор держал меня на ногах. Сделав глубокий

вдох, я успокоился и продолжил разгребать кучу дерьма, свалившуюся на наши головы после сражения.

— Всех тяжелых к западной стене замка, там организовать палаточный городок и обеспечить уход. Постарайтесь как можно дешевле выкупить у наемников все доспехи, мечи, секиры, ровно, как и любое другое железо — все это в кузню. Тела магов и их охраны взять в кольцо, никого не подпускать, не хватало еще спасать идиотов, решивших поживиться амулетами. (Заодно и сбережете мое имущество под благородным предлогом).

— Господин Анст…

— Барон Анст! — Громко четко и жестко произнес я, чтобы услышали все вокруг, и они разом заткнулись. — Баронесса билась в числе первых за *ваши* жизни, жизни *ваших* близких и отдала *свою* собственную за эти земли, перед тем назвав меня своим приемником! — На каждом нужном слове я делал особый акцент, чтобы собравшиеся поняли, кому обязаны жизнью и кому теперь подчиняются. Ни для кого давно не секрет, кто командовал в замке последние дни, и кому не смела перечить сама баронесса, а потому недовольных не было.

— Барон, списки погибших… — Мне в руки подали свиток с длинной чередой имен и множеством цифр, полный отчет о том, кто сложил голову, ранен или остался в строю, часом позже точно такие же бумаги мне предоставили и наемники.

Сумасшедший день подходил к концу, разгорались костры, выставлялись часовые, тревожным сном забывались люди… А мне предстояла не менее сумасшедшая ночь, с перетаскиванием тел магов в доминион, проведением ритуалов и так далее и тому подобное. И, надеюсь, никто не заметит пропажи десятка раненных из числа тех наемников, вокруг кого обнаружили более всего мертвых тел. Сумасшедшая ночь — отдохнуть не удастся.

Глава 21. Последняя точка

Победителя никто не спросит, правду он говорил или нет.
/Адольф Гитлер/

Тело барона так и не нашли, немногим позже Айн смог разузнать, что тот добрался до своего замка и сейчас усердно готовится к осаде, в надежде на помощь соседей. Трусливаясволочь, он даже не соизволил участвовал в сражении! Ничего, я до него еще доберусь…

Проведя несколько ритуалов над низшими, я вдруг почувствовал, как тускнеющая ниточка силы от плененных душ оборвалась, тут уж невольно пришлось поспешить с визитом в хранилище, чтобы отчитать ненасытного Горлума за бессмысленно сожранный ценный ресурс, но зрелище, что передо мной предстало… удивило.

— Они сломались, сломались, сломались… — пречитал расстроенный демон и размазывал по лицу крокодиловы слезы.

— М-мать, — я в шоке замер на пороге. Сломались…!? Да как вообще можно умудрился сломать души?! Все, что от них осталось — это три бесформенных шара без каких-либо следов личности или разума, нет ничего удивительного, что они перестали страдать. Но, черт возьми, как он этого добился?! Я по-новому взглянул на Горлума, клянусь всеми демонами бездны, я сам начинаю опасаться чудовище, которое сотворил.

— Повелитель! Они сломались! — заметив меня с новой силой начал расстраиваться… малыш.

— Тише, тише, я непременно подарю тебе новых… — постарался я успокоить малолетнего монстра, все-таки этой мой монстр, какой бы он ни был.

— Правда? — и столько надежды и радости в глазах, — спасибо, спасибо, СПАСИБО! — меня аж передернуло от одной мысли, что придется испытать бедняге де Герроту, но ничего, он заслужил это сполна. Лучшего хранителя и палача, чем Горлум, найти невозможно. Но, увы, как бы не хотелось сохранить украденное золото, тратить его все равно придется, новые дома взамен разрушенных деревень сами собой не построятся, плата наемника, выкуп за рабов — все это основательно подточило финансы.

Забрав с собой чистые души, прошедшие через нечеловеческие муки, я решил дать им новую жизнь, такую же чистую, как и они сами. Совсем немного, самая малая часть моей сути, целая лавина инферно и вокруг замка кружат три смерча живого огня, поднимающиеся от земли в высь на сколько хватает

глаз, три представителя первозданных стихий, сотворенные мной, величественные, завораживающие. Там, где проходили они, поверхность покрывалась лавой, превращая доминион в маленький филиал ада, словно в отместку за пережитое ими.

Красиво. Следом, пространство, где они оставили свой след, затянули облака цвета крови, с них в лаву упали гигантские черные стальные цепи, соединяющие видимое пространство в единое целое. То здесь, то там из кипящей лавы ввысь поднялись колонны из камня и черепов исполинов с горящими желтым огнем глазницами, словно титаны, держащие небосвод. Напротив замка демонов в доминионе из тьмы раскинулся новый, жуткий пейзаж, и разлилось бурлящее яркое море, а из него, раскидывая в стороны волны, не спеша выросла круглаяарена для будущих битв, по краям утыканная пиками скал. А на все это, будто страж, взирал гигантский череп с бушующим пожаром внутри, от постоянных всполохов которого невозможно было понять, куда направлен его взор, казалось, он наблюдает за каждым. Обретший разум низший, что помогал с дизайном, получил имя Мэд, за безумную красоту нового мира.

Все, на сегодня мои дела в доминионе окончены, павшие воины следовавшие за мной прошли возрождение: немного улучшить тела, изменить лица и уже невозможно узнать погибших в сражении наемников в чьих сердцах разум моих созданий. Эти воины вернутся в замок в течение месяца, кто-то немного раньше, кто-то чуть позже, но скоро они по праву займут свое место подле меня. А сейчас пора поставить жирную точку в судьбе барона и его земель.

Я уже решил, что ко мне отойдет половина территорий, где расположены лучшие поля, лучшие пастбища, ровно, как и самые богатые деревни — после стольких смертей мне пригодятся рабочие руки. За остатки пусть грызутся те, с кем граничат будущие "ничейные" владения — я не жадный, особенно, если это надолго заткнет их ненасытные глотки. На собственном опыте убедившись, что интрига, подкуп и шантаж обходятся много дешевле, чем старая добрая сила, не трудно сделать вывод как проще всего стереть саму память о роде де Геррот. И лучшая интрига — это когда твой противник все сделает за тебя сам, и убьет себя тоже сам (на губы вырвалась самодовольная улыбка от красиво придуманной подлости).

Барон отравлен медленным ядом, и этой ночью он, наконец-то, начнет действовать. Я лично заберу его душу, во сне, тихо и незаметно, ведь в замке больше не осталось ни единогосильного мага, способного заметить мое присутствие, а затем Айн займет пустующее, но все еще живое тело. Барон сам, при куче

свидетелей с радостной дебильной улыбкой выпрыгнет из окна, чтобы ни у кого не возникло и тени сомнений в самоубийстве, а в том случае если найдется умелец и обнаружит в крови яд, болтливые слуги все равно разнесут нужную версию. Барон будет опозорен, раздавлен, уничтожен! Ммм-да… Перед тем как умереть он будет смеяться, танцевать и веселиться, привлекая внимание, а затем со счастливым криком"… полетели!" кинется вниз головой с самой высокой башни. После такого пусть только кто заикнется, что я несправедливо назову его умалишенным.

Клеймо позора, нищета, затем бесславная смерть… Кто рискнет остаться верным памяти такого господина? Да его замок станет грудой камней без единого взмаха меча, без единого выстрела, слуги сами растащат наиболее ценное и разбегутся. У этой твердыни не будет защитников, мои наемники спокойно выгребут последние крохи, а я приложу все усилия, чтобы не оставлять очередным "наследникам" столь неудачно расположенный замок и сравняю его с землей.

Всем вольным баронам готовятся приглашение на мое вступление в титул и основание нового рода, через день-два к каждому прибудет гонец с гербовой бумагой и подарком, что они недавно вручали самому де Герроту. Простая формальность и настойчивое напоминание о том, кто вогнал последний гвоздь в крышку гроба соседа, быть может, именно после этого в моих землях станет хоть немного меньше "разбойников". Посмотрим, сколько майоратов согласиться признать меня равным, пора уже начинать отделять друзей от врагов.

Спустя чуть более суток после сражения, ночь, замок де Геррот

Сегодня многие не находили себе места — к замку подошла армия ведомая магом-эльфом, шесть сотен мечей против менее чем пятидесяти по-настоящему верных барону солдат и девяти десятков наемников и ни одного мага — только слабые магики, способные, разве что, направить заемную силу, но и ее у защитников было не много. Никто не льстил себе ложной надеждой на победу, даже не смотря на отсутствие осадных машин и защиту, установленную на самом замке, без хотя бы одного сильного мага, при грамотном штурме с двух направлений, не спасет ни какое мастерство, не помогут никакие стены, насколько бы крепкими они не были. И каждый прекрасно понимал — на этот раз пленных может не быть, слишком ужозлобленными стали воины де Ганзак, пройдя через свои разрушенные деревни, сожженные и вытоптанные конными разъездами поля. Многие, не обнаружив на пепелищах тела,

молили богов, чтобы их близкие были все еще живы, а их новый милорд сумел вытащить их из возможного рабства, и все без исключения жаждали мести.

Эльф дал обычные в таком деле сутки на то, чтобы немногие оставшиеся жители и слуги покинули замок, а самого барона выдали для казни, но тот клялся, что со дня на день подойдут отряды союзников, что продержаться остается считанные часы, и это выглядело не таким уж невозможным. Дворянам не свойственно кидать своих слов на ветер, клятвы в их устах стоят дорого, очень дорого, а потому, глядя как спокойны воины барона, большинство наемников осталась на стенах, с луками и арбалетами наготове хмуро наблюдая слаженную работу плотников, готовящих осадные лестницы. Если эльф не обманул, штурм будет завтрашним днем, спустя где-то три-четыре часа после полудня, тогда же подойдет и обещанная подмога.

Но все надежды полетели к чертям, когда ни свет, ни заря на арку ворот в одной ночной рубашке выбежал барон, с пеной у рта грозя осаждающим всеми небесными карами и подходом свежих отрядов, что вообще-то являлось тайной. Его пытались успокоить, вразумить, даже удержать, но обезумевший барон, как разъяренный бык рвался к краю бойниц.

— Пошли вон, ни на что не годные ничтожества! За что я вам плачу? Вы не стоите ни единого медяка! Как можно просрать сражение при двукратном перевесе?! Недоумки! — де Геррот ударил в челюсть схватившего его стражника. — Вы мне не нужны, я сделаю все сам!

— До он же оде… — начал было пристально вглядывающийся в барона магик.

— С дороги! — ударом ноги разъяренный дворянин столкнул вниз с более чем десятиметровой высоты излишне внимательного наемника, преградившего ему путь. — Слабаки! Видите, яодин могу раскидать всех вас как щенков, за что вам платить?! — потом посмотрел что стало с несчастным, сорвавшимся вниз, — эта бестолочь не смогла бы сохранить себе жизнь даже спрыгнув с забора, я способен на большее! — Расправив руки, под изумленные и ненавидящие взгляды собравшихся, барон прыгнул следом на вымощенную камнем площадку перед воротами. Никто, кроме невезучего молодого парня так и не заметил, что у бывшего хозяина этих земель аура разительно отличается от той, что была у него всего пару часов назад.

Для всех так и осталось тайной, что он был одержим, зато каждый запомнил всклокоченный вид и убийство ни в чем не повинного парня. И уж точно никто не мог забыть, что под стенами собралась целая армия, а чтобы спасти свои жизни

достаточно всего лишь выдать тело рехнувшегося дворянина. Наемники не задумывались ни секунды, когда перерезали глотки немногим рискнувшим заступить им дорогу, после чего привязали труп барона к его собственной лошади и, ударив кнутом, отправили в сторону лагеря эльфа. Всего через полчаса они вышли из замка, в качестве трофеев прихватив с собой наиболее ценную утварь и немногочисленных женщин, некогда бывших любовницами барона и волей-неволей пребывавших с ним до конца.

Следом ушли хмурые мужчины, до этого с ненавистью смотревшие, как жилище их господина растаскивают буквально по кускам, хватают и вяжут женщин, убивают более решительных, щепетильных в вопросах чести и верных господину солдат. Затем в опустевший замок ступили осаждающие, и процедура грабежа и вандализма продолжилась с новой силой, все, что не успели или не захотели забрать ушедшие, с успехом отдиралось, выламывалось, вскрывалось и забиралось их подоспевшими товарищами.

Через четыре часа, когда взять было решительно нечего, эльф, стоящий перед самыми стенами встал на колени, с силой вонзил ладони в землю по самые запястья и застыл на долгиешесть минут, в течении которых не владеющие даром с любопытством указывали на него пальцем. А вот присутствующие здесь маги завороженно следили, как медленно, споказательной ленью матерого хищника из-под пальцев эльфа вокруг замка расползаются напитанные магией корни.

В этом, пока еще незаметном растении, таилось настолько много силы, что сделает честь и паре магистров, и вот, когда круг замкнулся, появились первые всходы. Пока еще тонкие плети вьюна старательно карабкались вверх по каменной кладке, проникая в каждую щель, в каждую незначительную выбоину, чтобы секундой позже укорениться там и выпуститьсвежие побеги. Растение, подобно ярко зеленому ковру, за какие-то пол часа полностью скрыло серую кладку стен и перекинулось внутрь, на дома и донжон. Через час, или немногим больше с зубцов одной из башен упал первый вывороченный корнями камень.

Пришедшие дружины баронов, что всецело поддерживали замысел де Геррота, не застали никого и ничего, кроме немногочисленных беженцев и огромного зеленого холма, где-то в недрах которого, то тут, то там, раздавался звук падающего булыжника. К рассвету этот холм просел, сгладился и превратился в огромную, цветущую ядовито желтыми цветами поляну.

Отступление, доминион.

Нас собралось ровно двадцать и все без исключения уже который день изнывали от скуки. За первую неделю в доминионе своего повелителя мы успели десятки раз бросить друг другу вызов, силой доказывая свое право возродиться первым. Позже кто-то из проигравших вырезал кости, нарисовал карты, и все побежденные вдоволь отыгрались на победителях, после чего вызовы на арену посыпались вновь. Но и эта забава вскоре закончилась, когда Айн — сильнейший из нас запретил выбирать в противники заведомо более слабого. Как итог — мы второй день развлекаем себя пустой болтовней, признаться, гиблое дело без доброго вина и звонкой монеты.

Новое развлечение придумал один из низших, мы звали его Мэд. По секрету он рассказал одному из нас, что в доминионе есть еще разумный, охраняющий не что иное, как казну повелителя, и, заговорщицки подмигнув, предложил попробовать сыграть с ним. Вначале никто даже не понял, куда он уходил то с одним, то с другим, но когда "счастливчик" начал хвастать добытым серебром — заинтересовались все, а уж когда увидели горы золота за спиной хранителя Горлума… Пугала только ставка — минута пыток против медной монеты, и за все время в выигрыше остался только один.

Но праздное безделье привыкших к походам и развлечением наемников и солдат — великая сила. К тому же каждый из проигравших так ничего и не рассказал о плате за проигрыш, а на их телах не осталось следов. После арены хотя бы были белесые полосы шрамов, а тут только злорадное "сами узнаете", но продолжать игру они не спешили. И правильно делали, скажу я вам! Когда когтистая лапа демона пробивает живот и начинает перебирать внутренности, не остается ни единой мысли, кроме как выблевать собственный желудок и провалиться в блаженное беспамятство.

Этот мир, питающий наши тела, больше не успевал залечивать страшные раны. Теперь уже на спине каждого красовались длинные толстые полосы шрамов от когтей или грубые, в рытвинах и мелких язвах куски кожи, неуспевающие вырастать на месте только что содранной. Карточная игра стремительно перерастала в нечто пугающее, где проигравшего под громкие крики и улюлюканье провожали на пыточный стол. А победителя подбадривали, обнимали, качали и подбрасывали на руках, радуясь как родному, сумевшему отомстить и выудить из загребущих лап этого жадного дьявола очередную монету.

Когда общий выигрыш приближался к третьему серебряному, а разгоряченные воины готовы были с мечами наголо броситься

на хранителя, Мэд сам бросил вызов Горлуму, поставивчас адских мук против золотого. Наступила напряженная тишина. Мало кто мог продержаться хотя бы сорок секунд и не потерять сознание от боли и шока, но час… Его пытались отговорить, вразумить, но он беспечно отмахивался и все повторял, что еще никогда у него не было лучшего заработка. И только когда хранитель завязал тесемки второго объемистого кошеля, доверху заполненного камнями с их страданиями и болью, а чертов Мэд выигрывал подряд уже десятый по счету золотой империал, до собравшихся вдруг начало доходить, каких нае*@** создания господина!

— А теперь извиняйте, мужики, — заявил весело скалящийся демон, — повелителю срочно понадобилась моя помощь. Счастливо оставаться, с вами было весело! — прокричал Мэд, чтобы каждый услышал его слова, и, довольно улыбаясь, исчез вместе с остальными низшими, а двери хранилища захлопнулись. Ну и дерьмовое чувство юмора у этих низших…

Анст

Не так давно по сложившимся традициям дворянства вольных земель в моем замке состоялось небольшое торжественное событие — я прилюдно принял титул барона, наследника рода де Ганзак. Небольшое сборище благородных особ, часть из которых даже не соизволило появиться лично, прислав вместо себя доверенных слуг или младших из сыновей. Эдакий маленький гадючник из пары десятков лицемерных особ с маленькой свитой лизоблюдов и прихлебателей, достойных и стоящих людей среди них можно пересчитать по пальцам. Они-то и были единственными, кто отнесся ко мне с должным вниманием и в первую очередь осведомился о планах высокорожденного на земли людей. Они же стали первыми, кто признал мое право на баронство.

Остальные же либо по-рабски лебезили и заискивали, памятуя о недоброй славе и скверном характере эльфов, а главное, о скоротечной войне, в которой победитель, казалось бы, был предрешен. Но были и те, кто откровенно шел на конфликт, самозабвенно закрывая глаза на чужие ошибки. Двое баронов вообще принесли мне особенные подарки, те самые, что они дарили "сошедшему с ума" де Герроту и которые я "любезно" вернул отправителю. Что же, их право и их последствия, дуракам свойственно с упорством достойным иного применения наступать на старые грабли. Но главное, основная часть высшего света вольных земель признала меня равным — последние формальности соблюдены.

Размышляя, как наилучшим образом укрепить свои земли и

посовещавшись с новым главой гарнизона Понтием и командирами из наемников, на новых границах в ключевых точках ярешил поставить два форпоста: один, перекрывающий часть торгового тракта, проходящего через добрую треть всех вольных земель и теряющийся в недрах империи. К сожалению, дороги на моих землях все еще остаются одними из самых опаснейших по количеству разбойных нападений и, казалось бы, совершенно бессмысленным обстрелам торговых караванов. А потому волей-неволей приходится принимать меры, чтобы снова привлечь торговцев и путешественников, ведь земля без бойкой торговли никогда не принесет максимальный доход. Второй форпост, гораздо более крупный, должен расположиться на возвышенности, с которой будет удобнее всего уберечь расположенные за ней поселения. И неважно от кого: орки или люди с соседних баронств — главное это подать сигнал и дать крестьянам достаточно времени увести с пастбищ скот и укрыться за надежными стенами замка.

Строительством первого, задуманного в лучших традициях римских лагерей занимаются мастера плотники из числа местных, но второй… Это уже не просто укрепленный лагерь на два-три десятка солдат для встречи и сопровождения путников, это нечто большее — что-то вроде крепости с казармами на добрую сотню стрелков, источником воды и запасами провизии на месяц вперед. Об этот орешек сможет обломать зубы и целая тысяча, но здесь понадобятся по-настоящему умелые руки — нечета привыкшим к размеренной жизни сервам. Если постройка укрепленного лагеря обойдется мне в десяток золотых и несколько сотен поваленных стволов, то вот возведение крепости по предварительным прикидкам выльетсяболее чем в две тысячи.

Мастеров каменщиков придется нанимать в империи, а камень…, с камнем сложней всего, ближайшая выработка находится в семидесяти километрах от места постройки, а итогпридется ждать более года. Но меня это никоим образом не смущает, год? Пусть будет год, пока доставляют материалы, трудятся рабочие и наносят заклинания маги, конные разъезды наемников вполне способны поумерить пыл и укоротить горячие головы. Золото…, вот с этим сложнее всего.

Много звонких монет ушло на выкуп собственных крестьян на рабских рынках, немало средств потрачено, чтобы пополнить поголовье скота и другой животины, что разводиликрестьяне и так легкомысленно истребляли осоловевшие от безнаказанности люди покойного барона. Но я нашел выход, довольно оригинальный, нужно признаться, в этом нелегком деле мне помог демонолог. Собираясь побольше разузнать о демонах, я не

мог и помыслить, сколько они могут стоить…

Мой источник информации звали Гленд — излишне сообразительный черноглазый долговязый парень с длинными сальными волосами и непропорциональным лицом, что могло быть только следствием многочисленных и методичных побоев. Для удобства мы расположились в рабочем кабинете хозяина замка, теперь уже моем кабинете, именно здесь возможность подслушать хоть слово из нашей беседы стремилась к нулю. У меня было много вопросов, и далеко не каждому я могу их задать без последствий. И после нескольких часов беседы я понял — Гленд выйдет из этой комнаты моим слугой или же не выйдет вообще.

— … добровольно отданная душа дает демонам много больше сил, чем отобранная насильно… — несколько капель пота выступили на лице Гленда, а его взгляд все чаще бегал по убранству кабинета, цепляясь за что угодно, лишь бы не смотреть мне в глаза.

— … то, что вы описали, господин, называется зов. Так высшие демоны призывают своих миньонов… — Все чаще от очередного описания сердце молодого демонолога уходило в пятки, а душа норовила выпрыгнуть из тела подальше от странного эльфа, устроившего настоящий допрос и непозволительно много знающего об источниках силы, возможностях, желаниях, чувствах и повадках пожирателей душ.

— Расскажи все о ритуале призыва демонов в наш мир. — Слова эльфа проникали в самую глубь разума, само их звучание не зависимо от смысла вызывало инстинктивный страх. Учитель рассказывал Гленду, что подобное используют маги разума, чтобы выудить информацию, и… демоны. Все, к чему вел сидящий перед ним господин сводилось к одному — призыв в план людей тварей нижнего мира, от самых слабых до одних из сильнейших, и не слово не было сказано о защите от них…

— Ты способен провести ритуал? — вопрос, своим тоном не подразумевающий ответа "нет".

— Я… — еле выдавил из себя Гденд, а вокруг него пока еще едва заметно начали формироваться защитные плетения. Он вполне обоснованно начал бояться не только за возможные проблемы со жрецами, но и за свою драгоценную жизнь.

— У тебя будет выбор. — Заметив попытки ученика мага защититься себя, раздраженный его поведением произнес я. Наш разговор давно пересек черту милой беседы и скорее напоминал череду вопросов под мерное шарканье топора палача о точильный камень. Он боялся, до смерти боялся магии, которой владел,

боялся существ, которых должен был убивать и подчинять, всеми помыслами, правдами и неправдами старался оказаться подальше от гнева светлых богов. — Выбор прост, Гленд, служение или смерть. Ты услышал слишком многое, и я не верю, что ты способен удержать язык за зубами до нашей следующей встречи. — От упоминания новой *встречи* собеседник нервно сглотнул.

— Господин ба… — Я сформировал в руке сгусток черного пламени, не правильного по своей сути, чужого и враждебного всему живому. Созданное из моей темной сути, оно не отбрасывало свет, не источало тепло, зато своими языками тянулось к источнику тепла и души, сидящему напротив меня.

— Выбирай, — Гленд побледнел, его руки затряслись, голос дал петуха и он упал на колени.

— Господин, прошу, жизнь…

— Правильный выбор. — Маленькая искорка черного пламени отделилась от огня в моей ладони и удобно устроилась в душе демонолога, рожденный убивать и порабощать сам стал рабом того, кого прежде боялся и ненавидел. Гленд не соврал, с *добровольцами* действительно легче, до его формального согласия я мог либо убить его и сожрать душу, либо отпустить…

— Поднимайся, слуга, тебя ожидает много работы!

Отступление. Турус, первый жрец храма пресветлой

— Да прибудет с вами свет, — встреченный во дворе храма паладин выполнил церемониальный поклон.

— Да не оставит тебя благосклонность богини, — я, как и полагается настоящему жрецу, ответил приветствием на приветствие.

— Господин Турус, вас желает видеть Анст барон де Ганзак. — Чуть склонив голову, с почтением обратился ко мне оберегающий храм паладин. Они единственные в храме кому известно, кто я на самом деле, и кто без лишних колебаний выполнит любой мой приказ, даже если это будет казнь дворянина за преступление против веры.

— Не стоит заставлять перворожденного ждать, проводите его в покои настоятеля, я приму его его там.

Едва жрец и инквизитор в одном лице успел поудобнее устроиться в жестком деревянном кресле, стоящем перед заваленным бумагами и свитками столом, как после вежливого стука в помещение вошел эльф.

— Здравствуй, Турус. — В меру учтивым уверенным голосом дворянина начал он, — вижу, ты вполне освоился на новом месте, но, к сожалению, я пришел не затем, чтобы поздравить, скорее

напротив. Баронство переживает отнюдь не самые лучшие времена, а потому я вынужден просить о помощи, в надежде, что ты еще не забыл нашей *дружбы.* — Последнее слово было сказано с такой интонацией, что я против воли вспомнил, при покровительстве кого я переступил порог храма и кто активно способствовал моему сегодняшнему статусу. Я вздохнул. Не обнаружив в баронстве следов скверны и тьмы, а в действиях баронессы скрытого умысла, мир ее праху, я очень терпеливо ждал именно этого момента.

— В чем заключается эта помощь? — Уже предчувствуя, что ничем хорошим очередная затея барона закончиться не может, покладисто осведомился я. Выходить из роли "вчерашнего странствующего монаха" было все еще рано. Ведь даже если он и не причастен к смерти верных служителей богини — это еще не значит, что барон не попытается с выгодой воспользоваться ситуацией и впоследствии вертеть жрецами, как куклами, а это проступок еще более тяжкий, нежели убийство.

— Все нормально, Турус, ты же знаешь, я не потребую ничего, что бы противоречило заветам богини. Сказать по правде, я бы предпочел обойтись без твоего участия, но у меня практически не осталось выбора. Единственная просьба — чтобы все произошедшее осталось между нами.

Спустя несколько дней, где-то в глубоких подвалах замка де Ганзак.

— Отлично, просто великолепно! — Я потирал руки от предвкушения.

За последние дни демонолог, теперь уже мой демонолог, практически не отвлекаясь на такие глупости как сон и еда, полностью, вплоть до самого последнего сантиметра покрыл самое большое помещение замка, расположенное глубоко под землей, рунными знаками и вязью заклинаний. Как ни странно раньше это была пыточная, которую удалось значительнорасширить, снеся парочку "лишних" перегородок. И без того пропитанное болью и страхом, популярное для посетителей место превратилось в просторный зал с более чем четырех метровыми потолками. Со стен сняли все лишнее вроде кандалов, цепей и прочих положенных атрибутов, с потолка сорвали блоки, через которые были перекинуты веревки для наглядного созерцания молчаливого гостя его менее упорными товарищами. А посреди зала красовалась умопомрачительная по своей сложности пентаграмма, ее написанию мой слуга посвятил последние сутки непрерывной работы.

Лучшего места призыва я не могу представить, в страхе перед

смертью Гленд превзошел самого себя. Каждый знак на стене этой комнаты, каждая черточка призваны удержать явившуюся сущность, а вот пентаграмма напротив не имеет ни единого круга защиты. Я не сошел с ума, не возомнил себя сильнейшим, я не собирался никого пленять или подчинять, мне просто захотелось забрать силу тех, кого ненавидели все: от крестьян до церковников. Поддержка последних сыграет не маловажную роль, потому как сложно верить в абсолютное бессмертие порабощая и пожирая души. Интересно, какое выражение лица будет у Туруса, когда он, наконец, поймет, продажей чего я собираюсь поднимать экономику родного баронства, ведь я сохранил интригу до конца. Впору было глумливо рассмеяться, но я позволил себе только многозначительную усмешку, сейчас он все это увидит, зачем портить сюрприз?

— Ч-что ЭТО?!

Эпилог

Часть 1

К сожалению, харакири 100 % опасно для жизни…
/Доказанный факт/
Светлые герои полны добрых стремлений,
просто иногда и они приводят в ад.
/Жизнь/

— Ч-что ЭТО?! — Едва не задохнувшись от удивления протянул Турус. Еще бы, он ожидал увидеть что угодно, но только не это. Заметив жреца, выделяющегося белым пятном парадных одежд на фоне почерневших от грязи и копоти факелов стен бывшей пыточной, а ныне зала призыва, Гленд побледнел и осунулся, справедливо посчитав свою жизнь законченной, ноумирать ему было рано, сегодня у него особая, почетная роль жертвы. А тем временем, я наслаждался эмоциями, что нахлынули на этих двоих, но пара бы уже что-нибудь объяснить, пока реакция жреца не стала опасной.

— Это заработок, Турус, обычный заработок, ничего большего. Хвост, копыта, сердце, печень, кровь демонов — все по весу серебра, осталось только призвать и отобрать их у законного владельца. Так сказать, боремся с тьмой во имя золо…, света.

— Сумасшедший! Я отказываюсь в этом участвовать! — отступая на шаг от переполненной силой пентаграммы, нервно выкрикнул Турус.

— Ну, как бы тебе сказать…, ты здесь, он там, — я показал на демона, только что материализовавшегося в пентаграмме, свет-тьма, борьба и все такое… Вливайся!

— Сумасшедший безбожник!

— Предпочитаю "предприимчивый атеист". Работаем! — И понеслось.

Призыв, Гленд зажимает перерезанное запястье и торопливо, что есть силы отбегает от появившегося демона. Двое низших, закованные в черные доспехи чудовищными по силе ударами подрубают ему ноги, роняя на колени, Айн протыкает рогатиной горло и опрокидывает тушу на спину. Мой выход финальный, чуть театральным неторопливым движением я кладу правую руку на лоб демону, вспышка заимствованной божественной силы, и прямо в черепе темной твари разгорается чистейший свет, выжигающий глаза и гортань, вырывающийся наружу через рот и глазницы. Затем к мертвому телу подбегает следующий низший, зацепляет за подбородок мясницким крюком и уволакивает тушу в соседнее помещение, где позже займутся разделкой трофеев.

К пентаграмме возвращается Гленд, принявший несколько

сильнодействующих восстанавливающих эликсиров, за каждый прием которых он расплачивается целым месяцем жизни, вскрывает не успевшие затянуться запястья, через которые двумя потоками в пентаграмму льется кровь, и новый призыв самого слабого демона. И на этот раз в экранированной комнате собралось столько тьмы, что я начинаю поглощать силу вновь призванных, наращивая собственное могущество, уже не опасаясь, что это кто-то заметит. Но сила света в моей сути далеко не безгранична, и последующим я перестал портить тела. Все шло по накатанной: призыв, поглощение, трофей, застывший каменным изваянием Турус, молча взиравший на открывшееся зрелище, пока пентаграмма не активировалась сама собой…

POV. Нижние планы. Мир инферно.

Этот день можно было бы назвать праздником, жалкие людишки сами решили призвать демонов в свой мир и начали именно с его домена и его сотни, а значит скоро ему, могущественному Велизару, владетелю сотни, к столу доставят свежие души! Но минута проходила за минутой, его верные слуги и воины безвозвратно исчезали один за другим, и он перестал чувствовать их. Бешенство подступило к разуму демона, сама реальность задрожала от непередаваемой ненависти и людям и иным светлым расам.

— Ничтожные черви! — взревел Велизар, вставая со своего трона и расправляя крылья — символ власти и могущества высшего демона. Он четко выделил нить призыва, по которой уходили его слуги, затем схватил ближайшего и резким движением разорвал на две неравные половины, забирая накопленную им силу, затем следующего, потом еще и еще. Ему не нужны слабаки, не способные сражаться и добывать повелителю могущество, а для предстоящей битвы понадобятся силы, много силы!

Анст

Что-то пошло не по плану, Гленд в ужасе отбежал от пентаграммы и вжался в стену, крича о прорыве, да я и сам по ослепительной вспышке знаков понял — к нам приближается нечто по-настоящему сильное и могущественное. И если мне удастся это сожрать…, я мечтательно прикрыл глаза. В багрово-красном всполохе появилась высокая фигура с огромными, более чем трехметровыми раскрытыми крыльями. Мои низшие, как и до этого, наносят удары по ногам, но тварь и не думает опускаться передо мной на колени. Взмах крыльев и обаразлетаются в стороны, поломанными куклами врезаясь в стены на высоте

человеческого роста. Айн прыгает вперед и пытается воткнуть рогатину в горло демона, но та лишь высекает искры из чешуи, покрывающей его тело.

Первые удары прошли впустую, и теперь уже сама появившаяся внутри пентаграммы тварь отошла от перемещения и приспособилась к миру людей и сумраку пыточной. Демон схватил Айна поперек туловища своей огромной лапишей и сжал, до хруста ломаемых костей, обхватил пастью голову, будто собираясь откусить лакомый кусок, но вместо этого оторвал ее, оставив торчать белый остов позвоночника, запрокинул тело и присосался к ране, как к бутылке дорогого вина, жадно глотая кровь. Меня передернуло от представшего зрелища, вжавшегося в угол комнаты Гленда, не смотря на сковывающий ужас, согнуло в рвотных позывах, и уже трое моих слуг вернулись в доминион.

Я ударил магией — делающего очередной глоток демона вмазало в стену вместе с телом Айна, потолок задрожал, а мне на голову посыпалась каменная пыль, предупреждая, что второго такого издевательства свод может не выдержать, похоронив под завалами всех. Решив покончить с тварью разом, я сформировал и бросил копье света, но демон был быстр, очень быстр, он извернулся и взмахнул крыльями, оказываясь вне досягаемости заклинания. А между тем обвалилась поврежденная кладка стены, нарушая удерживающие и ослабляющие демона знаки, еще немного и он сможет вырваться наверх, в замок, где полно людей и источников силы. Уже сейчас я могу почувствовать их страх и непонимание от дрожащего от ударов пола под ногами, похоже, почувствовал это и демон, потому как нанес еще несколько ударов по своду.

Не придумав ничего лучшего, я подпрыгнул и схватил хитрую тварь за ногу, намереваясь сбросить ее, и покрыл себя светом, словно броней. Жуткий по своей силе вой боли и отчаяния заполнил зал, по моему доспеху засучили когти, покрывая его сетью прорех, а затем я грохнулся на спину, как бойцовский пес, вцепившись в отгрызенную демоном собственнуюконечность. Из десятка глубоких ран на руках и груди сочилась кровь, их жгло словно огнем, и тут я вспомнил, за каким чертом притащил сюда жреца светлой богини.

— Турус! — Ноль внимания, — Турус, мать твою! Делай хоть что-нибудь! — Я швырнул в жреца конечностью демона, окончательно приводя того в чувства.

Обожженная светом, покрытая волдырями и сочащейся полузапекшейся черной кровью нога демона попала прямо в грудь жреца, в самый центр белых парадных одежд. От соприкосновения с которыми многочисленные "пузыри"

заполненные склизкой дрянью, лопнули еще больше испачкав поборника света в выделениях демона. Только сейчас, стряхивая с рукава кусочек приставшей плоти, он, наконец, отвлекся от собственных мыслей, а уж ему было о чем подумать!

POV. Турус, вроде как жрец

Темные боги! — про себя матерился Турус, — а я еще ломал голову, какие интересы преследуют эльфы в вольных баронствах, как отреагируют, если я попытаюсь оказать давление на их ставленника. Дьявол! Да они все святые раз столетиями терпели подле себя сумасшедшего, способного притащить жреца света к рассаднику тьмы и преспокойно заготавливать демонов, словно обыкновенное мясо, как какое-то сырье на продажу! Да этого безумца наверняка изгнали из рода, прокляли и дали пинка под зад с наказом никогда не приближаться к заветным лесам!

Хлюп… Что-то ударило в грудь, пока я с изумлением и трепетом смотрел на ворвавшегося в наш мир демона. Пресветлая, помоги. Я впервые в жизни увидел саму тьму во всей ее мощи… Меньше чем за полминуты трое воинов, что до этого с успехом убивали демонов, валяются мертвыми. А сам эльф, окутанный в тускнеющий свет, в посеченных доспехах сидит на заднице в луже собственной крови и поливает его, Туруса, благим матом, приплетая Пресветлую и весь пантеон, о котором он хоть когда-либо слышал. Я был обескуражен, удивлен, поражен. Черт побери, да я был как слепец внезапно увидевший… (Жрец опустил голову, чтобы наконец-то рассмотреть, что же в меня бросил этот сумасшедший)

— …дерьмо, — изрек Турус, мгновенно отошедший от шока. Он смахнул с рукава какой-то ошметок, от чего загадил рясу еще сильнее и вдарил в пространство таким потоком божественного света, что я невольно зажмурился от удовольствия, впитывая в себя дармовую силу. Хорошо…, раны постепенно начали затягиваться, а ничтожная, порядкомпопользованная крупица заимствованной чужой мощи возрастала и крепла с каждым мгновением. Но все имеет свойство кончаться, подошел к концу и этот подарок. Повинуясь какой-то детской наивности, в надежде урвать еще хотя бы кусочек, я посмотрел жрецу прямо в глаза.

— Может повторим? А то не сегодня-завтра с проверкой заявится инквизитор и "работа" закончится, он и так порядком подзадержался.

— А я и есть тот самый инквизитор… — как-то хмуро, по-будничному констатировал факт Турус, брезгливо стаскивая с себя еще недавно белую тряпку.

— Шутить изволим? — спросил я, примериваясь как бы половчее отпилить упавшей, безжизненной туше демона голову, его череп стал бы прекрасным трофеем и достойным напоминанием как поступать не стоит.

— Нет, — Внезапно ставшим властным голосом ответил Турус, и по изменившемуся тону я как-то сразу понял, не шутит, а эльфийское чутье подтвердило — не врет. М-мать! До меня вдруг начало доходить… Пентаграмма, лужи крови, трупы людей, в чьи тела занимали низшие, каменные стены, исписанные рунами и ритуальными знаками, черные свечи, расчлененные демоны и шокированный новостью барон, застывший с рогатой отрубленной башкой в руках. А на все это взирает жрец, вернее инквизитор Пресветлой с надменным, превосходящим, колючим взором, сулящим кучу проблем.

— Гх, гх, гхм… — Я закашлялся и бросил на мокрый каменный пол свой трофей. Хм… Трофей…

— Треть от заработанного твоя! — Турус молчал, в его голове упрямо боролись два желания: прикончить меня немедленно или прилюдно. Но плавно его взгляд переместился на мои уши и, досадливо поморщившись, как от ноющей зубной боли, он нехотя произнес:

— Половина.

— Да ты в конец охре… То есть, жадность грех!

— На благо церкви, — безразлично поправил Турус, и жестко добавил, — но *Я* могу забрать *все*. — И готов поклясться, это загадочное "все" могло включать в себя что угодно, он трофеев и золота, до земель или даже жизни. Конец…, выбора не осталось. Некоторое время я молчал, тупо смотря впереди себя, но через минуту оттаял.

— Согласен, при условии, что на каждом ящике поставят церковный штамп, или что у вас там делают, чтобы не было претензий к происхождению товара. — Турус благосклонно кивнул.

Нет, я и без этого был согласен на все, но, быстренько прикинул: цена легального товара возрастет раза в полтора, к тому же не будет мороки с выходом на черный рынок и поиском покупателя. Черт, да с этой маленькой оговоркой я вполне могу остаться в плюсе…

Посидев в одиночестве в грязном, вонючем и основательно пострадавшем помещении, чувствуя себя немного обманутым, обведенным вокруг пальца, как какой-то крестьянин, я размышлял. В самом деле, а почему бы сыну лесоруба не стать сначала послушником, а позже и инквизитором? Рассказать правду, чувствующему ложь эльфу и умолчать только об одной

маленькой детали… Я рассмеялся, выпуская наружу скопившееся напряжение, вот же хитрый жучара! Однако же это была победа, полная и безоговорочная! Демон, заключивший выгодную сделку с инквизицией! Я снова рассмеялся, на этот раз от всей души, озаряя мрачный пейзаж искренним весельем, чисто из вредности размышляя, а чем еще я могу "помочь" официальной религии имперцев?

А ведь я помогу. Например, подарю храму еще немного земли, найму лучших мастеров и построю прекрасное двухэтажное здание, с обилием больших и светлых комнат, не чета монастырским клеткам, и буду спроваживать туда каждого больного и раненного, каждого сорванца, поцарапавшего пальчик, всякого нищего и убогого, нуждающегося в еде и крыше над головой. А все потому, что каждый раз, проходя у западной стены, я вспоминаю о сотнях раненных, стонущих, кричащих и проклинающих людей, помочь которым не хватает ни сил ни возможностей. Повсюду кровь, грязь и глубокие, опасные раны, которые поначалу нечем было даже промыть из-за недостатка чистой воды. Пот, гной, тяжелые запахи испражнений тех, кто из-за полученных ран до сих пор не в состоянии дойти до отхожего места, угнетенные взгляды женщин, жен, детей…

Я построю в своем баронстве больницу, первую и единственную в вольных землях, и персонал в ней будет целиком и полностью из послушников Пресветлой, пусть пачкают белые ручки и соответствуют высокому статусу, и что пахать они будут за даром — не мои проблемы. Инструментами и зельями я обеспечу, но снова погружаться в заботы — увольте, в конце концов, теперь я аристократ и мне не по статусу впахивать наравне с крестьянами и выгребать дерьмо, мой удел более сложные случаи, когда без моих знаний не обойтись никак. И вотвесь этот подарок из клубка забот (отступные в виде земель), я и подумываю использовать в беседе с Турусом по душам, а что она состоится я не сомневаюсь. Не может же недавний странник, внезапно обернувшийся расчетливой, облеченной властью персоной, закончить все так быстро, при этом имея на руках такие козыри? Но компромисс нужен нам обоим, так что "договоримся", — я снова многообещающе улыбнулся, ненавижу, когда меня пытаются обмануть.

Часть 2

Семь месяцев спустя, земли вольного баронства де Ганзак.

Постепенно баронство преображалось, заключались браки, рождались дети, осваивались полученные после сражений и интриг земли, строились новые деревни и укрепления, заканчивало свою подготовку ополчение, полностью готовое занять оборону форпостов. А еще я посадил в фонтане во внутреннем дворике донжона те самые клубни водных растений, из-за которых мне пришлось умереть человеком, чтобы возродиться эльфом. Как оказалось, они прекрасно накапливают силу жизни и эликсиры из них — загляденье. Да и весь сад в купе с фонтаном и беседкой, не без помощи магии, я превратил в одно большое зеленое, пышущее цветами и жизнью место, а пожилой садовник, заправляющий здесь до меня, стал скорее приятным собеседником, иногда дающим очень интересные советы, нежели рабочим.

Ух, вставая со скамьи, он схватился за доставляющую постоянные неудобства ногу, годы проведенные в копании в земле на коленях подорвали здоровье не молодого уже человека. Я наклонился к воде и вырвал с корнем ближайшую водяную лилию, бесцеремонно оборвал стебель и вручил клубень старику.

— Держи, съешь, это поможет.

Старик с благодарностью принял подарок от эльфа, заслужившего твердую славу целителя, и не спеша направился на рыночную площадь по своим семейным делам. А спустя минутуторговец-гном ошалелыми глазами провожал старика в совсем уже не новых, блеклых и застиранных одеждах садовника, словно обыкновенное яблоко грызущего клубень Овиолуса, с которым эльфы расстаются не менее чем за полсотни золотых за штуку. Так кто же такой этот старик?

Люди и гномы не первое столетие пытаются вырастить это растение, да и не они одни, но все усилия тщетны, цветок так ни разу и не распустился. Всем было невдомек, что за ним нужно не только ухаживать, обеспечивать нужные условия, температуру и влажность, но разговаривать с ним, уговаривать расцвести на древнем наречии, известным одним только эльфам. И уж точно никто бы не догадался, что единственные слова, которые сказал барон Анст на древнеэльфийском в адрес цветка Овиолуса были отборнейшей бранью, скопившейся после нескольких месяцем безрезультатных мучений, весь смысл которых сводился к одной единственной фразе "выдру нахрен этот бесполезный сорняк, если он наконец не расцветет!", и этого оказалось достаточно…

Меж тем гном старательно думал, глядя вслед старику: что вообще творится в этом баронстве?! Почему послушники пресветлой лечат больных и привечают сирот, а благодарят за это барона? Почему крестьяне сами упрашивают его принять десятину в обмен за помощь, заботу и покровительство? Что в нем такого особенного и как это объяснить? Гном выругался, каждый раз, когда он был уверен, что сильнее его удивить не удастся, всегда находилось что-то новое и еще более необычное — это выводило его из себя. Кажется, в запале, не заметно для себя, он даже обронил что-то лишнее, потому как один из мотавшихся по мелким поручениям мальчишек вдруг резко развернулся и побежал совершенно в другую сторону, нежели собирался, а часом спустя удивленному гному пришло приглашение к самому барону Ансту Сатаэлю де Ганзак.

— …Барон, позвольте вопрос, а для чего вам понадобилось столько ткани? — спросил коренастый гном, сидящий напротив вольготно расположившегося на кресле эльфа.

— Хм, — улыбнулся тот, — как дворянин может допустить, чтобы любой наемник имел возможность выглядеть также, а то и лучше него? — вопросом на вопрос ответил эльф. — Если ткань и впрямь настолько хороша, я не желаю, чтобы она попала в чужие руки. И, поскольку ваши товары закончились, то и вам и вашему каравану больше нет повода задерживаться в замке, ведь я прав, уважаемый Рогмир?

— Все так, господин барон, все так… — немного обескураженный напором барона, протянул гном.

— В таком случае я предлагаю вам спокойно продолжать выполнять ваше задание, но, скажем, в качестве кузнецов. Видите ли, местные мастера способны сделать отличную сталь из добытой на моих землях руды, изготовить добротные доспехи и мечи, но это однотипные, относительно простые образцы для наемников и стражи. Никакой тонкой или уникальной работы, никаких особых свойств — обычный металл, которому придали форму. Я не слишком хорошо разбираюсь в кузнечном деле (гном тихонечко фыркнул себе в бороду на это заявление), но хочу получить большее.

— А…

— Рогмир, не нужно меня оскорблять и недооценивать, не вы первый приехали в этот замок, чтобы посмотреть на *таинственного эльфа*, получившего дворянский титул среди людей и черкнуть парочку строк своему начальству. К тому же я не поскуплюсь на лучшее сырье, какое только можно достать в вольных землях.

Гном все так же продолжал почесывать бороду, с его точки зрения от этого предложения попахивало, да что там, прямо таки воняло вторым дном! Этому эльфу что-то было нужно, причем настолько сильно, что он был готов терпеть соглядатаев подгорного народа прямо у себя под носом и платить им из собственного кармана, только бы они выполнили его просьбу. Что же, тьма его побери, этому эльфу так сильно понадобилось?! Среди людей достаточно часто встречаются вполне сносные мастера, конечно, не такие хорошие, как гномы, но все же…

Внезапно барон хлопнул в ладоши, привлекая внимание посетителя. Двери кабинета распахнулись, и в комнату зашел слуга с массивным золотым кубком на подносе, выполненном из того же металла, что недвусмысленно намекало о высокой ценности той таинственной жидкости, что была в нем налита. Этот кубок был поставлен перед старшим в торговом караване гномов.

— Я отнюдь не шутил, когда говорил о лучшем… — внимательно глядя тому прямо в глаза протянул эльф.

— О, боги! — в изумлении вымолвил Рогмир, осмотрев и принюхавшись к содержимому кубка, — это же…

— Именно, — подтвердил эльф догадку гнома.

Да это кровь демонов! Кузня, мечи… На изготовление одного по всем правилам закалки уходит до пяти-семи литров объема этой драгоценной жидкости, а добыть ее… — редко кто издемонологов умирает своей собственной смертью. Это сколько же нужно было убить демонов, чтобы выковать хотя бы пару добротных клинков? Гном неторопливо поглаживал бороду, пытаясь хотя бы примерно прикинуть, выходило не менее пятерых. Впрочем, обычные мелкие бесы, коих бывает призывают подгорные маги тут не подойдут, ведь чем сильнее была тварь перед смертью, тем мощнее получится закаленный на крови клинок, впитавший в себя частицу хаоса и тьмы. Насколько он знал, добрая половина призывателей теряет свои души в погоне за большей силой, но и по-настоящему могущественная кровь может многое, а судя по вязкости, это была именно она. Закаленное в ней лезвие будет способно разрубить, или как минимум ослабить вязь заклятий, а низкоуровневые даже развеять, впитав в себя их силу. Кровь демона в умелых руках способна навредить еще и не имеющим плоти духам, что так любят призывать орочьи шаманы и натравливать на не защищенных от магии воинов и защитников крепостей. В мире не так много оружия с такими свойствами и большую егочасть ковали именно гномы.

Теперь-то понятно, для чего этому эльфу понадобился мастер кузнечного дела, ха (в гноме загорелся внутренний огонек), за свою работу он получит не только самую высокую цену, но и славу мастера, работавшего с поистине редким материалом! Клинок, который он изготовит для барона будет лучшим из когда-либо созданных! Только бы хватило бы крови для закалки лезвия… А следующим утром в выбранную им кузню, под ошарашенные взгляды немногих посвященных и отвисшую в удивлении челюсть гнома, привезли двадцать сорокалитровых бочек…

Всю следующую неделю старейшину Рогмира, день и ночь проводящему в замковой кузне, регулярно посещали хмурые, не веселые воины с десятками шрамов на теле и жуткими, уродливыми отметинами от заживших ран, нанесенных демонами. Каждый из них заказывал что-то свое, кому-то нужна была только потайная кольчуга и пара стилетов, кому-то полный латный доспех и тяжелый двуручник — все они были матерыми одиночками, вдоволь хлебнувшими крови и горя, большинство из них не способно сражаться в строю.

Но более всего старого гнома удивила ослепительно красивая женщина, настолько красивая, что даже у него, старого, видавшего виды мастера, когда он снимал с нее мерки, закапали слюни, хотя и будучи юнцом, он никогда не замечал за собой слабости к человеческим самкам. Эту женщину звали Клэр (вампирша, если кто не догадался), и заказала она не что иное, как полный доспех тени, от меча, до самой малой скрытой иглы, и уж кому, как не кузнецу-гному знать истинное предназначение того, что выходит из-под его собственного молота.

Все эти разумные во главе с бароном к чему-то усердно готовились, не жалея ни сил, ни времени, ни здоровья, готовились к чему-то масштабному, и Рогмир узнал об этом одним из первых, что непременно отразится в его отчетах. Эльф был совершенно прав, предположив, что путешествуя с караваном, гном собирал слухи по всей империи и не мог не посмотреть на загадочного эльфа правящего людьми, а теперь и подавно он не сможет покинуть эти земли, не разнюхав, к чему так усердно готовится барон. Но если помнить о близости степи и оружии, способном на равных поспорить с силой шамана… — неужели орки?!

Анст, полируя свой новый доспех, первый, из изготовленных гномом.

Да уж, пора как-нибудь определяться между: "долго и

счастливо" и "бурно, но весело". Так что же выберу я? Пожалуй, что предпочту третий вариант, но это уже совсем другая история…

Вот теперь КОНЕЦ. Надеюсь вы не пожалеете пары минут и **напишете свое мнение в комментарии**, а люди, таскающие тексты по различным сайтам соизволят подождать месяц-два окончания процесса правки или потерпят до более профессиональной его версии со стороны издательства (хочется верить, будет и такой).